ДБ
30
М 82
Москва
въ прошломъ
и настоящемъ
1910
ВЫП 4
БФ
1

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ.

П. Афанасьевъ

Государственная публичная историческая библиотека

Шифр	Инвентарный №
ДБ 30 М82	13960·35
	№ тома 4
Количество страниц или листов текста	124 с. текста с илл.
Количество иллюстраций таблиц, карт и т. п.	илл. в тексте.

Вклейны 23 л. илл

Дефекты	
Примечания	отсут глава Быт Московских царей и цариц
Дата составления паспорта	28.3.85

Зак. 42. ГПИБ.

DB
30 m.
M82

9(47-2)
M82

Москва

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ

П. Ивановъ

Вып. 4
DБ 30 м
М82

Петр Афанасьев.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ.

Въ изданіи принимаютъ участіе:

Проф. Д. Н. Анучинъ, Ю. И. Айхенвальдъ, д-ръ Н. Н. Баженовъ, С. К. Богоявленскій, проф. М. М. Богословскій, В. Я. Брюсовъ, П. Г. Васенко, С. А. Венгеровъ, акад. А. Н. Веселовскій, В. Е. Вѣтринскій, М. О. Гершензонъ, Ю. В. Готье, проф. И. М. Громагласовъ, И. Э. Грабарь, п.-доц. Н. В. Давыдовъ, А. К. Дживилеговъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, И. Н. Игнатовъ, В. В. Каллашъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, пр.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, проф. Д. Г. Коноваловъ, Н. О. Лернеръ, проф. М. К. Любавскій, чл. Гос. Думы В. А. Маклаковъ, проф. А. А. Мануиловъ, С. П. Мельгуновъ, чл. Гос. Думы П. Н. Милюковъ В. Г. Михайловскій, проф. С. А. Муромцевъ, В. В. Нечаевъ, А. П. Новицкій, проф. С. Ѳ. Платоновъ, В. И. Пичета, инж.-арх. В. И. Рубановъ, В. И. Семенскій, проф. М. Н. Сперанскій, кн. А. И. Сумбатовъ, Н. И. Тимковскій, директоръ Археол. инст. А. И. Успенскій, пр.-доц. С. К. Шамбинаго, Акад. А. А. Шахматовъ, П. М. Шестаковъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, Н. Е. Эфросъ и м. др.

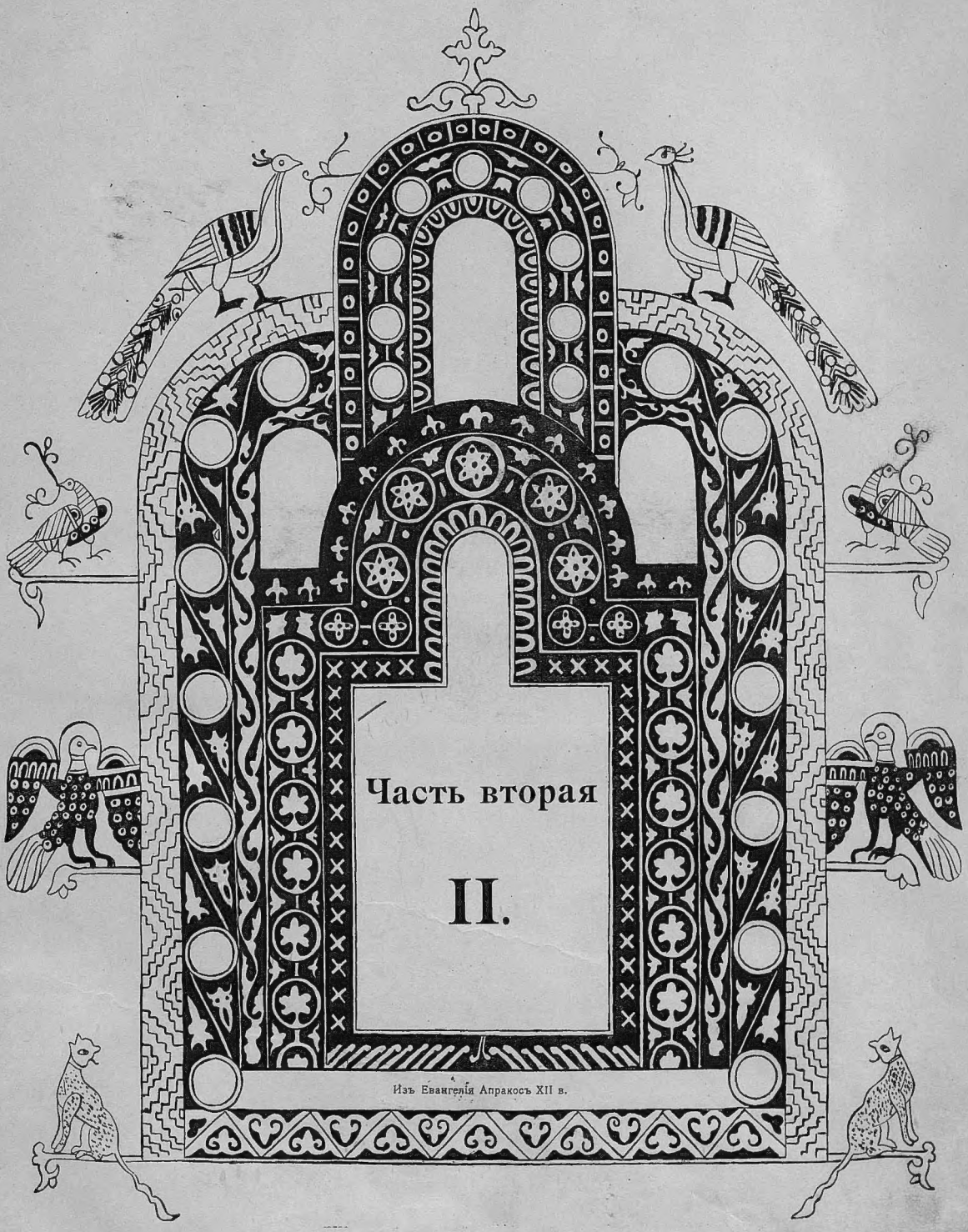
Роскошно-иллюстрированное изданіе
Посвященное памяти историка Москвы И. Е. Забѣлина.

Московское Кн-издат. Товарищество
„Образованіе"
1910

ГПИБ
ИЛИАДА
1005
198

ТИПОГРАФІЯ
„Русскаго Товарищества“.
Москва, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. 18-35.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 13960
30 " XII 1935 г.



Часть вторая

II.

Изъ Евангелія Апракосъ XII в.

Gravüre Mezzotinto Brückmann München.

Марія Ильинишна, урожд. Милославская.

Первая супруга царя Алексѣя Михайловича.

Москва
ея
прошломъ
и
настоящемъ

Изъ Псалтыря Суздальскаго монастыря XVI в.

Гражданская архитектура старой Москвы.

А. П. Новицкаго.

Прослѣдивъ ходъ развитія церковной архитектуры въ Москвѣ, перейдемъ теперь къ гражданской архитектурѣ. Здѣсь мы еще болѣе имѣемъ основанія вспомнить выраженіе И. Е. Забѣлина: древняя Москва былъ городъ деревянный.

Дѣйствительно, даже въ XVII вѣкѣ это бросалось въ глаза всѣмъ путешественникамъ-иностранцамъ, и каждый изъ нихъ отмѣчаетъ это обстоятельство. «Жилыя строенія,—говоритъ Олеарій—(за исключеніемъ домовъ бояръ и нѣкоторыхъ богатѣйшихъ купцовъ и нѣмцевъ, имѣющихъ на дворахъ своихъ каменные дворцы), построены изъ дерева, или изъ скрещенныхъ и насаженныхъ другъ на друга (т. е. сложенныхъ въ срубы) сосновыхъ и еловыхъ балокъ. Крыши крыты тесомъ, поверхъ котораго кладутъ бересту, а иногда дернъ. Поэтому то, добавляетъ онъ, часто и происходятъ сильные пожары».

То же самое говорятъ и другіе путешественники: XVI вѣка — Герберштейнъ, Іовій, Матвѣй Меховскій, Ричардъ Ченслеръ, Барберини, Гваньино, Николай Варначъ, и XVII вѣка—Какашъ, Петръ Петрей и Лизекъ. Всѣ они болѣе или менѣе сходятся въ самомъ описаніи города, и я приведу изъ нихъ, какъ наиболѣе характерныя, описанія Іовія, Барберини и Петрея.

«Дома въ Москвѣ,—говоритъ первый изъ нихъ,—вообще деревянные, раздѣляющіеся на столовую, кухню и спальню, помѣстительные и постройкою не очень огромные, да и не слишкомъ низкіе. Громадной величины бревна... обтесываютъ по шнуру и подъ прямымъ угломъ прилаживаютъ и сколачиваютъ...; такимъ образомъ выводятся наружныя стѣны, очень

прочныя, безъ большой траты денегъ и времени. При каждомъ почти домѣ есть сады». «Дома ихъ,—говоритъ Барберини,—какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ другихъ, точно также и по деревнямъ, малы, неудобны, не соотвѣтствуютъ условіямъ вѣжливости и приличія. Въ нихъ одна комната, гдѣ ѣдятъ, работаютъ и дѣлаютъ все; въ комнатѣ для тепла печь, гдѣ обыкновенно спитъ вся семья, и однако у нихъ нѣтъ смысла, чтобы сдѣлать трубу, по которой бы выходилъ дымъ; они даютъ ему вылетать въ дверь и окна, такъ что быть тамъ не малая мука».

Нѣкоторое разнорѣчіе между этими двумя описаніями, несомнѣнно, объясняется тѣмъ, что Барберини описываетъ, очевидно, дома простолюдиновъ, представляющіе курныя избы, а Іовій—дома зажиточныхъ горожанъ.

У Петрея рѣчь идетъ и о тѣхъ, и о другихъ. «Дома у нихъ строятся,—говоритъ онъ,—чрезвычайно высокіе, изъ простой сосны, въ три или четыре комнаты, одна на другой. И тотъ, кто выстроитъ себѣ самыя высокія хоромы, съ крышею надъ лѣстницею крыльца, тотъ и считается въ городѣ самымъ пышнымъ и богатымъ тузомъ. Такіе дома особенно стараются строить богатые дворяне и купцы, хотя внутри этихъ домовъ найдешь немного такого, чѣмъ бы можно было похвалиться. Кровли спускаютъ на обѣ стороны внизъ и кроютъ древесною корою, снятою съ березъ и сосенъ, также и другимъ плохимъ матеріаломъ, а доски прикалачиваютъ желѣзными гвоздями. У небогатыхъ и бѣдныхъ — курныя избы, такъ же какъ и у мужиковъ по деревнямъ; когда топятъ эти избы, тамъ быть никому отъ дыма невозможно—всѣ должны оттуда уходить, пока не прогоритъ огонь; тогда опять входятъ въ избы, которыя теплы и жарки, точно баня. А знатные и богатые—тѣ кладутъ печи у себя въ домахъ изразцовыя; строятъ также на своихъ дворахъ каменные домики и склепы (т. е. кладовыя), гдѣ хоронятъ отъ пожара лучшее оружіе и проч... На дворѣ у нихъ строятъ также и другіе покои, гдѣ живутъ и спятъ они въ жаркую лѣтнюю пору. У нѣкоторыхъ есть такіе дворы, что могутъ помѣститься три—четыре тысячи человѣкъ».

Дѣйствительно, любовь къ деревяннымъ постройкамъ была настолько сильна, что даже цари, имѣя уже большія каменныя палаты, долгое время продолжали пользоваться ими только для парадныхъ случаевъ, а жили въ деревянныхъ пристройкахъ. Да и въ наше время не рѣдкость подобный взглядъ на каменные и деревянные дома, а въ то время такое мнѣніе имѣло даже большое основаніе, такъ какъ, безъ хорошей искусственной вентиляціи, каменный домъ, конечно, вреднѣе для здоровья, чѣмъ деревянный.

Начнемъ изученіе этого рода архитектуры съ Кремлевскаго дворца, какъ съ самаго важнаго памятника, при томъ же о немъ мы имѣемъ болѣе всего матеріала, и вещественнаго, и письменнаго.

Еще великій князь Иванъ III, призвавъ въ Москву итальянскихъ мастеровъ, для постройки Успенскаго собора, поручилъ Марку Руфу построить и дворецъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ «набережный златоверхій теремъ». Въ 1487 г. заложена была сперва Малая палата, а черезъ четыре года тотъ же Маркъ Руфъ, вмѣстѣ съ Петромъ Антоніемъ, выстроили и Большую палату, извѣстную подъ именемъ Грановитой.

Въ планѣ своемъ, Грановитая палата представляетъ почти квадратъ, со столбомъ посрединѣ. Крыта она сводами, которые, опираясь на наружныя стѣны палаты, со всѣхъ сторонъ сходятся къ срединному столбу, служащему имъ второю опорою. Возобновленіе палаты передъ коронаціей Александра III показало, что первоначальное перекрытіе оконъ было сдѣлано по двумъ арочкамъ, что подтверждается и рисунками въ рукописи «Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича». Эти рисунки, кромѣ того, свидѣтельствуютъ еще, что въ тѣ времена кровля была шатровая, а крыльцо имѣло характерные для тогдашнихъ русскихъ построекъ три рундука, крытые высокими шатрами и бочкою. Кромѣ этого главнаго крыльца, къ палатѣ вели еще два крыльца. Это вызывалось самымъ назначеніемъ палаты для пріема посольствъ. Такъ, Олеарій, разсказывая про пріемъ ихъ посольства, говоритъ, что разныя крыльца въ Грановитой палатѣ были для того, чтобы разныхъ пословъ вести по разнымъ ходамъ; христіанъ вели мимо церкви: «насъ,—говоритъ онъ,—повели черезъ сводчатый проходъ, мимо очень красивой церкви, въ залу аудіенціи, находящуюся направо, на верхней площади; татаръ и персовъ ведутъ не по этой дорогѣ, но сразу же черезъ середину площади и вверхъ по широкому крыльцу».

Порталъ западной двери.

Порталъ западной двери.

По окончаніи постройки этой палаты, великій князь хотѣлъ было продолжать постройку своего дворца, но случившійся, 28 іюля 1493 г., страшный пожаръ заставилъ на нѣсколько лѣтъ отложить ее, и только въ 1499 г. Алевизъ Фрязинъ заложилъ «дворъ каменъ, палаты каменныя и кирпичныя, а подъ ними погребы и ледники,

да и стѣну каменную отъ двора до Боровицкихъ воротъ», и окончилъ постройку въ 1508 г.

Послѣ того, понемногу, строились одна часть каменнаго дворца за другою; среди этихъ каменныхъ палатъ, а по временамъ и на самыхъ каменныхъ этажахъ выстраивались деревянныя хоромы, долгое время служившія единственными постройками для жилыхъ помѣщеній. Наиболѣе законченный видъ Кремлевскій дворецъ получилъ лишь въ XVII вѣкѣ, къ которому и относится помѣщенная здѣсь моя реставрація этого дворца.

Къ Грановитой палатѣ вели, какъ я сказалъ, три лѣстницы, изъ которыхъ главная называлась «Золотою» и вела на «Красное крыльцо». Она была бѣлокаменная, покрытая желѣзными плитами, и дѣлилась тремя рундуками на четыре части; съ внѣшней ея стороны шли каменныя рѣзныя перила. Вся лѣстница имѣла кровлю, покрытую золоченой мѣдью, откуда, очевидно, и получила свое названіе. Надъ нижними двумя рундуками возвышались, на рѣзныхъ каменныхъ столбахъ, красивые шатры, увѣнчанные орлами, а верхній рундукъ былъ покрытъ бочкою. Внутри вся она была расписана золотомъ и красками, а у входа запиралась желѣзною, тоже расписанною, рѣшоткою.

Пѣсенка, ведущая въ теремокъ.

Красное крыльцо само имѣло тоже особую кровлю, въ видѣ двухъ шатровъ, крытыхъ бѣлымъ желѣзомъ. Тѣмъ же именемъ называлась и вся площадка, носившая еще названіе «Переднихъ переходовъ», на которую вели, кромѣ описанной, еще двѣ лѣстницы. Двери, ведшія съ Краснаго крыльца, были обиты жестью, тоже расписанною золотомъ и красками.

Самый дворецъ состоялъ изъ множества отдѣльныхъ построекъ, частію каменныхъ, а частію, какъ я уже говорилъ, и деревянныхъ. Тутъ были палаты Шатровая, Средняя, Столовая брусяная изба, Панихидная палата, Посольская палата, Набережныя палаты, Постельныя хоромы, Царицына Золотая палата, Жилецкая и Мастерская палаты, Теремные покои, комнаты царевенъ, хоромы царицы, дворцы Хлѣбный, Кормовой, Сытный, разныя служебныя палаты, погреба, житницы и т. д., и т. д.—въ безчисленномъ количествѣ. Здѣсь же было множество отдѣльныхъ церквей, входившихъ въ общій составъ дворца. Наконецъ, еще были Верхній и Нижній набережные сады.

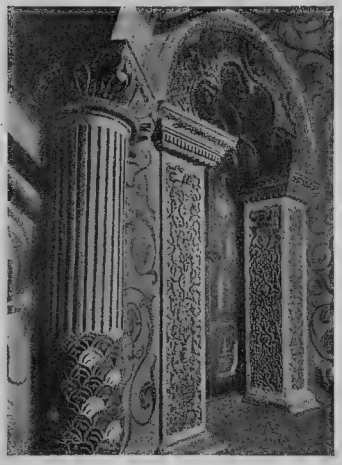
Верхній садъ расположенъ былъ на сводахъ обширнаго каменнаго зданія, спускавшагося фасадомъ до подошвы кремлевской горы. Онъ былъ

Ротонда въ имѣніи Юсуповыхъ

с. Архангельское.

обнесенъ каменной оградой, съ окнами, которыя были украшены рѣзными расцвѣченными рѣшотками, откуда открывался обширный видъ на Замоскворѣчье. Среди сада былъ устроенъ прудъ, куда, посредствомъ машины, находившейся въ особой Водовзводной башнѣ, накачивалась вода изъ Москвы-рѣки. Въ прудѣ и въ разныхъ мѣстахъ сада были фонтаны—«водометы», или «водяные взводы». По угламъ сада стояли два терема, украшенные рѣзьбою и расписанные травами.

Въ сущности говоря, самое устройство такого сада не является чѣмъ-нибудь чрезвычайнымъ,—кромѣ этихъ садовъ, были и еще маленькіе комнатные садики, даже при нѣкоторыхъ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ дворца и иногда тоже не въ нижнемъ этажѣ; были сады и въ боярскихъ хоромахъ. Но здѣсь бросается въ глаза самая колоссальность сооруженія, представляющаяся чѣмъ то въ родѣ знаменитыхъ висячихъ садовъ Семирамиды.



Западная дверь теремка въ Кремлѣ.

Чтобы судить, какъ устраивались подобные верхніе сады, мы имѣемъ описаніе перестройки сада, что на верхнихъ хоромахъ на Потѣшномъ Дворѣ, въ 1685 г., называвшагося Верхнимъ комнатнымъ садомъ и помѣщавшагося на каменныхъ сводахъ, длиною десять саженъ, шириною—четыре сажени. «На покрытіе площади для сада вышло около 640 пудовъ свинцу, изъ котораго водовзводнаго дѣла мастеръ Галактіонъ Никитинъ лилъ доски, покрывалъ ими своды и прочно запаивалъ. Въ апрѣлѣ, въ это свинцовое вмѣстилище наносили хорошо просѣянной земли, глубиною на аршинъ съ четвертью, для разсадки растеній; сдѣлали гряды и ящики для цвѣтовъ; огородили весь садъ рѣшеткою съ балясами и съ прорѣзною дверью и расписали ее черленью (красною краскою). Въ 1687 г. сюда проведена была вода посредствомъ свинцовыхъ трубъ и водовзводныхъ ларей и устроенъ прудокъ. Въ это время въ саду росли уже «цареградскій орѣхъ», «грецкіе орѣхи» и кусты «сереборинниковъ». Къ зимѣ ихъ закрывали «рядными» рогожами и войлоками; орѣхи сидѣли въ струбахъ или грунтахъ.

Въ описанномъ же выше верхнемъ саду, одинъ только прудъ былъ около пяти саженъ длины, четырехъ саженъ ширины и въ два аршина глубины, такъ что впослѣдствіи первые мореходные опыты Петра I начались именно въ этомъ прудѣ, гдѣ онъ плавалъ на своихъ «потѣшныхъ» судахъ. Чтобы садъ казался еще больше, стѣны его, бесѣдки и столбы расписывались «проспективнымъ письмомъ», которое, напримѣръ, въ 1683 г., было поручено иноземному мастеру Петру Энгельсу.

Такимъ образомъ, внѣшній видъ дворца, въ концѣ XVII вѣка, представлялъ чрезвычайно пеструю массу зданій, самой разнообразной величины и конструкціи. «Зданія, замѣчаетъ И. Е. Забѣлинъ, тѣснились другъ

подлѣ друга, возвышались одно надъ другимъ и еще болѣе увеличивали общую пестроту своими разнообразными крышами, двускатными, епанечными, въ видѣ шатровъ, скирдовъ, бочекъ, съ прорѣзными золочеными гребнями и золочеными маковицами наверху, съ узорочными трубами, искусно сложенными изъ поливныхъ изразцовъ. Въ иныхъ мѣстахъ возвышались башни и башенки съ орлами, единорогами и львами вмѣсто флюгеровъ».

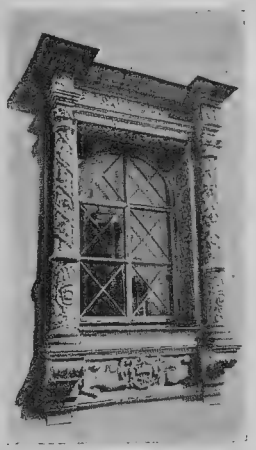
Кровля каменнаго Терема первоначально была расписана золотомъ, серебромъ и красками, а впослѣдствіи вызолочена; нѣкоторыя части зданій были покрыты бѣлымъ желѣзомъ, а деревянныя части—гонтомъ, «по чешуйчатому обиванію» и выкрашены зеленой краской. Богатая рѣзная орнаментація шла по карнизамъ и по подзорамъ зданій въ видѣ поясовъ, по угламъ—въ видѣ пилястръ и колонокъ, у оконъ и дверей—въ видѣ сандриковъ, наличниковъ, колоннъ, полуколоннъ, капителей и т. д., рѣзанныхъ и изъ дерева, и изъ бѣлаго камня. Вся эта рѣзьба расписывалась яркими красками, а мѣстами густо покрывалась позолотою, а частію—серебромъ.

Терема. Смотрительная башенка.

Внутри, стѣны и потолки, большею частью, обшивались «краснымъ», тщательно выструганнымъ тесомъ, а въ брусяныхъ хоромахъ нагладко выскабливались самые брусья, какъ стѣнные, такъ и потолочные. Особенное вниманіе обращалось на украшеніе потолковъ, или на «подволоки»; онѣ покрывались рѣзьбою изъ дерева и составлялись изъ отдѣльныхъ штукъ, щитовъ, или рамъ; иногда онѣ убирались слюдою и рѣзными украшеніями изъ жести, олова и бѣлаго желѣза, а въ такъ называемой Серебряной палатѣ была «вислая подволока» изъ литого серебра. Нерѣдко подволоки расписывались красками, или просто травами, или же цѣлыми картинами. Полъ, или по-древнему, «мостъ», настилался досками или же, «дубовымъ кирпичомъ», т. е. дубовыми брусками, которые иногда дѣлались косыми, и тогда полъ назывался «косящатымъ»; бывали полы и изъ цвѣтныхъ изразцовъ. Изразцовыми же были и печи, которыя имѣли форму четырехугольную или круглую, ставились на ножкахъ, отдѣлывались колонками и карнизами, а самые изразцы расписывались травами, изображеніями людей и животныхъ, а иногда представляли цѣлыя сцены. Трубы выводились наружу въ видѣ коронокъ или шатриковъ и покрывались мѣдными сѣтками.

На украшеніе оконъ обращалось особенное вниманіе, и какъ слюдяныя, такъ и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда употреблялись стеклянныя, оконницы устраивались изъ бѣлаго и краснаго желѣза, въ сѣтку, образу-

ющія рѣшы, кубы, косяки, клинья и т. д., отчего и самыя окна назывались репейчатыми, кубчатыми, косящатыми, клинчатыми и т. д. Въ мѣстѣ скрѣпленія слюды вставлялись оловянныя, большею частію золоченыя бляшки—орлики, зубчики, репейки, кружки, денежки, подъ которыя подкладывались атласные или тафтяные цвѣтки.



Окно Грановитой палаты въ Кремлѣ.

Въ общемъ вся постройка дворца производитъ впечатлѣніе большой разнохарактерности, какъ это и естественно было ожидать,—строился онъ въ разное время и не только разными, но даже разноплеменными мастерами, говоря даже только о каменныхъ частяхъ: строили его и итальянскіе архитектора—Маркъ Руфъ, Петръ Антоній, Алевизъ, и русскіе каменныхъ дѣлъ подмастерья—Баженъ Огурцовъ, Антипъ Константиновъ, Трофимъ Шарутинъ и Ларя Ушаковъ. По общимъ своимъ массамъ, по плану, зданіе это чисто-русское, цѣликомъ повторяющее русскія деревянныя хоромы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить его хотя бы съ деревяннымъ коломенскимъ дворцомъ. Такъ же и строилось оно, какъ строились въ тѣ времена деревянныя жилыя зданія,—по мѣрѣ потребности, пристраивались или надстраивались и отвѣчающія этой потребности помѣщенія. Мало того, даже отдѣльно взятыя части дворца, въ своихъ массахъ, сплошь и рядомъ, носятъ характеръ чисто-деревянныхъ построекъ. Не разъ встрѣчаемое здѣсь уменьшеніе длины и ширины верхнихъ этажей сравнительно съ нижними, при чемъ стѣнки этажей не приходятся другъ надъ другомъ—пріемъ удобный для деревянныхъ, сравнительно легкихъ сооруженій и вовсе не раціональный въ каменной архитектурѣ.

Дверь Жилецкой палаты.

Точно также чисто-русскій характеръ носитъ устройство кровель, крылецъ, причудливая отдѣлка оконъ и ихъ перекрытіе двойной арочкой съ висящей гирькой, плоскій рельефъ разныхъ украшеній и другія детали.

Но зато настолько же несомнѣнно и сильно западное вліяніе, даже въ Теремномъ дворцѣ, построенномъ какъ разъ русскими мастерами,—напримѣръ, въ вѣнчающемъ его антаблементѣ, состоящемъ изъ карниза съ длинными и вытянутыми сухариками, въ богатомъ узорномъ фризѣ и архитравѣ, выраженномъ небольшою тягою, въ профилевкѣ обломовъ, представляющихъ правильные гуськи, каблучки, четвертной валъ и т. д., въ убранствѣ фасада по простѣнкамъ лопатками, которыя соединялись горизонтальными выступами стѣнъ

подъ карнизомъ, при чемъ каждая лопатка раздѣлена еще филенчатой пилястрой, но безъ капители, а съ однимъ только астрогаломъ,—все это формы стиля Возрожденія, хотя, правда, сильно измѣненныя въ русскихъ рукахъ.

Словомъ, здѣсь столько итальянскихъ мотивовъ, что даже многіе знатоки, говоря про отдѣльныя зданія дворца, находятъ ихъ сходными съ разными итальянскими дворцами; а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ цѣломъ, онъ имѣетъ еще болѣе несомнѣннаго сходства съ чисто-русскими деревянными постройками и самъ представляется стильной русскою постройкою.

Очень можетъ быть, что здѣсь не мало имѣла значенія именно разновременность его постройки. Еслибы строилъ его одинъ архитекторъ, то даже въ случаѣ навязыванія ему опредѣленныхъ образцовъ, подобно тому, какъ это было съ Аристотелемъ Фіоравенти при постройкѣ Успенскаго собора, все же, вѣроятно, въ работѣ его проскользнуло бы гораздо болѣе привычныхъ, сродныхъ ему пріемовъ, чѣмъ когда постройка возводилась одна часть за другою, черезъ большіе промежутки, разными строителями, да еще вперемежку съ русскими мастерами.

Я нарочно остановилъ главное вниманіе на Кремлевскомъ дворцѣ, такъ какъ здѣсь, какъ на самомъ важномъ памятникѣ, о которомъ при томъ сохранилось всего болѣе матеріала, удобнѣе всего ознакомиться съ общимъ характеромъ такихъ построекъ, и тогда осмотръ остальныхъ памятниковъ можно сдѣлать болѣе бѣгло. Матеріаловъ же здѣсь осталось настолько достаточно, что, когда мнѣ пришлось работать надъ возсозданіемъ его общаго вида, одновременно со мною работалъ другой изслѣдователь, покойный А. А. Потаповъ: мы оба не знали о работахъ другъ друга до самаго окончанія, а въ результатѣ у насъ лишь взяты разныя точки зрѣнія, а самый видъ дворца вышелъ одинъ и тотъ же.

Самый замѣчательный и типичный изъ деревянныхъ дворцовъ, дворецъ въ селѣ Коломенскомъ, построенный русскими мастерами, Смирнымъ Ивановымъ, Семеномъ Петровымъ и Иваномъ Михайловымъ, въ массахъ своихъ носитъ почти тотъ же характеръ. Онъ также состоитъ изъ цѣлой группы отдѣльныхъ построекъ, соединенныхъ между собою крытыми переходами, даже многіе отдѣльные мотивы, какъ, напримѣръ, формы покрытія, крыльца и многіе другіе—вполнѣ одинаковы, и здѣсь то именно они вполнѣ естественны, какъ формы чисто деревянныя.

Также были построены, въ 1663 г., и царскія хоромы въ селѣ Измайловѣ, представлявшія собою какъ бы огромный хозяйственный хуторъ. И онѣ состояли изъ множества разныхъ отдѣленій: изъ хоромъ для царя, для царицы, для царевича, для царевенъ большихъ и меньшихъ, изъ переднихъ и заднихъ воротъ съ башнями и стрѣлецкими караульными палатами по сторонамъ, изъ служебныхъ палатъ Сытнаго, Кормового и Хлѣбнаго дворовъ. Все это обнесено было каменною оградою, по угламъ которой стояли четыре каменныхъ башни, покрытыя бѣлымъ желѣзомъ и украшенныя орлами.

Слѣдующую интересную постройку гражданской архитектуры представляютъ собою Патріаршія палаты. Ихъ подробное описаніе мы находимъ у Павла Алепскаго.

Лебедевъ К. В.

Кончина царя Ѳеодора Алексѣевича.

Стѣнная живопись въ Покровскомъ соборѣ.

(Соборъ Василія Блаженнаго).

«Нынѣшній патріархъ (Никонъ),—пишетъ онъ,—любя строить и обновлять, выпросилъ у царя дворъ, находящійся близъ Патріаршаго дома, съ сѣверной стороны собора (Успенскаго). Царь подарилъ его, и патріархъ приступилъ къ возведенію на немъ огромнаго, чудеснаго зданія. Его строили нѣмецкіе мастера. Въ нижней части зданія патріархъ устроилъ семь приказовъ, печь и огромную кухню, дабы тепло поднималось наверхъ. Лѣстница, весьма красивая, устроена напротивъ стараго пути къ собору, гдѣ патріархъ всегда останавливался и благословлялъ палаты царицы. Наверху (т. е. во второмъ этажѣ) онъ выстроилъ пріемную палату и сдѣлалъ отъ нея проходъ со стороны царицыныхъ палатъ, по которому иногда проходитъ, и еще проходъ по направленію къ своимъ прежнимъ кельямъ. Внутри этой палаты онъ устроилъ маленькую церковь во имя новыхъ московскихъ святыхъ—митрополитовъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа... Эта палата имѣетъ огромныя (конечно, выраженіе это нужно понимать не въ смыслѣ размѣровъ оконныхъ отверзтій, а въ смыслѣ обработки оконныхъ наличниковъ), съ рѣшотками, окна, выступающія изъ изданія и выходящія на царицыны палаты. Изъ нея входишь въ другую большую палату, которая поражаетъ своей необыкновенной величиной, длиной и шириной; особенно удивителенъ обширный сводъ безъ подпоръ посрединѣ. По окружности палаты сдѣланы ступеньки, и полъ въ ней вышелъ на подобіе бассейна, которому не хватаетъ только воды. Она выстлана чудесными разноцвѣтными изразцами. Огромныя окна ея выходятъ на соборъ; въ нихъ вставлены оконницы изъ чудесной слюды, убранной разными цвѣтами, какъ будто настоящими; съ другой стороны, окна выходятъ на дворъ стараго патріаршаго дома. Въ ней, подлѣ двери, сдѣлана огромная печь, изъ превосходныхъ изразцовъ. Все сооруженіе скрѣплено желѣзными связями съ обѣихъ сторонъ (эта палата—Крестовая)... Внутри этого помѣщенія есть еще покой, который служитъ нартексомъ большой, прекрасной, весьма высокой церкви, устроенной патріархомъ въ честь Святой Троицы, выходящей на площадку Чудова монастыря. На верху этой церкви сдѣланы хоры, и въ нартексѣ ея—три прохода съ лѣстницами: по одному патріархъ ходитъ въ соборъ, ибо онъ напротивъ сѣверныхъ дверей его; другой ведетъ на новый дворъ, третій представляетъ лѣстницу, ведущую на верхъ зданія, гдѣ патріархъ построилъ еще двѣ церкви и кельи для дьяконовъ, откуда открывается видъ на весь городъ. Въ углу Крестовой палаты есть дверь, ведущая къ новому деревянному строенію съ многочисленными кельями, кои идутъ одна за другой и назначены для зимняго помѣщенія, ибо жители этой страны не любятъ жить въ каменныхъ домахъ, потому что, когда печи въ нихъ истоплены, то ударяетъ въ голову, и причиняется головная боль. По этой причинѣ, непремѣнно строятъ для зимы, подлѣ каменныхъ, деревянные дома и по всему зданію—закрытые проходы. Всѣ двери такихъ помѣщеній бываютъ обиты зеленымъ сукномъ».

Я привелъ это подробное описаніе патріаршихъ палатъ, какъ дорогое для насъ свидѣтельство очевидца, при томъ такъ рельефно рисующаго намъ это зданіе, изученное имъ въ такихъ подробностяхъ. А такъ какъ зданіе

это мало чѣмъ отличалось отъ всѣхъ подобныхъ построекъ того времени, то описаніе это получаетъ въ нашихъ глазахъ еще болѣе значенія.

Въ семнадцатомъ же вѣкѣ (1642—1645 гг.) построены каменныя палаты на Печатномъ дворѣ. Строили ихъ русскіе каменныхъ дѣлъ подмастерья, Трофимъ Шарутинъ и Иванъ Невѣровъ, и англичанинъ Христіанъ Головей. До нашего времени уцѣлѣли только обломки колоннъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ воротъ; но сохранились планы и рисунки

Крутицкій митрополичій теремъ.

ихъ, исполненные при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, изъ которыхъ мы видимъ, что надворотная башня имѣла 30 саженъ высоты, а примыкавшія къ обѣимъ сторонамъ воротъ двухъ-этажныя палаты—четыре сажени высоты. Въ корпусѣ воротъ была построена четыреугольная палатка, надъ нею осьмерикъ, а сверху—осьмигранная же башня, съ восемью пролетами и со шпилевымъ пирамидальнымъ верхомъ, который былъ увѣнчанъ двуглавымъ мѣднымъ орломъ; по угламъ башни стояли флаги, или «пропоры».

Верхняя часть надворотнаго корпуса украшалась съ лицевой стороны фризомъ и высокимъ парапетомъ. По обѣимъ сторонамъ большой башни стояли по двѣ глухихъ четыреугольныхъ башенки съ остроконечными верхами, и тоже съ пропорами наверху и по угламъ. Эти башенки, выдаваясь надъ карнизомъ, поддерживались массивными колоннами съ капителями. Двѣ ближайшихъ къ воротамъ колонны, сверху до половины круглыя, внизу осьмигранныя, были покрыты высѣченными въ камнѣ узорами. Въ пролетѣ воротъ, въ полукружіи надъ створами, помѣщались иконы. Около самой арки, или пролета воротъ, виденъ особый выступъ съ пилястрами по сторонамъ и съ карнизомъ наверху, украшенный также высѣченными въ камнѣ узорами, между которыми были изображенія орловъ, грифовъ, львовъ и единороговъ.

Эти палаты заключали въ себѣ четыре помѣщенія: въ верхнемъ этажѣ находились Приказъ, Правильня и Книгохранительница, а внизу двѣ книгопечатни. Въ Правильной палатѣ было двѣнадцать оконъ; крыша на ней была высокая, «двоетесная», съ точеными столбиками. Между Правильной палатой и Книгохранительницей былъ входъ съ рундукомъ и съ каменными лѣстницами; надъ нимъ сводецъ и расписанный красками каменный кіотъ съ иконою Распятія. Какъ внутри, такъ и снаружи, палаты были расписаны. Особенно богато была изукрашена Правильная палата. Расписана она лучшими красками по листовому золоту и серебру; печь сдѣлана «образчатая», полы выстланы муравленою черепицею, а подоконники—цвѣтнымъ ценинным кирпичомъ.

Порталъ сѣверной двери.

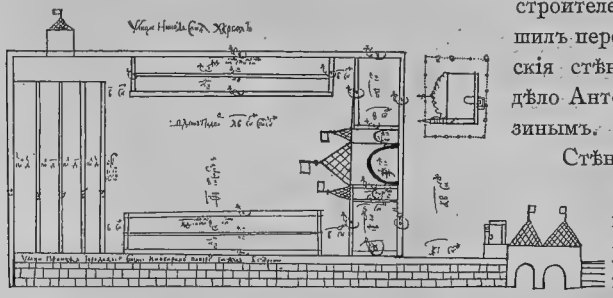
Стоящая внутри ея преграда, съ рѣзными посеребренными дверями, украшена съ обѣихъ сторонъ до самыхъ сводовъ сплошною посеребренною и раскрашенною рѣзьбою. Оконныя рамы и даже самыя стекла въ окнахъ тоже расписаны. Снаружи, на стѣнахъ, мѣстами, и теперь уцѣлѣли старинные карнизы съ поясками изъ выступныхъ кирпичей, а на задней стѣнѣ, на нѣкоторыхъ окнахъ—трехгранные фронтоны съ полуколоннами по сторонамъ. Часть нижняго этажа, находящаяся подъ Правильнею, отличается отъ прочихъ частей зданія стрѣльчатыми сводами съ желѣзными связями.

Къ послѣдней эпохѣ могущества Москвы, передъ перенесеніемъ столицы въ Петербургъ, относятся—теремъ надъ воротами Крутицкаго архі-

ерейскаго дома (нынѣ Крутицкія казармы), отличающійся сплошной облицовкой фасада цвѣтными изразцами, и Сухарева башня, которая вовсе не имѣла никакого крѣпостного значенія, а была сооруженіемъ чисто гражданскаго характера. Высота ея достигаетъ тридцати саженъ.

Жилища богатыхъ москвичей носили, въ общемъ, тотъ же характеръ, что и разсмотрѣнныя нами палаты и хоромы, только, конечно, имѣли болѣе скромный видъ, при чемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже строго наблюдалось за извѣстной градаціей въ великолѣпіи жилища въ связи съ общественнымъ положеніемъ владѣльца этого жилища: чѣмъ, напримѣръ, важнѣе былъ боярин, тѣмъ выше воздвигалъ онъ свои хоромы. Но вообще богатыхъ, особенно каменныхъ сооруженій у частныхъ лицъ встрѣчалось мало въ древней Москвѣ; между прочимъ, развитію ихъ мѣшало и само правительство, которое всегда увеличивало налоги на владѣльцевъ богатыхъ построекъ, такъ что Котошихинъ выразился даже, что въ Москвѣ «кто построитъ хорошій домъ, тотъ непремѣнно разорится».

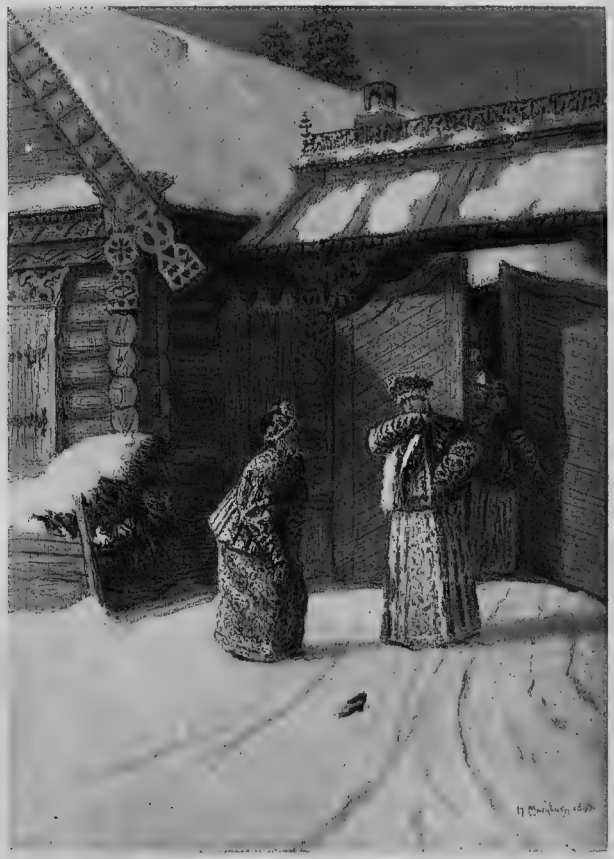
Что̀ касается военныхъ сооруженій Москвы, то вначалѣ она обнесена была деревянною оградою, которая нѣсколько разъ возобновлялась, а въ 1367 г. была замѣнена каменною. Призвавъ въ Москву итальянскихъ строителей, Иванъ III рѣшилъ перестроить и кремлевскія стѣны и поручилъ это дѣло Антону и Марку Фрязинымъ.



Планъ кремлевскихъ построекъ. Изъ изданій Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

Стѣны Кремля образуютъ въ планѣ неправильный пятиугольникъ, окруженный съ трехъ сторонъ рѣками Москвою и Неглинкой; высота ихъ колебалась отъ 33 до 54 футовъ, при толщинѣ отъ 11 до 15 футовъ, въ зависимости отъ стратегическаго положенія мѣста. На протяженіи ихъ поставлено было семнадцать башенъ, изъ которыхъ шесть были проѣзжими, а въ Тайницкой, кромѣ того, былъ потаенный колодезь, наполнявшійся изъ Москвы-рѣки и снабжавшій водою городъ во время осады. При постройкѣ этой крѣпости, было постановлено, чтобы ближайшія строенія находились отъ нея на разстояніи не менѣе 109 саженъ.

Хотя толщина стѣнъ, отъ 11 до 15 футовъ, кажется, на первый взглядъ, очень большою, но нужно принять во вниманіе, что она, въ сущности, значительно уменьшалась арками, расположенными съ ея внутренней стороны и имѣвшими глубину отъ $1^1/_2$ до 5 футовъ. Отсюда мы въ вправѣ заключить, что общая толщина стѣнъ имѣла единственную цѣль увеличить помѣщеніе на верху стѣнъ и тѣмъ доставить большій просторъ для живой обороны крѣпости.

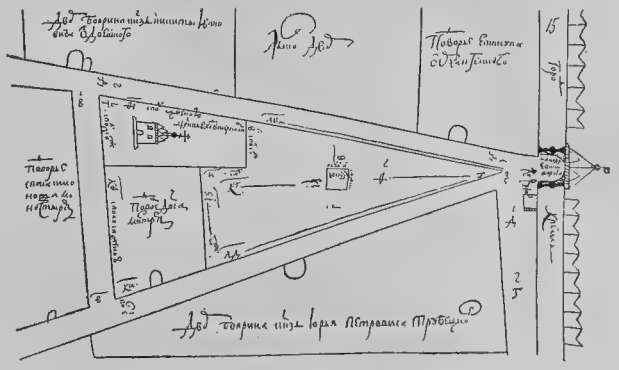


Святочное гаданіе.

Съ картинъ В. Васнецова и В. Матвѣева.

Что касается самой формы башенъ, то нужно сказать, что ни одна изъ большихъ башенъ не дошла до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Напримѣръ, Спасская башня, построенная знаменитымъ Петромъ Антоніемъ Солари, въ 1491 г., первоначально представляла собою сравнительно невысокую четырехгранную башню, увѣнчанную вверху орломъ. Теперешній же свой видъ она получила уже въ 1626 г., когда была надстроена англійскимъ архитекторомъ Христофоромъ Головеемъ.

Вскорѣ Кремль сталъ тѣсенъ для быстро разраставшейся Москвы; тогда, въ 1534 г., итальянскій архитекторъ Петръ Малый заложилъ стѣны Китай-города, которыя и окончилъ въ четыре года. Хотя эти стѣны значительно ниже кремлевскихъ (высота ихъ 21 футъ, толщина 20 футовъ), но зато онѣ гораздо лучше приспособлены къ пушечной и ружейной оборонѣ. Онѣ имѣли двѣнадцать башенъ, изъ которыхъ четыре были проѣзжія. Здѣсь мы встрѣчаемъ уже соединеніе всѣхъ боевъ, какіе только можно допустить въ данномъ случаѣ: нижніе, или подошвенные бои, именовавшіеся «печурами»; средній бой, состоявшій изъ большихъ отверзтій для орудій, поставленныхъ на самой стѣнѣ; верхній бой и, наконецъ, косой бой—для обнаруженія подошвы стѣны. Сообщеніе съ вершиною стѣны производилось посредствомъ лѣстницъ, идущихъ изъ «печуръ» въ толщѣ стѣны, ближе къ внутренней сторонѣ.

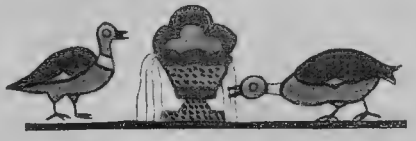


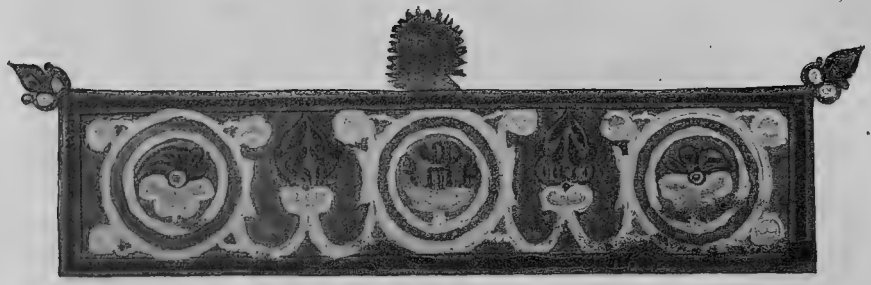
Планъ кремлевскихъ построекъ. Изъ изданій Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ.

Контрфорсы, или быки, которыми теперь такъ изобилуютъ эти стѣны, вначалѣ не существовали,—они подведены уже съ лишкомъ черезъ сто лѣтъ послѣ сооруженія крѣпости, во время ремонта; да и вообще нужно замѣтить, что русская архитектура не пользовалась ими никогда, кромѣ ремонта.

Въ 1587 г. русскій мастеръ Кононъ Ѳедоровъ построилъ еще новую крѣпость—Бѣлый городъ, отъ котораго теперь не осталось ничего, кромѣ названій воротъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сейчасъ никакихъ воротъ нѣтъ; а черезъ четыре года выведенъ былъ еще Земляной городъ, тоже оставившій въ наслѣдіе одни названія несуществующихъ воротъ.

Такимъ образомъ, Москва была окружена тройнымъ рядомъ укрѣпленій: Кремлемъ съ Китай-городомъ, Бѣлымъ городомъ и, наконецъ, Землянымъ городомъ.





Изъ Псалтыря Суздальскаго монастыря XVI в.

Иноземскія слободы въ Москвѣ въ XVI и XVII вв.

В. В. Нечаева.

первые осѣдлые иноземцы появляются въ Москвѣ при вел. кн. Иванѣ III, когда подъ давленіемъ потребностей новаго государственнаго быта, создавшагося въ Россіи, московское правительство начинаетъ искать на Западѣ средствъ для ихъ удовлетворенія. Иванъ III усиленно хлопочетъ о привлеченіи въ московское государство европейскихъ техниковъ. Иноземные мастера при немъ укрѣпляютъ и обстраиваютъ Кремль, льютъ колокола и пушки, организуютъ артиллерію въ московскомъ войскѣ. Въ Москвѣ возникаетъ впервые европейская колонія, которую мы не должны представлять себѣ ничтожной по численности: въ 1494 г. поселившіеся въ Москвѣ нѣмецкіе мастера ссужаютъ ревельскому послу довольно значительную по тому времени сумму, 360 золотыхъ, для расплаты съ московскими греками, искавшими на немъ этихъ денегъ за убытки, причиненные имъ въ Ревелѣ. Московское правительство стремится удержать въ Россіи навсегда залученныхъ имъ европейскихъ техниковъ, разсматривая ихъ, какъ своихъ закрѣпощенныхъ слугъ. Оно отказываетъ имъ въ правѣ отъѣзда изъ Россіи,—извѣстно, напр., что знаменитый Аристотель Фіоравенти поплатился опалой и заточеніемъ за попытку добиться возвращенія на родину. Такимъ образомъ, уже при Иванѣ III намѣчается обратившаяся впослѣдствіи въ московскую политическую традицію тактика по отношенію къ нужнымъ правительству иноземцамъ, выражающаяся въ стремленіи установить для нихъ принудительную осѣдлость въ Московскомъ государствѣ.

При сынѣ Ивана III Василіи количество иноземцевъ, принятыхъ на московскую службу, значительно увеличивается. Появляется новый разрядъ служилыхъ иноземцевъ—военные; изъ нихъ формируются цѣлые отряды. По словамъ Герберштейна, въ его время одинъ изъ московскихъ полковъ, въ которомъ насчитывалось до 1500 чел., состоялъ изъ литовцевъ и смѣси всякихъ національностей. Для иноземныхъ солдатъ Василій основываетъ

особую слободу въ Замоскворѣчьѣ, получившую названіе *Налей* или *Налейка* потому, будто бы, что слово «налей» было въ большомъ ходу у ея обитателей, которымъ было разрѣшено, не въ примѣръ прочимъ москвичамъ, пить вино во всякое время. Герберштейнъ говоритъ даже, что мотивомъ основанія слободы было желаніе правительства отдалить отъ туземцевъ соблазнительный примѣръ; вѣрно ли это,—рѣшить трудно, за неимѣніемъ извѣстій изъ другихъ источниковъ, но, какъ бы то ни было, въ слободѣ Налей впервые образовалась иноземная колонія, территоріально обособленная отъ прочихъ частей московскаго посада.

Въ связи съ военными дѣйствіями въ Ливоніи при Иванѣ Грозномъ стояло возникновеніе въ Москвѣ нѣмецкой колоніи, явившейся на смѣну слободы Налей. Вступая въ борьбу съ Орденомъ, царь разсчитывалъ, путемъ захвата Ливоніи, утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря и обезпечить себѣ постоянныя сношенія съ Европою, необходимость которыхъ уже ясно сознавалась въ Москвѣ. Сношеніямъ на сушѣ постоянно грозила опасность со стороны сосѣднихъ государствъ, Ливоніи и Польши, стремившихся всячески преграждать доступъ въ Россію европейской техникѣ. Въ этомъ убѣдилъ Ивана IV собственный горькій опытъ. Въ 1547 г. посланный царемъ въ Германію саксонецъ Шлитте навербовалъ для Россіи, съ дозволенія императора Карла V, цѣлую партію ученыхъ и ремесленниковъ и доставилъ ее уже въ Любекъ, но ливонское правительство обратило вниманіе императора на нежелательныя послѣдствія, какія могло бы имѣть для Ливоніи предпріятіе Шлитте, и добилось того, что магистръ былъ уполномоченъ не пропускать въ Москву ни одного ученаго и художника. Шлитте былъ арестованъ въ Любекѣ, и набранные имъ люди разсѣялись. Война съ Орденомъ не имѣла для Москвы того результата, къ которому она стремилась: ей не удалось овладѣть балтійскимъ побережьемъ. Но во время этой войны московское правительство напало на мысль использовать плѣнныхъ ливонцевъ для тѣхъ же цѣлей, которыя оно преслѣдовало, вызывая изъ западной Европы техниковъ разнаго рода. Плѣнные выводились въ Москву изъ Ливоніи массами; въ одномъ 1564 г. ихъ было выведено болѣе 3000 чел. Въ этомъ же году до двадцати нѣмецкихъ дворянъ, захваченныхъ въ Ливоніи, уже состояло на московской службѣ. Особый отрядъ въ московскомъ войскѣ образовали шотландцы, также взятые въ Ливоніи, о которыхъ разсказываетъ Горсей. Эти шотландцы поселились на Болвановкѣ, «близъ Москвы», по словамъ Горсея, не поясняющаго, впрочемъ, о какой Болвановкѣ идетъ рѣчь—заяузской или замоскворѣцкой. Но главная масса плѣнныхъ, въ составѣ которой преобладали ливонскіе нѣмцы, была поселена въ слободѣ, основавшейся на правомъ берегу Яузы невдалекѣ отъ ея устья. Исаакъ Масса, посѣщавшій Россію въ самомъ началѣ XVII в., говоритъ, что всѣ лифляндцы, выведенные Иваномъ Васильевичемъ изъ Ливоніи, жили въ нѣмецкой слободѣ, находившейся на берегу Яузы внѣ Москвы, на разстояніи одной англійской мили отъ нея. По показанію Петрея,—его сочиненіе о Россіи появилось въ 1620 г.,—нѣмецкая слобода была на берегу «Ягузы» въ $^1/_4$ мили отъ Краснаго села (Crasna Cella). Въ этой слободѣ невольными

колонистами была выстроена, съ дозволенія царя, въ концѣ 1575 или въ началѣ 1576 г. первая въ Москвѣ лютеранская церковь, просуществовавшая очень недолго. Въ 1578 (по Маржерету) или въ 1580 г. (по Горсею) царь, разгнѣвавшись за что то на нѣмцевъ, привелъ ночью въ ихъ слободу тысячную шайку опричниковъ, которые разграбили дома, донага обобрали жителей, изнасиловали женщинъ и разрушили церковь.

Вновь была отстроена церковь въ слободѣ уже при Борисѣ Годуновѣ. Въ его царствованіе населеніе слободы, вѣроятно, возросло. Ядро колоніи составляли по-прежнему плѣнные ливонцы, которыхъ насчитывалось до 4000 чел., но она пополнялась и новыми элементами. Борисъ всячески старался привлекать иноземцевъ на службу въ Москву и относился чрезвычайно милостиво къ выходцамъ изъ Ливоніи и вообще къ нѣмцамъ. Буссовъ въ своей «Хроникѣ» разсказываетъ, что въ 1610 г. пріѣхавшимъ въ Москву ливонскимъ эмигрантамъ и нѣсколькимъ германцамъ и шведамъ были оказаны при дворѣ необычайныя почести. Борисъ осыпалъ ихъ знаками своего вниманія,—угостилъ ихъ обѣдомъ, сопровождавшимся попойкою, въ своемъ дворцѣ, говорилъ съ ними въ заискивающемъ тонѣ и принялъ ихъ всѣхъ на службу на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ: они и даже слуги ихъ получили помѣстья и денежное жалованье, отъ 15 до 50 рублей. Ливонскіе купцы, поселенные въ Москвѣ еще при Иванѣ IV, получили изъ царской казны по 300 и по 400 рублей въ видѣ безпроцентной и безсрочной ссуды подъ условіемъ не выѣзжать изъ Россіи безъ позволенія. Нѣмецкая слобода при Борисѣ уже имѣла видъ цѣлаго нѣмецкаго городка.

Въ Смутное время, въ 1610 г., слобода была истреблена пожаромъ и обитатели ея разсѣялись. Вновь иноземцы появляются въ Москвѣ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, на первыхъ порахъ, въ очень незначительномъ количествѣ: въ 1622 г. во всей Москвѣ насчитывалось не болѣе 35 иноземскихъ дворовъ. Европейская колонія уже не образуетъ компактнаго поселенія на извѣстной территоріи, а разселяется по всѣмъ частямъ московскаго посада, при чемъ, однако, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ возникаютъ цѣлыя группы иноземскихъ дворовъ. Иноземцы селятся на Тверской, Арбатѣ, Сивцевомъ вражкѣ, въ мѣстности Маросѣйки и Мясницкой улицъ въ чертѣ Бѣлаго города. Въ переписной книгѣ 1638 г. отмѣченъ нѣмецкій поселокъ въ Огородникахъ въ Земляномъ городѣ и другой—за чертою послѣдняго, между Сыромятною и Мельнишною слободами. Въ началѣ 30-хъ гг. XVII в. основывается шведскій торговый дворъ на Тверской близъ церкви Николы въ Гнѣздникахъ. Въ это же приблизительно время англійская торговая компанія владѣетъ, кромѣ стараго двора на Варваркѣ у церкви св. Максима, еще перешедшимъ къ ней отъ царскаго врача доктора Артура Ди (Dee) дворомъ въ Бѣломъ городѣ за Ильинскими воротами.

Въ 20-хъ гг. XVII в. лютеране имѣли свою церковь, находившуюся невдалекѣ отъ Маросѣйки во дворѣ кистера; при ней были два двора лютеранскаго духовенства. Эта церковь сгорѣла въ 1626 г., но вскорѣ была построена новая за Фроловскими воротами въ Огородной слободѣ,

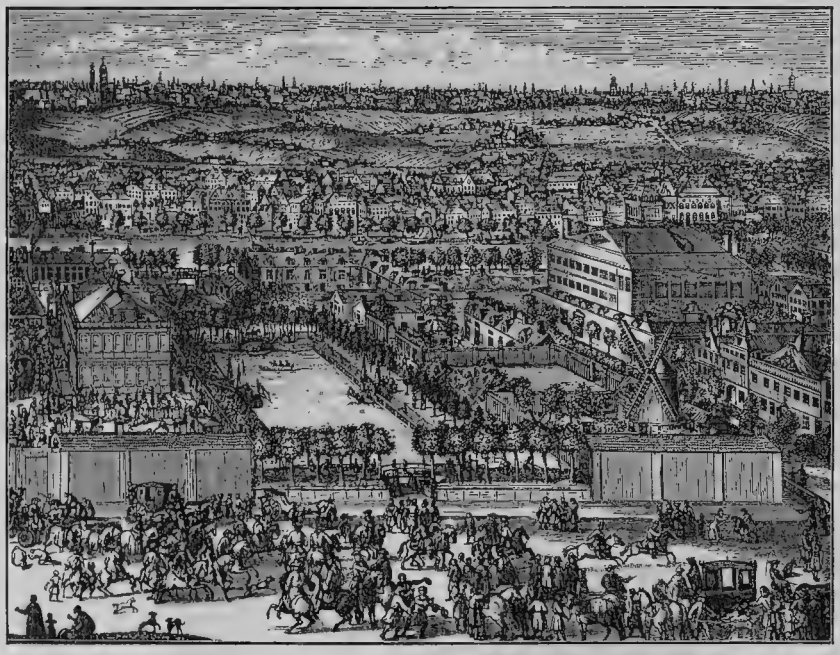
близъ русской церкви Харитона. Въ томъ же 1626 году въ Москвѣ возникла вторая лютеранская община, выстроившая для себя особую церковь въ Бѣломъ городѣ. Реформаты въ 1629 г. основали церковь въ Бѣломъ городѣ на Покровкѣ. Здѣсь, по словамъ Олеарія, они имѣли деревянную «часовню», но рядомъ съ нею стали строить и каменную церковь, не получивъ на это формальнаго разрѣшенія отъ русскихъ властей, которыя не дали имъ докончить стройки.

Церковь второй лютеранской общины въ 1632 г. стала жертвою несчастнаго случая, подробно разсказаннаго у Олеарія. Около этого времени въ составѣ московской колоніи значительно усилился военный элементъ вслѣдствіе прибытія въ Москву цѣлой партіи офицеровъ, наверbованныхъ русскимъ правительствомъ въ Германіи для войны, которую оно вело съ Польшей. Передъ осадою Смоленска многіе изъ нѣмецкихъ офицеровъ, примкнувшихъ ко второй общинѣ, поженились на купеческихъ служанкахъ, и это повело къ острому раздору среди прихожанокъ изъ-за мѣстъ въ церкви: бывшія служанки, какъ жены капитановъ и поручиковъ, не хотѣли сидѣть въ церкви ниже купеческихъ женъ, а эти не уступали своихъ мѣстъ женщинамъ, которыя еще недавно были у нихъ въ услуженіи. Между враждующими сторонами въ церкви произошла ссора, перешедшая въ драку. Проѣзжавшій въ это время мимо церкви патріархъ Филаретъ, узнавъ причину свалки, увидѣлъ въ ней достаточный предлогъ для уничтоженія самой церкви и приказалъ сломать послѣднюю, что было въ тотъ же день исполнено. Въ 40-хъ годахъ, однако, вторая община вновь выстроила себѣ церковь на Поганомъ (впослѣдствіи Чистомъ) прудѣ, близъ границы Бѣлаго города.

Въ 1643 г. гроза разразилась уже надъ всѣми тремя нѣмецкими церквами. Посадскіе люди и русское духовенство очень косо смотрѣли на иноземцевъ, селившихся группами поблизости къ своимъ церквамъ среди русскихъ. Причины недовольства были чисто экономическія. Нѣмцы сумѣли поднять цѣны на землю и дворы до такой высоты, что конкурренція съ ними стала непосильной для русскихъ. Попы терпѣли большіе убытки вслѣдствіе того, что часть территоріи ихъ приходовъ отошла подъ иноземскіе дворы. Такъ передаетъ дѣло, относительно поповъ, Олеарій, и мы не имѣемъ основанія не довѣрять ему: еслибы ими руководилъ мотивъ религіозный, онъ не преминулъ бы упрекнуть ихъ за нетерпимость. Въ 1643 г. жалобы и челобитья поповъ и посадскихъ людей побудили правительство рѣшиться на крутыя мѣры, — было повелѣно сломать всѣ нѣмецкія церкви и запрещено иноземцамъ пріобрѣтать дворы въ городѣ. Однако, въ томъ же году вліятельнымъ при дворѣ членамъ нѣмецкой колоніи, докторамъ и офицерамъ, удалось добиться для старой лютеранской общины дозволенія построить вновь церковь, но уже внѣ города, и она была поставлена за Земляным валомъ, всего въ 20 саж. отъ него, въ мѣстности между Красными воротами и Покровкой. Вскорѣ, вѣроятно, около 1647 г., и реформаты самовольно выстроили церковь «въ Земляномъ валу», т. е. на самой границѣ Земляного города.

Правительство на первыхъ порахъ смотрѣло сквозь пальцы на поведеніе реформатовъ, но постепенно въ придворныхъ сферахъ сталъ назрѣ-

вать поворотъ въ сторону болѣе радикальнаго рѣшенія вопроса объ иноземцахъ въ Москвѣ. Въ Уложеніи 1649 г. было только подтверждено состоявшееся въ 1643 г. постановленіе о перенесеніи всѣхъ кирокъ за черту Земляного города въ дальнія отъ «церквей божіихъ» мѣста и о недопущеніи продажи дворовъ въ городѣ иноземцамъ (гл. XIX ст. 40), но уже черезъ три года правительство рѣшилось на дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи, повидимому, подъ вліяніемъ и по иниціативѣ патріарха Никона. Иноземцамъ было запрещено ношеніе русскаго костюма, который они было усвоили ради удобства сношеній съ туземцами, и почти одновременно въ 1652 г. состоялось распоряженіе о выселеніи всѣхъ нѣмцевъ за городъ на берегъ Яузы, гдѣ имъ предоставлялось мѣсто для основанія



Нѣмецкая слобода. (Съ гравюры Генриха де-Виттъ, начало XVII вѣка)

особой слободы. Переселеніе совершилось, однако, не сразу, такъ какъ многимъ иноземцамъ было трудно разстаться со своими домами въ городѣ, и въ 1654 г. правительству пришлось повторить распоряженіе о выселеніи; оставшіеся въ Москвѣ иноземцы должны были спѣшно ликвидировать свои городскія хозяйства и немедленно перебраться въ слободу, при чемъ три голландца лишились большихъ каменныхъ домовъ.

Слобода, прозвавшаяся Новоиноземской, основалась на томъ же мѣстѣ, гдѣ было нѣмецкое поселеніе въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. Эта территорія прилегала къ правому берегу Яузы и соприкасалась съ Басманными слободами и дворцовыми селами Покровскимъ и Преображенскимъ; такимъ образомъ цѣль, которую преслѣдовало правительство, старавшееся изолиро-

вать иноземцевъ, не была достигнута, такъ какъ ихъ новое поселеніе оказалось расположеннымъ при путяхъ, соединявшихъ названныя слободы и села съ Москвою. Въ предѣлахъ Новоиноземской слободы протекали ручьи Чечора и Кокуй или Кукуй (теперь уже несуществующій); отъ послѣдняго самая слобода прозывалась Кокуемъ. На слободской территоріи находятся теперь улицы Нѣмецкая и Вознесенская, части улицъ Новой и Старой Басманной, переулки Госпитальный, Демидовскій, Денисовскій и Кирочный (въ немъ были двѣ «кирки»).

Слобода обстроилась быстро. При переселеніи каждый членъ колоніи получилъ обмежеванный земельный участокъ, и были проложены правильныя улицы. Тѣ, у кого въ городѣ были деревянные дома, велѣли ихъ разобрать и вновь сложить въ слободѣ. Вообще, на первыхъ порахъ всѣ дома были деревянные, европейской архитектуры, съ садами и палисадниками; ко времени пребыванія въ Москвѣ Рейтенфельса, т. е. къ началу 70-хъ годовъ XVII в., появились и каменные дома. Улицы были широкія и прямыя. Отъ 1675 г. дошелъ до насъ отзывъ о слободѣ очевидца, который говоритъ, что она имѣла видъ нѣмецкаго города, большого и люднаго, гдѣ у иноземцевъ были хорошія жилища.

Почти одновременно съ домами колонистовъ были построены церкви на участкахъ, отведенныхъ пасторамъ. Лютеране, какъ мы уже знаемъ, еще до основанія слободы образовали двѣ церковныя общины, различавшіяся въ соціальномъ отношеніи: къ одной принадлежали преимущественно торговые люди, издавна поселившіеся въ Москвѣ, къ другой—«нѣмцы новые», военные, появившіеся въ Россіи не ранѣе 30-хъ годовъ XVII в. Первая община построила себѣ церковь на Вознесенской улицѣ, вторая—въ Кирочномъ переулкѣ. Въ концѣ 60-хъ годовъ у лютеранъ появилась еще церковь во дворѣ генерала Баумана, находившемся въ теперешнемъ Госпитальномъ переулкѣ близъ Яузы. Реформатская или голландская церковь была выстроена на углу Нѣмецкой улицы и Денисовскаго переулка. Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича, такимъ образомъ, Новоиноземская слобода обладала четырьмя церквами; всѣ онѣ были деревянныя, безъ колоколовъ и органовъ и отапливались большими изразцовыми печами. Первая каменная церковь была сооружена въ слободѣ въ 1686 г. старой или «купеческой» лютеранской общиною на прежнемъ участкѣ. Вторую каменную церковь лютеране построили въ Кирочномъ переулкѣ въ 1694 г., по слухамъ, ходившимъ тогда среди иноземцевъ, на средства Петра I, который присутствовалъ на ея освященіи *). Въ томъ же 1694 г. и реформаты замѣнили свою деревянную церковь каменной. Что касается католиковъ, которые въ Россіи всегда были стѣснены въ отправленіи культа гораздо болѣе, чѣмъ протестанты, то имъ удалось обзавестись церковью только при Петрѣ I и притомъ въ самомъ концѣ XVII в. Ихъ церковь (въ Кирочномъ переулкѣ) во время пребыванія въ Москвѣ австрійскаго посла Гваріента, въ 1698—1699 гг., была деревянная и очень тѣсная, и только въ 1706 г. они построили на ея мѣстѣ каменную.

*) Церковь Баумана, вѣроятно, была упразднена вскорѣ послѣ того, какъ ея приходъ соединился со второй общиной, т. е. въ концѣ 80-хъ годовъ XVII в.

Иноземское кладбище находилось въ слободѣ невдалекѣ отъ церкви старой или купеческой общины. Отмѣченное на планѣ Олеарія кладбище, бывшее на лѣвомъ берегу Яузы за Яузскими воротами, было, вѣроятно, оставлено со времени основанія Новоиноземской слободы; это кладбище могло быть современнымъ первой нѣмецкой слободѣ, возникшей на Яузѣ при Иванѣ IV. Остатки надгробныхъ плитъ съ надписями на иностранныхъ языкахъ — латинскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, армянскомъ, найденные въ Замоскворѣчьѣ, заставляютъ думать, что въ этой мѣстности, вѣроятно, близъ Конной площади было древнѣйшее иноземское кладбище при слободѣ Налейкѣ.

Олеарій насчитывалъ въ Москвѣ до 1000 лютеранъ и кальвинистовъ. По переписной книгѣ 1665 г. значится 204 двора въ Новонѣмецкой слободѣ—цифра, которую мы не можемъ признать высокой въ сравненіи съ количествомъ населенія иныхъ московскихъ слободъ.

Въ составѣ слободской колоніи были представлены почти всѣ европейскія націи: французы, англичане, шведы, голландцы, итальянцы, нѣмцы. Послѣдніе составляли крупное большинство, вслѣдствіе чего ихъ языкъ сдѣлался въ слободѣ господствующимъ. Въ соціальномъ отношеніи населеніе слободы также далеко не представляло изъ себя однородной массы. Повидимому, съ самаго начала численный перевѣсъ оказался на сторонѣ военнаго элемента, который значительно усилился въ Москвѣ со времени послѣдней польской войны при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Готовясь къ походу подъ Смоленскъ, московское правительство, сознававшее непригодность собственныхъ военныхъ силъ для борьбы съ польскою арміей, поспѣшило пополнить свое войско нѣсколькими наемными отрядами, наверbованными въ Европѣ. Послѣ войны многіе офицеры, прибывшіе съ этими отрядами, остались на московской службѣ въ качествѣ инструкторовъ въ тѣхъ полкахъ, солдатскихъ и рейтарскихъ, которые было рѣшено обучить на европейскій ладъ. Призывъ европейскихъ инструкторовъ практиковался и въ послѣдующее время, и это обстоятельство обезпечивало военнымъ постоянное численное преобладаніе въ Новоиноземской слободѣ. Въ 1665 г. изъ 204 дворовъ, переписанныхъ въ слободѣ, 142 принадлежало военнымъ, а на долю прочихъ соціальныхъ группъ приходилось только 62, т. е. менѣе $^1/_3$ (почти 30,4%) количества дворовъ.

Данныя той же переписи 1665 г. могутъ служить надежнымъ матеріаломъ для характеристики слободы въ экономическомъ отношеніи. Оказывается, что громадное большинство ея обитателей, если не всѣ они, были люди матеріально обезпеченные и даже зажиточные. На долю военнаго класса приходилось: 42 двора полковничьихъ, 23—подполковничьихъ, 32—капитанскихъ, 16—майорскихъ, 18—поручиковыхъ, 6 — ротмистровыхъ, 5—прапорщичьихъ; пасторамъ принадлежало 3 двора, лѣкарямъ и аптекарямъ—4, переводчикамъ—3, мастерамъ—24 (1 дворъ мастера пушечнаго дѣла, 2—ружейниковъ, 2—золотыхъ дѣлъ мастеровъ, 7—серебрянаго дѣла мастеровъ, 2—часовщиковъ, 1—сѣдельника, 7—портныхъ, 1—вдовы ружейнаго дозорщика), торговымъ иноземцамъ—23, «иноземцамъ» безъ обозначенія общественнаго положенія—2, торговому стряпчему, евреянину и человѣку неизвѣстнаго званія—по одному. Какъ видимъ, наиболѣе крупной группой,

Кареты временъ Императрицы Елизаветы.

Находятся въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ.

далеко оставлявшей за собой по численности другіе элементы населенія, были иноземцы служилые, получавшіе опредѣленное содержаніе отъ казны, при чемъ среди нихъ преобладали лица наиболѣе обезпеченныя. Къ этой группѣ, кромѣ офицеровъ, принадлежали врачи, аптекари и переводчики. Первое мѣсто, по размѣрамъ казеннаго вознагражденія, въ ней занимали врачи. Въ XVI—XVII вв. въ Россіи не было туземныхъ лѣкарей, а были только доктора-иноземцы, которыхъ цари выписывали для себя изъ Европы на извѣстное число лѣтъ. Должность царскаго врача оплачивалась чрезвычайно щедро: его денежный окладъ равнялся 100—300 р., но гораздо болѣе крупную сумму онъ получалъ въ видѣ кормового жалованья, переводившагося на деньги. Лейбъ-медику Гартману Граману выдавалось ежегодно въ общей сложности 1044 р., доктору Артуру Ди (Артемію Дію)—1164 р., т. е. болѣе 17000 р. на наши деньги, сверхъ продовольствія отъ казны и платы за отдѣльные визиты, достигавшей, по словамъ Олеарія, 50 р. Частная практика, которую царскіе доктора имѣли въ боярскихъ домахъ, оплачивалась обыкновенно соболями и съѣстными припасами, рѣдко—деньгами. Аптекари, состоявшіе на службѣ въ Аптекарскомъ приказѣ, получали, по отзыву Рейтенфельса, «немалое жалованье». Что касается офицеровъ, то ихъ, по обезпеченности, слѣдуетъ поставить на слѣдующемъ послѣ врачей мѣстѣ. Кромѣ денежнаго, имъ шло еще кормовое жалованье, выдававшееся натурой или деньгами и замѣнявшее помѣстный окладъ, на который они при Алексѣѣ Михайловичѣ не имѣли права. По словамъ Мейерберга, они получали въ мѣсяцъ: майоръ—13 рублей, подполковникъ—18, рейтарскій полковникъ—40. Переводчикамъ, изготовлявшимъ переводы разнаго рода бумагъ для приказовъ, казна выплачивала въ годъ во времена Котошихина 50—100 р. Наконецъ, къ этой же группѣ иноземцевъ, пользовавшихся содержаніемъ отъ казны, слѣдуетъ отнести многихъ мастеровъ, именно тѣхъ, которые служили правительству въ качествѣ инструкторовъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности, признанныхъ важными для государства. Подробныхъ свѣдѣній о размѣрахъ денежнаго и кормового жалованья, назначавшагося этимъ мастерамъ, не имѣется, но извѣстно, что въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, они получали до 60 рублей деньгами въ годъ (таково было жалованье механика англичанина Галовея при Михаилѣ Ѳедоровичѣ). Другую группу въ составѣ слободского населенія составляли иноземцы торговые, въ общемъ еще болѣе зажиточные, нежели служилые. Многіе изъ европейскихъ купцовъ, основавшихся въ Россіи, благодаря своей коммерческой сноровкѣ, доставлявшей имъ значительный перевѣсъ надъ туземцами, и отчасти льготамъ, которыхъ имъ удавалось добиться отъ правительства, широко развивали торговыя операціи и наживали крупныя состоянія. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ среди нихъ выдвинулось нѣсколько капиталистовъ, самымъ виднымъ изъ которыхъ былъ гамбуржецъ Петръ Марселисъ, основатель и владѣлецъ тульскаго желѣзодѣлательнаго завода, работавшаго на государство. Въ 70-хъ годахъ другой выдающійся капиталистъ, Ѳома Келлерманъ, былъ даже зачисленъ въ корпорацію гостей, составлявшуюся изъ самыхъ богатыхъ купцовъ въ государствѣ.

Высокій уровень матеріальнаго благосостоянія слободы отражался во внѣшности ея обитателей и въ обстановкѣ ихъ быта. Въ 70-хъ годахъ XVII в., по словамъ очевидца, всѣ женщины въ слободѣ одѣвались нарядно и пышно, «какъ благородныя нѣмки». Отзывъ другого очевидца о внѣшности слободскихъ домовъ, построенныхъ на европейскій ладъ, мы привели выше. Внутреннее убранство домовъ, конечно, также носило отпечатокъ европейскаго изящества, рѣзко контрастировавшій съ убожествомъ домашней обстановки туземцевъ,—недаромъ оно производило такое сильное впечатлѣніе на тѣхъ русскихъ, которые имѣли возможность приглядѣться къ нему, и будило въ нихъ сознаніе необходимости заимствованій у Европы. Олеарій, описывая домашнія бани московскихъ нѣмцевъ, наглядно показываетъ на ихъ примѣрѣ разницу между нѣмецкимъ бытомъ и бытомъ русскихъ. Устройство бань у нѣмцевъ было въ основныхъ чертахъ то же, что у русскихъ, но въ деталяхъ обстановки сказывалась гораздо большая утонченность потребностей. Ступени полка были покрыты полотномъ или набитыми сѣномъ тюфяками и усыпаны цвѣтами и разными благовонными травами, на полу лежалъ изрубленный ельникъ, издававшій пріятный запахъ. Роль банщика всегда исполняла женщина по обычаю, очевидно, перенятому отъ скандинавовъ. Когда хозяева хотѣли оказать особое вниманіе гостю, мывшемуся въ ихъ банѣ, хозяйка или дочь ея приносила ему рѣдьку съ солью и прохладительный напитокъ. «Такого честнаго доброжелательства и такой чистоты,—говоритъ въ заключеніе Олеарій,—однако, нечего искать у спесивыхъ, корыстныхъ и грязныхъ русскихъ, у которыхъ все дѣлается по-свински и неопрятно».

Что касается духовнаго облика населенія Новоиноземской слободы, то было бы преувеличеніемъ утверждать, что большинство въ ней составляли лучшіе представители европейской цивилизаціи. Московія никогда не была страной, переселеніе въ которую открывало бы заманчивыя перспективы для европейцевъ, имѣвшихъ возможность сносно устроиться на родинѣ, т. е. для людей даровитыхъ и дѣйствительно образованныхъ. Еще Герберштейнъ замѣтилъ, что «къ московитамъ переходятъ немногіе, только тѣ, которые не почитаютъ себя въ безопасности ни въ какомъ другомъ мѣстѣ», при чемъ сослался на исторію датскаго пирата Нордведа, который, спасаясь отъ враговъ, тѣснившихъ его отовсюду, покинулъ свой притонъ на островѣ Готландѣ и бѣжалъ въ Москву, откуда, однако, при первой возможности ушелъ къ императору Карлу V. Зато въ Московію охотно стекался изъ разныхъ странъ бродячій военный людъ, оставшійся безъ дѣла у себя дома и готовый служить за хорошее вознагражденіе гдѣ бы то ни было и кому бы то ни было. Этотъ элементъ положилъ основаніе первой иноземской слободѣ въ Москвѣ, Налейкѣ, разгульные обитатели которой знакомили туземцевъ, конечно, не съ лучшими сторонами европейской жизни; впрочемъ, Налейку можно признать европейскою колоніей лишь съ большими оговорками, такъ какъ въ ней преобладали польско-литовскіе выходцы. Вторую иноземскую слободу, на Яузѣ, основали плѣнные ливонцы. Эти невольные колонисты принесли съ собою въ Москву нравы, сложившіеся въ нѣмецкой окраинѣ, удаленной отъ крупныхъ куль-

турныхъ центровъ, и, судя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ о нихъ, едва ли являлись въ массѣ достойными носителями европейской культуры. О нихъ разсказывали, что главнымъ ихъ занятіемъ было корчемство, приносившее имъ до 100% дохода, и что именно жалобы туземнаго населенія на такое хищничество нѣмцевъ вызвали извѣстную расправу Ивана IV съ нѣмецкою слободой. Но этотъ разсказъ записанъ у Маржерета, къ сообщеніямъ котораго о ливонцахъ вообще нельзя относиться съ довѣріемъ: въ качествѣ ревностнаго католика онъ, несомнѣнно, былъ склоненъ къ излишнему сгущенію красокъ, когда ему приходилось говорить о нѣмцахъ-лютеранахъ. Явно тенденціозенъ, напр., его непріязненный отзывъ о тѣхъ же ливонцахъ. «Вмѣсто того,—говоритъ онъ,—чтобы помнить о минувшемъ бѣдствіи, когда они были уведены изъ отечества, лишились имущества и стали рабами совершенно грубаго и варварскаго народа, управляемаго къ тому же государемъ-тираномъ, и смириться въ виду своихъ несчастій,—они вели себя такъ гордо, поступали такъ высокомѣрно, одѣвались такъ роскошно, что ихъ можно было принимать только за принцевъ и принцессъ. Женщины, посѣщая церкви, наряжались только въ бархатъ, атласъ, камку, и самая послѣдняя изъ нихъ—въ тафту, хотя ничего больше не имѣла». Большее значеніе, чѣмъ подозрительныя показанія Маржерета, имѣетъ сообщеніе добросовѣстнаго и проницательнаго наблюдателя московской жизни Флетчера, которое тоже характеризуетъ плѣнныхъ ливонцевъ далеко не съ выгодной стороны. Флетчеръ говоритъ, что многіе изъ нихъ соглашались креститься вторично по русскому обычаю, чтобы пользоваться большею свободою и сверхъ того пріобрѣсти себѣ что-нибудь на прожитье, такъ какъ они обыкновенно получали при этомъ награду отъ царя.

Въ XVII в. въ московской колоніи рѣшительное преобладаніе получаетъ военный элементъ. Гораздо болѣе слабыя численно, прочія соціальныя группы оттѣсняются на задній планъ офицерствомъ, которое накладываетъ свой отпечатокъ на жизнь и нравы колоніи. Составъ этого офицерства, конечно, не былъ качественно однороднымъ,—наряду съ офицерами способными и опытными, успѣшно прошедшими школу военнаго искусства въ Европѣ, на московской службѣ умѣли устраиваться и такіе, которымъ былъ закрытъ доступъ въ ряды европейскихъ армій. Правда, московское правительство старалось принимать иноземныхъ офицеровъ на службу съ разборомъ и даже подвергало волонтеровъ нѣкоторому экзамену, въ Европѣ—черезъ вербовщиковъ, въ Москвѣ—черезъ приказныхъ чиновъ, но требованія, предъявлявшіяся имъ на этомъ экзаменѣ, были таковы, что удачная сдача его вовсе не могла гарантировать годности претендента на офицерское мѣсто,—съ него спрашивалось, какъ съ простого солдата, только знаніе ружейныхъ пріемовъ, при чемъ оцѣнка производилась судьями, компетентность которыхъ въ этомъ дѣлѣ часто представлялась по меньшей мѣрѣ сомнительной. Но каковъ бы ни былъ, съ европейской точки зрѣнія, уровень профессіональной подготовки иноземныхъ офицеровъ, несомнѣнно то, что въ техническомъ отношеніи они значительно превосходили своихъ русскихъ соратниковъ и, что еще важнѣе, обладали моральной

ными качествами, рѣдкими въ московскомъ войскѣ,—чувствомъ военной чести и отвагой. Московское правительство высоко цѣнило военныя заслуги и инструкторскую дѣятельность иноземцевъ, и было замѣчено, что даже рядовые ратные люди, вообще не долюбливавшіе нѣмцевъ, охотнѣе сражались подъ ихъ командою, нежели подъ командою русскихъ. Зато напрасно было бы искать среди офицерства нѣмецкой слободы людей съ солиднымъ общимъ образованіемъ; крупные недочеты по этой части были здѣсь обычнымъ явленіемъ, и если офицеры, не умѣвшіе подписать своего имени, составляли исключеніе, то все же попадались и такіе. Человѣкъ, мало вынесшій изъ школы, но выросшій въ болѣе или менѣе культурной средѣ, богатый къ тому же жизненнымъ опытомъ, накопленнымъ за время кочеванія подъ разными знаменами, интересный собесѣдникъ и лихой сотутыльникъ, охотникъ до пирушекъ и всякихъ развлеченій—вотъ типъ, преобладавшій въ военной колоніи Новоиноземской слободы. Офицеры часто сходились на пирушкахъ и вечеринкахъ, въ поводахъ для которыхъ никогда не было недостатка. Военные кружки слободы жили широко и умѣли веселиться безъ устали, иногда по нѣсколько дней подъ рядъ; въ октябрѣ 1662 г., напр., три полковника и нѣкоторыя другія лица устроили цѣлую серію баловъ и маскарадовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ теченіе двухъ недѣль. На этихъ праздникахъ не обходилось, конечно, и безъ проявленій задора, вообще очень свойственныхъ военной средѣ того времени, и дѣло доходило иногда до дуэли. Нѣсколько буйные нравы офицерства накладывали свой отпечатокъ, впрочемъ, и на повседневную жизнь слободы, мирное теченіе которой часто нарушалось рѣзкими столкновеніями между обывателями; Мейербергъ въ 1661 г. отмѣтилъ, что въ слободѣ бываютъ ежедневныя ссоры и драки.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что духовный обликъ европейской колоніи на Яузѣ опредѣлялся исключительно нравами доминирующей группы. Въ слободѣ были очаги духовной культуры, постоянно поддерживавшіе связь между Европой и ея отдаленнымъ форпостомъ, затерянным въ глубинѣ Московіи. Такими очагами были пасторатъ и церковныя школы. Первые лютеранскіе пасторы появились въ Москвѣ вмѣстѣ съ плѣнными ливонцами, выведенными Иваномъ IV изъ орденскихъ владѣній, и тогда же возникла у московскихъ лютеранъ первая церковная община. Впослѣдствіи лютеранскіе пасторы обыкновенно приглашались изъ Европы, гдѣ они и получали ординацію, или избирались изъ учителей московской церковной школы. Реформатская община, состоявшая главнымъ образомъ изъ англичанъ и голландцевъ, всегда приглашала своихъ пасторовъ изъ Европы, но для англійской ея части богослуженіе совершалось иногда пасторами, пріѣзжавшими въ Москву въ свитѣ англійскихъ пословъ. Большинство протестантскаго духовенства были люди, получившіе въ Европѣ общее и спеціальное богословское образованіе, нѣкоторые имѣли даже ученыя степени. Пасторъ былъ духовнымъ руководителемъ общины и въ качествѣ такового пользовался моральнымъ авторитетомъ, но въ церковно-административномъ отношеніи жизнь прихода регулировалась выборнымъ органомъ, церковнымъ совѣтомъ или «церковною коллегіей» (Kirchencollegium),

Московскій Кремлевскій дворецъ, въ XVII-омъ вѣкѣ. Реставрація А. Новицкаго.

Москва
ея прошломъ
и настоящемъ

отъ котораго зависѣло и назначеніе жалованья пастору. Послѣдній у лютеранъ стоялъ во главѣ школьнаго дѣла, былъ не только завѣдующимъ школой, но и учителемъ въ ней, при чемъ, однако, обыкновенно дѣлилъ преподавательскій трудъ съ помощникомъ, молодымъ человѣкомъ, готовившимся къ занятію должности пастора. Первая лютеранская школа возникла еще при Борисѣ Годуновѣ; до 30 учениковъ ея участвовало въ похоронахъ принца Іоанна датскаго, жениха царевны Ксеніи, совершенныхъ въ нѣмецкой слободѣ (1602 г.). Эта школа погибла въ Смутное время, но возстановившаяся послѣ него лютеранская община вскорѣ обзавелась новымъ училищемъ. При церкви, основанной въ слободѣ генераломъ Бауманомъ, такъ называемой «офицерской», была учреждена другая лютеранская школа, которой суждено было сыграть важную роль въ исторіи русскаго театра: изъ ея учениковъ сформировалась первая въ Россіи придворная труппа, исполнившая для царя Алексѣя Михайловича цѣлую серію спектаклей, открывшуюся въ октябрѣ 1672 г. «Артаксерксовымъ дѣйствомъ». Реформатская община школы не имѣла. Что касается католиковъ, то имъ только въ 80-хъ годахъ XVII в. удалось до извѣстной степени преодолѣть препятствія, которыя организація ихъ культа постоянно встрѣчала со стороны московскаго правительства, относившагося къ нимъ гораздо болѣе враждебно, чѣмъ къ протестантамъ. Католическіе священники проникали въ Москву большею частію incognito съ австрійскими послами, пріѣзжавшими для переговоровъ о союзѣ, и старались подъ разными предлогами оставаться здѣсь на болѣе или менѣе продолжительное время при мѣстной общинѣ. Въ 80-хъ годахъ католическое богослуженіе уже совершалось довольно регулярно въ домахъ частныхъ лицъ, между прочимъ въ домѣ купца Гваскони, купленномъ на его имя австрійскимъ императоромъ, выступавшимъ постоянно въ качествѣ покровителя московской католической общины. Окончательно, однако, свобода культа была обезпечена католикамъ не ранѣе самаго конца XVII в., когда они получили возможность построить въ слободѣ свою церковь. Въ началѣ XVIII в. при католической церкви открылась школа, на первыхъ же порахъ ставшая разсадникомъ образованія не только для колонистовъ, но и для туземцевъ: въ 1707 г. въ ней воспитывалось до 50 русскихъ мальчиковъ, большинство которыхъ приняло католическое вѣроисповѣданіе.

Кромѣ духовныхъ лицъ, достойными представителями европейской образованности являлись въ слободѣ врачи. Московское правительство поручало приглашеніе врачей своимъ агентамъ изъ иноземцевъ, и потому ему удавалось привлекать въ Россію людей, дѣйствительно хорошо усвоившихъ тогдашнее врачебное искусство и создавшихъ себѣ солидную репутацію въ Европѣ. О царскомъ лейбъ-медикѣ Граманѣ современникъ его Олеарій говоритъ, что онъ былъ «очень осѣдомленъ въ герметическомъ врачеваніи и въ лѣченіи болѣзней имѣлъ большое счастье». Европейской извѣстностью пользовались врачи Алексѣя Михайловича Лаврентій Блументростъ и фонъ Розенбургъ, бывшій лейбъ-медикъ шведскаго короля; ихъ обоихъ Рейтенфельсъ называетъ знаменитыми, а Розенбурга даже—«ученѣйшимъ мужемъ».

Характерной чертой быта иноземской слободы было мирное сожительство различныхъ вѣроисповѣданій. Въ то время, какъ конфессіональныя разногласія дѣлили населеніе и государства западной Европы на враждебные лагери, въ Москвѣ среди членовъ европейской колоніи не было замѣтно отголосковъ этой борьбы, какія бы рѣзкія формы она не принимала въ ихъ родныхъ странахъ. Олеарій замѣтилъ, что московскіе лютеране и кальвинисты жили мирно и изъ-за вѣры у нихъ не бывало непріятностей. Когда была разрушена церковь кальвинистовъ (1643 г.), они стали посѣщать лютеранское богослуженіе. Жена одного реформатскаго пастора была лютеранка, и онъ не пытался склонить ее къ отпаденію отъ ея вѣроисповѣданія, находя, что и въ немъ она можетъ спастись. Такъ же мало враждебности замѣчалось въ отношеніяхъ между протестантами и католиками. Послѣдніе, не имѣя собственной церкви, ходили молиться къ протестантамъ, у нихъ же справляли церковныя требы, и даже ревностный католикъ Патрикъ Гордонъ (авторъ извѣстнаго «Дневника», въ которомъ онъ описалъ свою жизнь въ Россіи во второй половинѣ XVII в.) вѣнчался и крестилъ дѣтей у реформатскаго пастора. Единственное рѣзкое проявленіе религіозной нетерпимости въ слободѣ было вызвано проповѣдью заѣзжаго европейскаго мистика Квирина Кульмана, возставившею противъ него одинаково католиковъ и протестантовъ. Эта религіозная смута стоила, въ концѣ концовъ, жизни ея виновнику: Кульманъ и одинъ изъ его единомышленниковъ были казнены по приговору Посольскаго приказа. Такимъ образомъ, хотя были затронуты только религіозные интересы иновѣрныхъ общинъ, дѣло не обошлось безъ вмѣшательства московскихъ властей, и поэтому разсказу о Кульманѣ мы должны предпослать нѣсколько словъ о правовомъ положеніи европейской колоніи въ Москвѣ и объ ея отношеніи къ русскому суду.

Иноземцы подчинялись русскимъ законамъ и подлежали юрисдикціи русскихъ судебно-административныхъ учрежденій, приказовъ: торговые и пріѣзжіе иноземцы вѣдались Посольскимъ приказомъ, служилые—Иноземскимъ, а съ 1666 г.—Разрядомъ; допускались, впрочемъ, отступленія отъ этого порядка въ видѣ болѣе спеціальной подсудности, напр., дѣла объ иноземцахъ-артиллеристахъ разсматривались иногда въ Пушкарскомъ приказѣ. Хотя европейцы не могли не тяготиться зависимостью отъ судебныхъ учрежденій, примѣнявшихъ юридическія нормы, часто шедшія въ разрѣзъ съ европейскимъ правосознаніемъ, однако нерѣдки были случаи обращенія ихъ къ русскому суду даже по такимъ дѣламъ, въ которыхъ они могли избѣжать его вмѣшательства. При Олеаріи у служилыхъ иноземцевъ стало входить въ обычай требовать въ дѣлахъ объ оскорбленіяхъ уплаты за «безчестье» по русскимъ законамъ. Позднѣе учитель московской лютеранской школы Рингуберъ въ письмѣ къ секретарю саксонскаго герцога Эрнста горько жаловался на то, что иноземцы въ Москвѣ компрометируютъ себя, допуская разборъ въ русскихъ канцеляріяхъ и судахъ дѣлъ не только объ убійствахъ, но и о прелюбодѣяніяхъ съ замужними и незамужними женщинами. Рейтенфельсъ сообщаетъ, что въ его время даже имѣлъ мѣсто случай,—вѣроятно, исключительный,—обращенія люте-

ранъ къ суду патріарха, котораго они просили рѣшить дѣло по обвиненію въ двуженствѣ, но тотъ отказался, заявивъ, что это его не касается. Вообще, русская власть не обнаруживала желанія вмѣшиваться во внутреннюю жизнь иноземскихъ церковныхъ общинъ, и если Кульманъ сталъ жертвою русскаго правосудія, то отвѣтственность за это падаетъ въ значительной мѣрѣ на самихъ иноземцевъ, въ особенности на ихъ духовенство, признавшее насиліе наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ опаснымъ сектантомъ.

Квиринъ Кульманъ, родомъ изъ г. Бреславля, экзальтированный мечтатель съ юности, подъ вліяніемъ произведеній нѣмецкаго мистика Бёме сталъ послѣдователемъ хиліастическаго толка, возвѣщавшаго скорое наступленіе на землѣ блаженнаго царства «іезуилитовъ», людей, просвѣщенныхъ истиннымъ христіанскимъ ученіемъ. Въ «откровеніяхъ» Кульмана мечты о предстоящемъ духовномъ перерожденіи человѣчества фантастически переплетались съ пророчествами о судьбѣ европейскихъ государствъ, на развалинахъ которыхъ должно было основаться новое, «іезуилитское» общество, при чемъ въ этихъ пророчествахъ видное мѣсто отводилось восточной Европѣ—Польшѣ, Россіи и Турціи. Хиліасты подверглись гоненію, нѣкоторые изъ нихъ были даже казнены, а самъ Кульманъ, спасаясь отъ преслѣдованій, принужденъ былъ вести скитальческую жизнь. Проповѣди своей онъ, однако, не захотѣлъ прекратить, но, наслышавшись о Московіи отъ встрѣченнаго имъ въ Лондонѣ московскаго нѣмца, задумалъ перенести ее въ Россію, чтобы разъяснить царямъ—Ивану, Петру и Софьѣ—ихъ провиденціальную роль въ грядущей борьбѣ народовъ восточной Европы. Въ 1689 г. онъ подъ чужимъ именемъ появился въ Москвѣ со своими брошюрами, въ числѣ которыхъ было вновь составленное имъ воззваніе къ царямъ, и выступилъ съ проповѣдью въ иноземской слободѣ, гдѣ скоро пріобрѣлъ послѣдователей среди лицъ, увлекавшихся уже ранѣе ученіемъ Бёме. Религіозное движеніе, вызванное проповѣдью Кульмана, встревожило слободское духовенство, и лютеранскій пасторъ Мейнке не только предалъ сектантовъ осужденію съ церковной каѳедры, но и постарался обратить на нихъ вниманіе царей и патріарха. Хотя ученіе Кульмана привлекло адептовъ только въ слободѣ,—въ судебномъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній на его распространеніе среди русскихъ,—Посольскому приказу было поручено произвести слѣдствіе по заявленію Мейнке. Кульманъ и самый видный изъ его послѣдователей, купецъ Нордерманъ, были допрошены въ приказѣ и мужественно исповѣдали передъ судьями свою вѣру; такую же стойкость оба они проявили, когда ихъ подвергли жестокой пыткѣ. О брошюрахъ, привезенныхъ Кульманомъ въ Москву, разсматривавшіе ихъ въ качествѣ экспертовъ лютеранскіе пасторы и іезуиты, которые тогда проживали въ Москвѣ, дали самый рѣзкій отзывъ, признавъ изложенное въ нихъ ученіе еретическимъ и богохульнымъ. Кромѣ ереси, судьи открыли въ писаніяхъ Кульмана еще одно преступленіе, очень тяжкое съ русской точки зрѣнія,—«непристойныя рѣчи», безчестившія московское государство. Кульманъ и Нордерманъ были осуждены, какъ еретики, и 4 октября 1689 г. сожжены въ срубѣ, по русскому обычаю.

Дѣло Кульмана возникло на почвѣ острой борьбы религіозныхъ ученій, и образъ дѣйствій слободского духовенства, не погнушавшагося вмѣшательствомъ иновѣрной власти, объясняется тѣмъ, что оно руководилось мотивомъ, который въ глазахъ ортодоксовъ оправдываетъ всѣ средства,— заботой объ устраненіи сѣятелей религіозной смуты. Такого мотива мы не находимъ въ другомъ процессѣ, тоже вскрывшемъ передъ русскимъ судомъ, по винѣ самихъ иноземцевъ, интимныя стороны ихъ церковной жизни. Это былъ нашумѣвшій въ свое время процессъ генерала Баумана, оцѣненный по достоинству извѣстнымъ уже намъ Рингубером, который писалъ о немъ: «Это позорное дѣло я не рѣшаюсь передать ни на словахъ, ни на бумагѣ». «Позорнымъ» для европейской колоніи процессъ былъ потому, что, благодаря ему, спала завѣса, скрывавшая до тѣхъ поръ отъ русской власти неприглядную картину раздоровъ между военными кружками, отражавшихся на ходѣ церковныхъ дѣлъ въ слободѣ; къ тому же пріемы борьбы, къ которымъ прибѣгли на судѣ противники, характеризовали ихъ далеко не съ выгодной стороны.

Прибывшій въ Россію изъ Даніи въ 1654 г. полковникъ Николай Бауманъ оказался способнымъ и опытнымъ офицеромъ и за свои военныя заслуги былъ произведенъ московскимъ правительствомъ въ чинъ генерала. Въ слободѣ онъ проявилъ большой интересъ къ церковнымъ дѣламъ и, благодаря своей энергіи и дѣловитости, быстро пріобрѣлъ значительное вліяніе на нихъ. Къ 60-мъ годамъ вторая или «офицерская» церковная община, къ которой примкнулъ Бауманъ, почему то на время распалась, и самымъ церковнымъ участкомъ по смерти пастора Якоби завладѣло частное лицо. Въ 1661 г. Бауманъ выхлопоталъ возвращеніе участка общинѣ и возобновилъ церковь, затративъ на это, кромѣ денегъ, собранныхъ по подпискѣ прихожанами, гораздо болѣе крупную сумму изъ собственныхъ средствъ, что доставило ему первенство въ церковномъ совѣтѣ, титулъ «старшаго призрителя» церкви, по его выраженію. Настоятелемъ церкви былъ сдѣланъ вывезенный Бауманомъ изъ Германіи пасторъ Фокеротъ, которому Бауманъ вскорѣ подыскалъ помощника въ лицѣ своего protégé, учителя слободской школы Грегори, незадолго передъ тѣмъ получившаго въ Германіи степень магистра и посвященіе въ духовный санъ. Этотъ Грегори (Johann Gottfried Gregorii), сынъ мерзебургскаго врача и пасынокъ знаменитаго Блументроста, выказалъ большую энергію и ловкость, успѣшно выполнивъ въ Европѣ два деликатныя порученія, возложенныя на него царскимъ правительствомъ и московскими лютеранами: онъ убѣдилъ своего отчима Блументроста принять предложенное ему царемъ мѣсто лейбъ-медика и вошелъ въ сношенія по дѣламъ московскихъ лютеранскихъ общинъ съ германскими городами и князьями, у которыхъ ему удалось выхлопотать нѣкоторыя субсидіи этимъ общинамъ. Наиболѣе щедрымъ вкладчикомъ былъ саксонскій герцогъ Эрнстъ, чрезвычайно заинтересовавшійся положеніемъ лютеранъ въ Москвѣ: онъ и впослѣдствіи продолжалъ вникать въ ихъ нужды, оказывалъ имъ при всякомъ случаѣ моральную и матеріальную поддержку и даже обращался къ царю съ ходатайствами по ихъ дѣламъ.

Gravüre Mezzotinto Brückmann München.

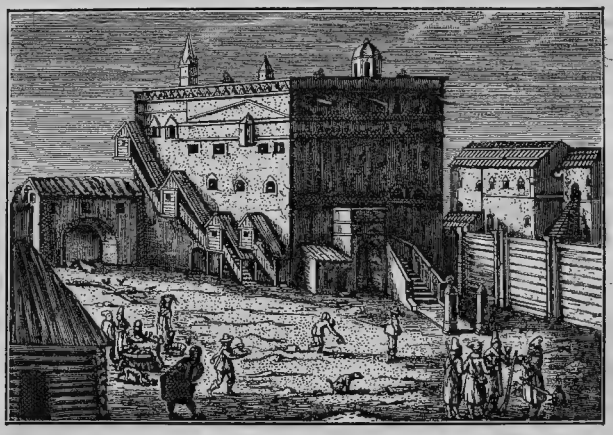
Памятникъ Минину и кн. Пожарскому

на Красной площади въ Москвѣ.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ

Между Фокеротомъ и его коллегой скоро возникло соперничество, перешедшее въ открытую вражду. Фокеротъ, видя, что Грегори, оказавшійся талантливымъ проповѣдникомъ, окончательно смѣнилъ его въ милостяхъ Баумана, и опасаясь потери мѣста, сталъ изливать свою досаду въ самыхъ оскорбительныхъ отзывахъ о своемъ конкуррентѣ. Раздоръ между пасторами осложнился расколомъ среди прихожанъ, большинство которыхъ стало на сторону Фокерота изъ вражды къ Бауману. Дѣло въ томъ, что послѣдній, вѣроятно, благодаря своему крутому нраву, нажилъ много враговъ въ военномъ кругу слободы. Многіе офицеры открыто отказывали ему въ повиновеніи, унижали и оскорбляли его, совершенно не считаясь съ субординаціей; подполковникъ Менгденъ при свидѣтеляхъ обозвалъ его обманщикомъ и воромъ, полковникъ Штаденъ даже вызывалъ его на дуэль.

Взаимное озлобленіе враждующихъ сторонъ, наконецъ, толкнуло ихъ на рѣшительный шагъ — обращеніе къ русскому суду. Въ концѣ августа



Посольскій дворъ въ XVII столѣтіи. Съ современной гравюры.

1668 г. сторонники Фокерота подали въ Иноземскій приказъ челобитную, въ которой, жалуясь на козни Грегори и Баумана противъ Фокерота, требовали оставленія при церкви по-прежнему послѣдняго и вызывались представить доказательства того, что только ему, Фокероту, принадлежало право на пасторское мѣсто и церковный участокъ. Баумана и Грегори челобитчики старались всячески очернить. Полку Баумана поручикъ Метцъ, по словамъ ихъ, со многими людьми явился къ Фокероту и произвелъ буйство: пастора и жену его люди Метца таскали по двору, бранили всякою неподобною бранью и били. Грегори былъ судимъ въ Рейтарскомъ приказѣ, въ Европѣ дважды бѣжалъ со службы—въ Швеціи и Польшѣ. Онъ же по пріѣздѣ въ Москву изъ Германіи помянулъ въ церковной молитвѣ сперва римскаго цесаря и курфюрстовъ, а потомъ царя; русскихъ называлъ варварами. Два послѣдніе пункта были равносильны обвиненію Грегори въ политической неблагонадежности, и на нихъ, очевидно, стро-

ился разсчетъ челобитчиковъ, которымъ было хорошо извѣстно, какъ относился московскій судъ къ такимъ обвиненіямъ; и дѣйствительно, исходъ дѣла показалъ, что этотъ разсчетъ былъ вѣренъ. Подъ челобитной подписалось тридцать человѣкъ, все офицеры.

Въ сентябрѣ дѣло по царскому указу было перенесено въ Посольскій приказъ, въ который тотчасъ же поступила встрѣчная жалоба Баумана. Въ ней доказывалось, что челобитчики-офицеры и Фокеротъ были личными врагами Баумана и Грегори и затѣяли дѣло только для того, чтобы свести свои давніе счеты съ ними. Фокеротъ у себя на дому читалъ собравшимся прихожанамъ сочиненный имъ пасквиль, въ которомъ утверждалось, что Грегори будто бы въ цесарской землѣ былъ лишенъ должности и чести. Капитанъ Зюльвертонъ клеветалъ на Грегори, разсказывая публично, что оба они служили въ Польшѣ въ одной ротѣ, что Грегори дезертировалъ и его имя было выставлено на висѣлицѣ. Враждебныя отношенія офицеровъ къ Бауману проявлялись много разъ въ самыхъ рѣзкихъ формахъ. Къ тому же,—заявлялъ Бауманъ,—большинство челобитчиковъ на него принадлежало къ старой или купеческой церковной общинѣ и, слѣдовательно, отстаивая Фокерота, мѣшалось не въ свое дѣло. Въ заключеніе Бауманъ просилъ сыскать своихъ противниковъ и подвергнуть ихъ допросу, путемъ котораго надѣялся доказать злонамѣренность взведенныхъ на него и Грегори обвиненій.

Эта просьба была уважена, и начался рядъ допросовъ и очныхъ ставокъ. Фокеротъ поддерживалъ жалобу своихъ сторонниковъ во всемъ ея объемѣ, но изъ послѣднихъ большинство было вынуждено признать, что показанія противъ Грегори основывались только на разсказахъ Фокерота. Зюльвертонъ рѣшительно отрицалъ фактъ распространенія имъ порочащихъ Грегори слуховъ. На очныхъ ставкахъ Грегори защищался очень энергично и искусно, стараясь подорвать довѣріе къ заявленіямъ своихъ противниковъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ заставилъ сознаться въ томъ, что, подавая на него жалобу, они хотѣли только отстоять Фокерота, которому грозила потеря мѣста; относительно двухъ сумѣлъ доказать, что мотивомъ ихъ выступленія была месть: оба они были исключены изъ церковнаго совѣта старѣйшинъ, при чемъ одинъ изъ нихъ эту мѣру навлекъ на себя тѣмъ, что пришелъ въ церковь пьяный и произвелъ шумъ (этотъ же субъектъ, офицеръ Гюльссманъ, не могъ подписать своего имени на челобитной). Уликой противъ Фокерота послужила данная имъ въ 1663 г. запись, въ которой онъ бралъ назадъ свои оскорбительные отзывы о Грегори и обязывался впредь не повторять ихъ, благодаря чему его позднѣйшія отношенія къ коллегѣ получали очень невыгодное освѣщеніе. Но наиболѣе серьезныхъ обвиненій, именно, имѣвшихъ политическій характеръ, Грегори не смогъ отпарировать, какъ ни старался ослабить ихъ значеніе.

Бауманъ въ показаніяхъ на судѣ и новыхъ челобитныхъ доказывалъ, что онъ былъ въ правѣ замѣщать по своему усмотрѣнію должность пастора при церкви, отстроенной главнымъ образомъ на его деньги. Записи въ сборной и кассовой церковныхъ книгахъ, представленныхъ въ приказъ, удостовѣряли, что на построеніе церкви офицерами и купцами было пожер-

твовано 213 рублей 3 алтына, Бауманомъ—507 рублей 7 алт. 4 деньги. Такое крупное пожертвованіе, по его словамъ, доставило ему почетный санъ «старшаго призрителя» церкви, и въ качествѣ такового онъ могъ смѣстить Фокерота даже въ томъ случаѣ, если бы приходилось признать послѣдняго преемникомъ Якоби въ приходѣ. Но,—утверждалъ Бауманъ,—Фокерота онъ привезъ изъ Европы не для общины, которая нисколько не хлопотала о пріисканіи новаго пастора на мѣсто Якоби, а для себя и своихъ офицеровъ. Въ Москвѣ Фокеротъ содержался на средства его, Баумана, и зависѣлъ, слѣдовательно, только отъ него, а не отъ прихода. Въ виду всего этого, Бауманъ съ негодованіемъ отвергалъ претензіи сторонниковъ Фокерота и просилъ царя «смирить» ихъ.

Бояре приступили уже къ составленію приговора, когда группа офицеровъ,—около 100 человѣкъ,—подала царю прошеніе объ оставленіи Фокерота при церкви. Это обстоятельство не повліяло на судебное рѣшеніе по существу, но было использовано судьями, какъ лишній мотивъ его. 22 декабря 1668 г. сторонамъ былъ объявленъ въ приказѣ приговоръ: по-прежнему при церкви быть Фокероту на томъ основаніи, что въ данной граматѣ 1661 г. на дворъ Якоби онъ показанъ пасторомъ при «богомольной хороминѣ», строящейся на томъ дворѣ, а Грегори отъ церкви отказать, потому что онъ призванъ въ Москву однимъ Бауманомъ, который и можетъ содержать его при себѣ на свой счетъ, а также потому, что онъ въ церкви поминалъ царя послѣ цесаря и курфюрстовъ и русскихъ людей называлъ «барберинами»; да и потому быть Фокероту у церкви, что о немъ били челомъ царю иноземные офицеры. Бауману предоставлялось право искать затраченныя имъ на церковь деньги на прочихъ жертвователяхъ.

Бауманъ, однако, не сложилъ оружія и попытался путемъ непосреднаго обращенія къ царю добиться отмѣны судебнаго рѣшенія. 6 января 1669 г. онъ подалъ царю, шедшему на «іордань», челобитную объ оставленіи за нимъ, Бауманомъ, построенной имъ церкви, но на другой же день ему было объявлено царское повелѣніе, радикально разрѣшавшее его споръ съ прихожанами: церковь снести, а деньги, 213 р., возвратить жертвователямъ. Бауману оставалось только подчиниться; онъ внесъ деньги въ Посольскій приказъ, а церковь перенесъ на свой дворъ. Община распалась, и партія Фокерота поспѣшила выстроить новую церковь на опустѣвшемъ участкѣ, но по смерти Фокерота (въ 1668 г.) его приходъ соединился съ приходомъ Баумановской церкви, которая была упразднена, вѣроятно, вскорѣ послѣ этого.

Дѣло Баумана, конечно, должно было произвести на правящія сферы впечатлѣніе невыгодное для иноземцевъ. Въ связи съ нимъ въ слободѣ возникли даже опасенія за судьбу иноземскихъ церквей. Въ 1673 г. Рингуберъ, изображая состояніе московскихъ лютеранскихъ общинъ, писалъ: «Всѣ эти пасторы ненавидятъ другъ друга. Магистръ Грегори предлагалъ имъ собраться на совѣщаніе для рѣшенія церковныхъ дѣлъ, чтобы не вселять недовѣрія къ своей религіи, рѣшая дѣла въ русскихъ канцеляріяхъ (приказахъ). Онъ, однако, ничего не добился. Нѣкоторые прони-

цательные люди опасаются, что отправленіе религіозныхъ обязанностей будетъ нѣкогда воспрещено иностранцамъ и ихъ храмы будутъ разрушены». Эти опасенія оказались напрасными. Московское правительство могло злорадствовать по поводу скандала, разыгравшагося среди иновѣрцевъ, но не усматривало въ немъ предлога для посягательства на свободу ихъ культа: вражда партій, вызвавшая процессъ, разгорѣлась на почвѣ не религіознаго разномыслія, а личныхъ счетовъ, которые не нашли и не могли найти отголоска за предѣлами иноземской слободы; въ дѣлѣ отсутствовалъ даже элементъ соблазна, послужившій въ свое время мотивомъ для расправы патріарха Филарета съ иноземцами. Къ дѣлу Кульмана правительство отнеслось иначе, потому что оно имѣло совершенно иной характеръ: были основанія опасаться, что Кульманъ не ограничится пропагандой своего ученія въ слободѣ, но станетъ распространять его среди русскихъ,—недаромъ онъ привезъ въ Москву воззваніе къ русскимъ царямъ,—а это тѣмъ болѣе слѣдовало предотвратить, что въ его проповѣди религіозный элементъ перемѣшивался съ политическимъ.

Вообще московская толерантность имѣла, съ нашей точки зрѣнія, очень тѣсные предѣлы. Правда, протестанты—лютеране и кальвинисты—имѣли въ Москвѣ церкви, въ которыхъ открыто совершалось ихъ богослуженіе, и пасторовъ, но свобода ихъ культа не была обезпечена никакимъ положительнымъ закономъ и была скорѣе фактическая, нежели оффиціально признанная. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ посламъ европейскихъ государствъ, домогавшимся для своихъ соотечественниковъ договорнаго подтвержденія свободы культа въ Московскомъ государствѣ, русскіе отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ на томъ основаніи, что иноземцамъ у нихъ не дозволено держать при себѣ духовенство и учителей вѣры. Это «non possumus» было, въ сущности, нормой, отступленія отъ которой если и допускались, то только въ концессіонномъ порядкѣ, по усмотрѣнію правительства. По отношенію къ католической московской общинѣ норма была въ силѣ до послѣдней четверти XVII в., когда католикамъ, благодаря осторожной и умѣлой тактикѣ, сводившейся къ созданію прецедентовъ, такъ или иначе навязываемыхъ правительству, удалось постепенно добиться для своего культа терпимости. Протестантизмъ, напротивъ, съ самаго начала оказался въ положеніи наиболѣе благопріятствуемаго изъ европейскихъ вѣроисповѣданій, хотя, казалось бы, съ богословской точки зрѣнія, онъ имѣлъ на это меньшее право, чѣмъ гораздо болѣе близкій къ русской вѣрѣ католицизмъ. Дѣло въ томъ, что для русскихъ критеріемъ въ вопросѣ о допустимости даннаго европейскаго вѣроисповѣданія служила не степень его сродства съ ихъ религіей, но большая или меньшая склонность его къ прозелитизму. Въ послѣднемъ отношеніи католицизмъ съ его широко организованной пропагандою представлялся русскимъ гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ протестантизмъ, никогда не обнаруживавшій завоевательной тенденціи въ центральныхъ, по крайней мѣрѣ, областяхъ Московскаго государства.

Охрана туземной религіи была руководящимъ принципомъ московской политики по отношенію къ иноземцамъ. Пропаганда европейскихъ вѣро-

Изъ книги: „Избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова“,

съ экземпляра, находящагося въ Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ.

исповѣданій не была терпима, и ставились всевозможныя препятствія всякому общенію туземцевъ съ иновѣрцами на почвѣ религіозныхъ вопросовъ. Правительство старалось не допускать собесѣдованій между тѣми и другими о вѣрѣ, да и само населеніе избѣгало ихъ, сознавая свою полную неподготовленность къ нимъ. Средній русскій человѣкъ не обладалъ даже самыми элементарными свѣдѣніями о религіи, которую исповѣдывалъ, и такое невѣжество обнаруживали одинаково какъ міряне, такъ и духовныя лица, вплоть до высшихъ ступеней іерархіи. У Флетчера записанъ очень характерный разговоръ, который онъ имѣлъ въ Вологдѣ съ мѣстнымъ епископомъ. Флетчеръ далъ своему собесѣднику прочесть первую главу евангелія отъ Матѳея и спросилъ: какую часть св. писанія онъ прочелъ?—Не могу сказать навѣрное, отвѣтилъ епископъ.—Сколько было евангелистовъ?—Не знаю.—Сколько было апостоловъ?—Думаю, что двѣнадцать.—Для чего вы постриглись въ монахи?—Для того, чтобы покойно ѣсть хлѣбъ свой. Уровень религіознаго сознанія народа характеризовался господствомъ внѣшней обрядности и совершеннымъ отсутствіемъ стремленія возвыситься до пониманія христіанства. У европейцевъ, знакомыхъ съ религіозною жизнью русскихъ, возникалъ вопросъ, можно ли считать русскихъ христіанами, послужившій темою для нѣсколькихъ богословскихъ диссертацій. Правда, вопросъ этотъ, по отношенію къ догматической сторонѣ русской религіи, рѣшался въ положительномъ смыслѣ, но уже самая возможность его постановки достаточно характеризуетъ ея отношеніе къ христіанству. Отсутствіемъ у русскихъ высшихъ духовныхъ стремленій, ихъ религіозной косностью въ значительной мѣрѣ объясняется тотъ фактъ, что европейскія вѣроисповѣданія почти не находили прозелитовъ въ ихъ средѣ. Мало того,—русскіе относились свысока къ этимъ вѣроисповѣданіямъ, смотрѣли на ихъ послѣдователей, какъ на несовершенныхъ христіанъ, «нехристей», существа низшія и нечистыя. Если иновѣрецъ входилъ въ русскую церковь, она считалась осквернённою. Въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ XVII в. былъ чинъ очищенія церкви, въ которую вошелъ иновѣрецъ, тождественный съ чиномъ очищенія послѣ входа въ церковь собаки. Присутствіе иновѣрца оскверняло иконы въ домахъ частныхъ лицъ. Олеарій разсказываетъ, что въ деревняхъ крестьяне послѣ постоя иноземцевъ приглашали въ избы попа, который долженъ былъ вновь освящать иконы, «точно онѣ были загрязнены». По его же словамъ, когда одинъ нѣмецкій купецъ купилъ у русскаго каменный домъ, русскіе начисто выскребли всѣ иконы, написанныя на стѣнахъ, на штукатуркѣ, и самую пыль отъ нихъ унесли съ собою. Въ собственныхъ домахъ нѣмцамъ было запрещено держать иконы, которыя они было завели ради своихъ русскихъ знакомыхъ.

Опасливое отношеніе къ иновѣрцамъ, какъ къ людямъ, вносившимъ соблазнъ въ правовѣрную среду, проявилось въ рядѣ мѣръ, направленныхъ къ ихъ изолированію. Въ Москвѣ они были поселены въ особой слободѣ за городомъ и лишены права носить русское платье; имъ запретили держать русскую прислугу изъ опасенія, что она въ ихъ домахъ станетъ перенимать иновѣрные обычаи и терпѣть стѣсненіе въ вѣрѣ, и на томъ

же основаніи прекратили дачу имъ помѣстій съ крестьянами. Запрещеніе русскаго платья Олеарій приводитъ въ связь со слѣдующимъ случаемъ, извѣстнымъ также Павлу Алеппскому. Проживавшіе въ Москвѣ иноземцы носили костюмы на подобіе русскихъ, чтобы не подвергаться оскорбленіямъ словомъ и дѣйствіемъ со стороны уличной толпы. Однажды, когда въ городѣ происходилъ крестный ходъ при участіи патріарха Никона, благословлявшаго, по обычаю, народъ, бывшіе въ толпѣ нѣмцы не захотѣли снять шапокъ и перекреститься. Патріархъ разсердился и, узнавъ, что непочтительные зрители были нѣмцы, сказалъ: «нехорошо, что недостойные иностранцы такимъ случайнымъ образомъ также получаютъ благословеніе». Тогда же послѣдовало распоряженіе, обязывавшее иноземцевъ носить впредь только европейскіе костюмы. Поводомъ къ прекращенію дачи помѣстій послужило, по словамъ Олеарія, также происшествіе, случайно обратившее на себя вниманіе русской власти. Служилый иноземецъ, полковникъ Лесли, получилъ великолѣпное имѣніе съ крестьянами на берегу Волги. Его жена, повидимому, стала слишкомъ обременять крестьянокъ работою, и чтобы отдѣлаться отъ неудобной госпожи, онѣ донесли на нее, что она въ постные дни кормитъ ихъ мясомъ, не позволяетъ, изъ-за работы, ни въ церковь сходить, ни Богу помолиться утромъ, бьетъ народъ и, что всего ужаснѣе, сожгла въ печи икону. Такимъ серьезнымъ обвиненіямъ въ Москвѣ былъ данъ ходъ, въ дѣло вмѣшались патріархъ и бояре, давно уже косо смотрѣвшіе на раздачу помѣстій иноземцамъ,— и Лесли потерялъ имѣніе, а кстати было постановлено, что впредь только русскіе должны владѣть помѣстьями. Въ Москвѣ этотъ случай вызвалъ взрывъ народнаго фанатизма, послѣдній въ исторіи московскихъ иновѣрческихъ общинъ: народъ бросился въ Новоиноземскую слободу, сорвалъ съ тамошнихъ церквей крыши, разломалъ алтари и каѳедры.

Низкій уровень религіознаго сознанія русскихъ ставилъ почти непреодолимыя препятствія пропагандѣ среди нихъ европейскихъ вѣроисповѣданій, но нерѣдки были случаи принятія иноземцами русской вѣры. Тотъ же Лесли, потерявъ помѣстье и оставшись безъ хлѣба, поспѣшилъ принять ее, чтобы вернуть себѣ право на помѣстную дачу. Подобными же мотивами руководилось громадное большинство прозелитовъ. Приманкой для нихъ служила особая премія или, по тогдашнему выраженію, «жалованье», выдававшееся изъ казны за переходъ въ русскую вѣру, соединявшійся непремѣнно съ перекрещиваніемъ по обряду русской церкви. Съ теченіемъ времени выработалась даже опредѣленная такса этого «жалованья»: при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ офицеры первыхъ трехъ статей получали за перекрещиванье отъ 15 до 25 рублей, высшіе чины—болѣе. Въ 1649 г. одному подполковнику, перекрестившемуся со всей своей семьей, было выдано 60 рублей, женѣ его—30, дѣтямъ—по 10; Лесли и его семьѣ Алексѣй Михайловичъ подарилъ, по словамъ Олеарія, 3000 рублей. Кромѣ денегъ давались еще разныя болѣе или менѣе цѣнныя вещи. Жалованьемъ за крещеніе не ограничивалась, впрочемъ, матеріальная поддержка, оказывавшаяся правительствомъ новообращеннымъ, которые всегда могли разсчитывать на пособіе отъ казны при разныхъ обстоятельствахъ,

напр., женитьбѣ, покупкѣ дома и пр. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ очень дорого обошелся казнѣ нѣкій Шляховскій, получившій въ Москвѣ княжескій титулъ. Это былъ авантюристъ незнатнаго происхожденія, выдававшій себя за графа Шлика, одаренный большимъ честолюбіемъ и еще бо́льшими аппетитами; поговаривали даже, что онъ мѣтилъ въ зятья къ царю. Перекрестившись, онъ былъ осыпанъ дорогими подарками, получилъ домъ, жалованье кормовое и денежное,—послѣднее въ размѣрѣ 1200 р. въ годъ,—и женился на дочери богатаго боярина Шереметева. Казеннаго содержанія этотъ самозванный графъ не лишился даже тогда, когда былъ открытъ его обманъ. Вообще, перекрещиванье было большимъ шансомъ для карьеристовъ. Оно сопровождалось уравненіемъ въ правахъ съ коренными русскими, доставляло прозелитамъ протекцію,—въ особенности, если ихъ крестными отцами были вліятельные люди, вообще охотно бравшіе

Дворецъ въ селѣ Коломенскомъ. Съ современной гравюры.

на себя въ такихъ случаяхъ роль воспріемниковъ,—и постоянныя связи въ служилыхъ и дѣловыхъ туземныхъ кругахъ, открывало возможность женитьбы на русскихъ, которой иноземцы были лишены, пока оставались «некрещеными». Прикрѣпленіе прозелитовъ къ туземному обществу было тѣмъ прочнѣе, что они навсегда лишались права выѣзда изъ Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, связь ихъ съ европейской колоніей, конечно, ослаблялась или совсѣмъ порывалась. Въ такихъ условіяхъ ассимиляція становилась неизбѣжной, и уже въ ближайшихъ поколѣніяхъ потомство прозелитовъ теряло свои національныя черты и сливалось въ культурномъ отношеніи съ туземнымъ обществомъ. Генеалогія нѣсколькихъ русскихъ дворянскихъ родовъ восходитъ къ «новокщенамъ» XVII в.

На численность прозелитовъ оказывали замѣтное вліяніе военныя событія XVII в. Олеарій писалъ въ 1656 г.: «Въ настоящее время подобныхъ

отпавшихъ (отъ прежней религіи) очень много въ Москвѣ, такъ какъ не только 22 года тому назадъ, по случаю тогда законченной войны подъ Смоленскомъ, но и теперь, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ пяти, много солдатъ, большею частью французовъ, позволили перекрестить себя, чтобы остаться въ странѣ и получать содержаніе отъ великаго князя,—хотя они и не понимали ничего ни въ языкѣ, ни въ религіи русскихъ. Особенно нужно удивляться, какъ нѣкоторые знатные и умные люди, изъ-за постыдной корысти, согласились отпасть и принять русскую религію». При Алексѣѣ Михайловичѣ крестилось множество плѣнныхъ поляковъ и бѣлоруссовъ, которые были выведены въ Москву изъ занятыхъ царскими войсками литовскихъ областей. Эти новообращенные образовали компактныя поселенія въ слободахъ Басманной, прозвавшейся, по словамъ Рейтенфельса, «слободою перекрестовъ», и Панской въ Замоскворѣчьѣ. Въ мирное время, когда не было усиленнаго наплыва въ Россію вольныхъ и невольныхъ переселенцевъ, туземная религія, конечно, не могла похвалиться такими успѣхами, но все же случаи обращенія не были особенно рѣдкими среди иноземцевъ не только служилыхъ, но и торговыхъ и ремесленныхъ.

Отношеніе русскихъ къ иноземнымъ вѣроисповѣданіямъ было таково, что не «киркамъ» нѣмецкой слободы суждено было сдѣлаться проводниками европейской культуры въ Москвѣ. Но, несмотря на взаимное отчужденіе на почвѣ религіи, уже самая близость слободы къ русской столицѣ создавала условія, въ которыхъ она неизбѣжно становилась факторомъ культурнаго сближенія Россіи съ Западомъ.

Отдѣленіе московскихъ нѣмцевъ отъ туземнаго населенія и основаніе для нихъ особой слободы было встрѣчено обѣими сторонами съ удовольствіемъ. «Большинство нѣмцевъ говоритъ,—пишетъ Олеарій,—что снятіе русской одежды и отдѣленіе отъ русскихъ домовъ и ежедневныхъ сношеній съ русскими было имъ столь же больно, какъ, напримѣръ, было бы для рака утопленіе его, ради наказанія, въ водѣ». Патріархъ, попы и посадскіе люди торжествовали, полагая, что посредствомъ выселенія иноземцевъ достигалось полное прекращеніе ихъ общенія съ туземцами. На дѣлѣ, однако, оказалось, что выселеніе вовсе не было равносильно изоляціи. Правда, нѣкоторые элементы населенія до самаго конца XVII в. сохранили полнѣйшее отчужденіе отъ иноземцевъ: это были низшіе слои, для которыхъ «нѣмецъ» былъ и остался существомъ иного міра, пугавшимъ и раздражавшимъ своимъ несходствомъ со всѣмъ, что они привыкли видѣть на родинѣ. На улицахъ Москвы иноземцы постоянно подвергались оскорбленіямъ со стороны простонародья, державшаго себя по отношенію къ нимъ очень вызывающимъ образомъ. Послѣ выселенія иноземцевъ въ Новую слободу, у русскихъ въ большомъ ходу было одно время бранная фраза,—непередаваемая въ печати,—которою они встрѣчали проходящихъ по улицѣ нѣмцевъ, что вызвало, наконецъ, обращеніе послѣднихъ къ царю съ просьбой о защитѣ отъ оскорбленій. Царь запретилъ, подъ страхомъ кнута, уличныя нападки на нѣмцевъ, и многіе озорники, дѣйствительно, подверглись наказанію, но эта мѣра все же не могла искоренить враждеб-

Гостиная въ Останкинскомъ Дворцѣ.

наго отношенія къ иноземцамъ: оно продолжало выражаться въ прозвищахъ «фрыга», «фря», возгласѣ «шишъ», которыми простонародье преслѣдовало ихъ на улицѣ («шишъ, фрыга, на Кукуй»,—фраза, замѣнившая болѣе рѣзкій, запрещенный царемъ, варіантъ брани). Въ самомъ концѣ XVII в. подъ вліяніемъ возбужденія, вызваннаго борьбою старыхъ началъ съ реформаторскими стремленіями Петра, непріязнь къ нѣмцамъ еще болѣе обострилась. Въ нихъ народъ видѣлъ главныхъ виновниковъ потрясенія основъ національнаго быта и на нихъ вымещалъ по-своему неудачи, постигшія приверженцевъ старины. Возмутившіеся стрѣльцы намѣревались первымъ дѣломъ перебить всѣхъ нѣмцевъ въ слободѣ. Корбъ за время своего сравнительно недолгаго пребыванія въ Москвѣ отмѣтилъ нѣсколько случаевъ проявленія народнаго озлобленія противъ нѣмцевъ. Слугамъ австрійскаго посла приходилось выслушивать на улицѣ такія рѣчи: «вы, нѣмецкія собаки, вполнѣ свободно воровали и грабили до сихъ поръ, но довольно, пора уже унять и наказать васъ». Нѣсколькихъ нѣмцевъ, прибѣжавшихъ тушить пожаръ, чернь обвинила въ воровствѣ, избила и бросила въ огонь.

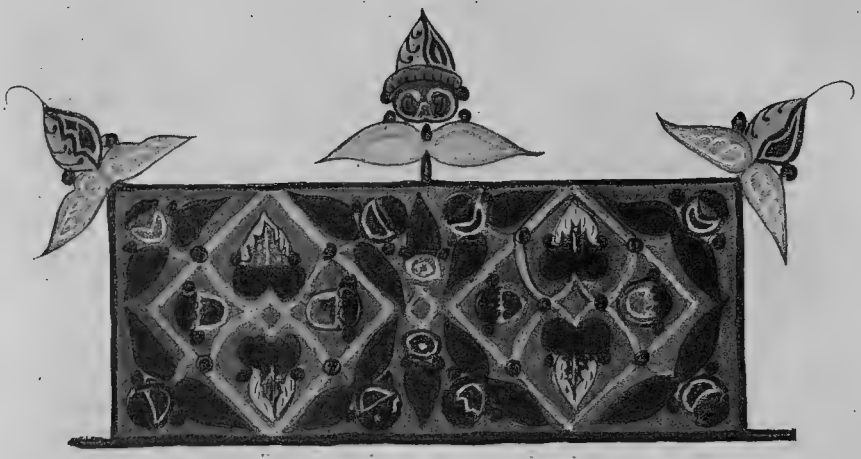
Болѣе доступнымъ иноземному вліянію оказался высшій общественный слой. Люди служилаго класса, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ европейскою колоніей, имѣли возможность ближе присмотрѣться къ ея быту. Знакомство съ нимъ не могло пройти безслѣдно для русскаго человѣка, который постепенно пріучался цѣнить внѣшнія, по крайней мѣрѣ, преимущества европейской культуры и начиналъ заботиться объ усвоеніи ихъ. Въ домахъ знатныхъ людей и въ самомъ царскомъ дворцѣ уже въ первой половинѣ XVII в. появились предметы европейской обстановки—мебель, часы, гравюры, даже музыкальные инструменты, органы и цимбалы (клавикорды). Наиболѣе смѣлые западники доходили до попытокъ усвоенія европейскаго костюма. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ воспитатель царевичей Морозовъ заказывалъ нѣмецкое платье имъ и всѣмъ дѣтямъ, воспитывавшимся вмѣстѣ съ ними. Бояринъ Никита Романовъ, близкій родственникъ царя, самъ иногда одѣвался по-нѣмецки, но на это патріархъ обратилъ вниманіе и добился прекращенія соблазна. Вслѣдъ за музыкальными инструментами появляются при дворѣ и у вельможъ музыканты-иноземцы; у Артамона Матвѣева былъ цѣлый домашній оркестръ, составленный изъ его дворовыхъ людей и обученный нѣмцемъ; царь Алексѣй, пируя въ кремлевскомъ дворцѣ съ духовникомъ и боярами, тѣшился игрою нѣмчина на «органахъ». Для русскаго человѣка открывался новый міръ, привлекательный и въ то же время мало доступный его пониманію: формы, краски, звуки нравились безотчетно, но духовное содержаніе оставалось чуждымъ русскому уму и чувству въ такой же мѣрѣ, въ какой чужда европейская культура въ наше время какому-нибудь дагомейскому династу, обзаводящемуся граммофономъ съ европейскимъ репертуаромъ, хотя его слухъ воспитанъ на истинно-африканскихъ деревянныхъ барабанахъ. Алексѣй Михайловичъ, живо интересовавшійся европейскою жизнью, требовалъ отъ своихъ пословъ подробныхъ донесеній обо всемъ, что имъ приходилось наблюдать въ Европѣ, особенно по части придворнаго бы-

та, развлеченій, празднествъ, и вотъ одинъ изъ нихъ доставилъ царю такое описаніе спектакля, устроеннаго для него флорентійскимъ герцогомъ: «Объявились палаты, и бывъ палата и внизъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море, колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ; а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди, и почали облака съ людьми на низъ опущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, опять вверхъ же пошли; а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялися вверхъ. Да спущался съ неба же на облакѣ человѣкъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки подъ каретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ; а князь (герцогъ) сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяцъ. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ занавѣса въ золотѣ и танцуютъ». Итакъ, сильное впечатлѣніе производила на русскаго человѣка XVII в. европейская mise en scène сама по себѣ, но смыслъ происходящаго на сценѣ былъ для него темень, потому что онъ былъ совершенно не подготовленъ къ пониманію театральной символики.

Болѣе приноровленъ къ духовному уровню московскаго общества, несомнѣнно, былъ придворный театръ Алексѣя Михайловича, возникшій въ 70-хъ годахъ, хотя и въ немъ сказалось вліяніе западной культуры. Репертуаръ этого театра составился главнымъ образомъ изъ піесъ, близкихъ по содержанію къ мистеріямъ Симеона Полоцкаго, но въ него вошелъ и балетъ, правда, въ очень умѣренной дозѣ. Главное участіе въ осуществленіи театральной затѣи царя выпало на долю нѣмецкой слободы въ лицѣ учениковъ ея школы и ихъ руководителя. Поставщикомъ піесъ и режиссеромъ оказался не кто иной, какъ пасторъ Грегори, который своей театральной дѣятельностью совершенно загладилъ прежнія провинности, всплывшія въ дѣлѣ Баумана, и даже сдѣлался persona grata при дворѣ, а труппа сформировалась изъ его учениковъ. Грегори не былъ авторомъ піесъ, но довольствовался обработкой для царскаго театра подходящаго нѣмецкаго матеріала, пользуясь для перевода сотрудничествомъ кого-нибудь изъ русскихъ. Театръ такъ понравился царю, что вскорѣ признано было нужнымъ увеличить труппу, и къ воспитанникамъ нѣмецкой школы были присоединены мѣщанскіе и подъяческіе сыновья изъ Новомѣщанской слободы. Спектакли продолжались послѣ смерти Грегори, подъ руководствомъ кіевскаго ученаго Чижинскаго, и прекратились только со смертію самого царя Алексѣя.

Такъ нѣмецкая слобода постепенно втянула въ сферу своего культурнаго вліянія верхи московскаго общества и, наконецъ, самого царя. Дальнѣйшіе, рѣшительные шаги по пути сближенія съ нею сдѣлалъ сынъ Алексѣя Михайловича, который для нея покинулъ свой дворецъ и самъ сталъ членомъ слободского общества. Предоставленный въ юности самому себѣ, Петръ не былъ стѣсненъ требованіями московскаго этикета въ выборѣ знакомыхъ и быстро, черезъ учителей, найденныхъ имъ въ нѣмецкой колоніи, вступилъ въ постоянныя сношенія съ нею и втянулся въ ея жизнь. На Яузѣ слобожанинъ Тиммерманъ далъ Петру первые уроки навигаціоннаго искусства; слободскіе офицеры были инструкторами потѣшныхъ

полковъ; школой европейскаго общежитія были для молодого царя дома слободскихъ служилыхъ и торговыхъ людей. Съ пылкостью прозелита кинулся Петръ въ эту новую жизнь, спѣша взять отъ нея все, что она могла дать и что было ему доступно. «Марсовы» потѣхи, примѣрныя сраженія, чередовались съ вечеринками въ семейныхъ домахъ и разгульными пирушками въ компаніи, составившейся изъ группы иноземцевъ съ Лефортомъ во главѣ и «всешутѣйшаго собора» туземнаго происхожденія. «Венусъ», наравнѣ съ Бахусомъ, была почетнымъ персонажемъ этого карнавала: она являлась Петру въ образѣ иноземки, купеческой дочери Анны Монсъ, а Бахусъ былъ принужденъ дѣлить почетъ съ отечественнымъ «Ивашкою Хмельницкимъ». Вообще, Петръ оказался настолько московитомъ, что внѣшнія формы европейской жизни туго давались ему, несмотря на все его увлеченіе ими,—въ слободѣ онъ обучился танцамъ, но не привыкъ къ опрятности, а вакхическія празднества по программамъ, которыя онъ самъ вырабатывалъ, коробили иноземцевъ своею варварской грубостью. Гораздо успѣшнѣе шло усвоеніе европейскихъ техническихъ знаній и навыковъ, довершенное потомъ во время первой заграничной поѣздки. Техническая подготовка и нѣкоторый налетъ внѣшняго европеизма—вотъ итоги слободского періода въ жизни Петра, и въ этомъ смыслѣ, говоря словами С. М. Соловьева, «нѣмецкая слобода—ступень къ Петербургу, какъ Владиміръ былъ ступенью къ Москвѣ».



Изъ Псалтыря Суздальскаго Монастыря XVI вѣка.

Идейныя движенія въ старой Москвѣ (до конца XVII в.).

Проф. М. Н. Сперанскаго.

Характеръ и направленіе идейныхъ движеній въ старой Москвѣ до конца XVII в. въ значительной мѣрѣ опредѣляются въ зависимости отъ того культурнаго наслѣдія, которое она получила отъ своего предшественника Кіева, отъ тѣхъ условій, въ которыхъ оказалось въ Москвѣ это наслѣдіе, наконецъ, отъ тѣхъ вліяній и теченій, которыя имѣли мѣсто въ с.-восточной Руси. Въ связи съ общимъ укладомъ средневѣковой жизни во всей остальной Европѣ, движенія эти, естественно, отливались въ форму прежде всего движеній религіознаго характера: это обусловливается тѣмъ значеніемъ, которое и на западѣ и на востокѣ, у насъ и въ Византіи, имѣли религія и выразительница ея—церковь; самое міросозерцаніе средневѣковья покоилось прежде всего на вѣрѣ, на авторитетахъ въ дѣлахъ вѣры, на наукѣ, прежде всего служащей этой вѣрѣ, регулируемой прежде всего данными религіознаго порядка. Въ такихъ общихъ очертаніяхъ міросозерцаніе востока и запада, з. Европы и Византіи съ Русью во всякомъ случаѣ должно считаться если не тождественнымъ, то очень близкимъ другъ къ другу.

Для з. Европы и Россіи разница будетъ прежде всего хронологическая: то, что имѣетъ мѣсто на западѣ въ данное время, на Руси встрѣчаемъ на столѣтіе (а иногда и болѣе) позднѣе: фактъ—общеизвѣстный. Дальнѣйшее различіе будетъ касаться не столько всего міросозерцанія,

Печатная Палата.

Внутренній и внѣшній видъ.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

сколько отдѣльныхъ его сторонъ, частностей, иногда, однако, довольно сильно вліявшихъ на развитіе, на самую внѣшность проявленія этого міросозерцанія; таково, напр., различіе типа католическаго и типа православнаго, типа римскаго — латинскаго и византійскаго — греческаго. Эти то частности въ значительной степени и обусловили собою тѣ фазы въ идейныхъ движеніяхъ, которыя мы видимъ въ Москвѣ XV—XVII вѣковъ.

Культурное наслѣдіе, которое получила с.-восточная Русь отъ югозапада и прежде всего Москва, какъ государственный и культурный центръ новаго Московскаго государства, заключалось главнымъ образомъ въ византинизмѣ, въ основѣ греческомъ, православномъ, но уже претворенномъ, приспособленномъ къ славянскимъ особенностямъ воспринявшей его Руси. На сѣверо-востокѣ эти начала византинизма получаютъ своеобразное, но одностороннее развитіе, при чемъ отдѣльные элементы этого византійскаго вліянія развиваются далеко не равномѣрно. Причина этой трансформаціи лежитъ въ общихъ политическихъ и экономическихъ условіяхъ, а также географическихъ, при которыхъ созидается самый новый типъ: великорусское племя и выразитель его—Московское государство. Старыя государственныя формы получаютъ иное назначеніе, иной смыслъ: Кіевскій великій князь и великій князь Московскій — двѣ различныхъ фигуры, митрополитъ Кіевскій и всея Руси и митрополитъ Московскій и всея Руси—далеко не похожи другъ на друга; отношенія церкви къ государству и государства къ церкви въ Москвѣ уже свои, составъ населенія, его классовыя отношенія уже не прежнія. Наконецъ, положеніе новаго государства иное: оно и географически дальше отошло отъ запада и отъ источника своей культуры, Византіи и южнаго славянства; между ними залегли области иной культуры или иной некультурности (Литва съ Польшей, степь, занятая кочевниками; на востокѣ и с.-востокѣ инородцы). Только съ одной стороны Москва подошла ближе къ западу—со стороны Новгорода, и это, какъ увидимъ, не осталось безъ вліянія на идейныя движенія въ Москвѣ; но въ полной мѣрѣ вліяніе Новгорода не могло быть использовано: Новгородъ (самъ не соприкасавшійся непосредственно съ очагами зап. культуръ) въ политическомъ отношеніи враждебенъ Москвѣ, враждебна ему и Москва, да и искони культурная физіономія Новгорода носила своеобразныя черты, еще въ Кіевскій періодъ отличавшія его отъ остальной Руси. Предоставленная себѣ, притомъ облеченная большой общегосударственной задачей—созданія государства и объединенія русскаго племени — Москва должна питаться старымъ наслѣдіемъ, на немъ строить свое міросозерцаніе при новыхъ условіяхъ.

Не высокая культура страны, трудность общенія не только съ западомъ, но и съ своей культурной метрополіей — Византіей, разгромъ юга Руси, сложность чисто практическихъ задачъ, предстоящихъ Москвѣ — все это повело къ тому, что Москва XV вѣка вырабатываетъ однобокій отсталый типъ средневѣкового міросозерцанія на основахъ непонятаго или дурно понятаго византинизма: религіозная, позднѣе національная, исключительность, формальное отношеніе къ идеямъ религіи, буквалистика, обрядность, отсутствіе образованія, замѣнявшагося лишь начетничествомъ—

все черты общаго средневѣкового склада ума, но доведенныя до односторонности, подчасъ уродливости. Это то состояніе ума, подавленнаго буквалистическимъ авторитетомъ церковнаго писанія, неумѣніе отличить мысль отъ формы, направленіе, властно проводимое въ жизнь церковью и государствомъ въ тѣсномъ ихъ союзѣ—все это къ XV в. доводитъ сѣверную Русь до состоянія оцѣпенѣнія; мало-мальски живой душѣ становится трудно дышать; она ищетъ выхода; умъ, осужденный на бездѣйствіе господствомъ авторитета, не допускающаго сомнѣній, но не могущій существовать безъ движенія мечется въ поискахъ выхода. Душная атмосфера должна разразиться грозой. Эта гроза пришла и пришла въ концѣ XV в., пришла въ Москву чрезъ Новгородъ съ запада: не даромъ Новгородъ былъ къ нему ближе. Это была чума—знаменитая въ лѣтописяхъ «черная смерть». Значеніе ея, какъ общественнаго бѣдствія, въ первомъ крупномъ движеніи, охватившемъ Русь и захватившемъ и Москву, не подлежитъ сомнѣнію: тотъ тяжелый строй жизни, которымъ накрывало Москву, какъ тяжелымъ колоколомъ, казался незыблемымъ людямъ, не чувствовавшимъ потребности въ его измѣненіи, видѣвшимъ только одну сторону медали — государство и церковь сильныя по внѣшности — этотъ строй заколебался отъ внѣшняго удара: только что стала утихать моровая язва, какъ вспыхиваетъ движеніе стригольниковъ. Движеніе по формѣ, естественно, религіозное—«ересь», по опредѣленію современниковъ, —но по сущности экономическое и умственное, идейное: въ основѣ его лежитъ первая попытка подавленнаго и осужденнаго на бездѣйствіе ума заявить о своихъ правахъ на участіе въ жизни общества. Попытка эта выразилась прежде всего въ критикѣ существующаго строя, протестѣ противъ тѣхъ его сторонъ, которыя особенно больно чувствовались.

Новгородскій стригольникъ, этотъ по внѣшности своей и по направленію мыслей братъ своего западнаго «крестоваго брата», «гейсслера», «флагелланта-самобичевателя», прежде всего отрицатель-еретикъ: онъ не признаетъ іерархіи, священства, ибо «они на мздѣ поставлены», требуетъ для всѣхъ права учить: еретики «творили себя головою, будучи ногою, творили себя пастырями, будучи овцами», по выраженію патріарха Антонія. Предлагая свое учительство, стригольникъ отвергаетъ духовенство, конечно, не только потому, что оно «на мздѣ поставлено», а также и потому, что обвиняетъ его въ лихоимствѣ—отзвукъ тяжелыхъ экономическихъ отношеній конца XIV в., въ которомъ играло видную роль духовенство съ его судебными, привилегированными правами. Такимъ образомъ началось отрицаніе безграничнаго права духовенства на духовное руководительство, на авторитетъ, не допускавшій сомнѣній и требовавшій только вѣры и послушанія. Это отрицаніе, раціонализмъ, коснулось и болѣе глубокихъ устоевъ тогдашняго міросозерцанія: начинается проповѣдь о внутреннемъ христіанствѣ, въ противоположность обрядовому—не надо духовенства, не надо храмовъ, воздвигаемыхъ руками человѣческими: храмъ—въ душѣ каждаго истиннаго христіанина. Видимъ и прямо критическое отношеніе къ представленіямъ, основаннымъ на вѣрѣ: въ Твери возникаетъ сомнѣніе въ существованіи не только земного рая, но и загробныхъ мукъ и самой

загробной жизни. Несомнѣнно, стригольничье движеніе, свѣдѣнія о которомъ какъ будто сразу замираютъ въ первой четверти XV вѣка, нашло себѣ отраженіе и въ Москвѣ: если прямыхъ о томъ свѣдѣній мы не имѣемъ, то имѣемъ косвенное указаніе на него въ послѣдующемъ движеніи, подготовленномъ стригольниками. Въ движеніи стригольниковъ, по формѣ или формамъ стоящемъ въ связи съ эпохой «черной смерти», всколебавшей старыя основы и высвободившей на поверхность протестующіе элементы,— въ этомъ движеніи были двѣ черты, далеко не случайныя: это «раціоналистическій» характеръ движенія и очевидная связь этого движенія съ аналогичнымъ западнымъ, хотя оно и развилось на почвѣ тяжелыхъ, духовныхъ и экономическихъ, условій нашего быта: не даромъ не только «черная смерть», но и «ересь» пришли черезъ Новгородъ и Псковъ въ Москву.

Потопленіе стригольниковъ (изъ Царственнаго лѣтописца).

Что движеніе стригольничье, вызванное внѣшнимъ факторомъ — «черной смертью», выразившееся въ протестѣ и вольнодумствѣ въ религіозной области, формулировавшееся, можетъ быть, не безъ вліянія западно-европейскаго раціонализма, имѣло характеръ не случайный, а глубоко коренилось въ односторонности развитія московскаго міросозерцанія и быта,—это видно изъ того, что мысли, брошенныя стригольниками въ концѣ XIV и нач. XV вѣковъ, глухо развивались и въ XV вѣкѣ и, слабыя сами по себѣ сравнительно съ поддерживаемымъ и властью и духовенствомъ режимомъ, воскресли, лишь только представился подходящій поводъ, и постепенно, въ то же время быстро разрастаясь, дали начало новому крупному движенію въ области мысли и литературы конца XV и доброй доли XVI вѣковъ. Эту связь между стригольниками, прежде всего какъ отрицателями привычныхъ устоевъ жизни, и новыми раціоналистами XV—XVI вв. почувствовали прежде всего сами современники: когда въ томъ же Новгородѣ вспыхнула ересь такъ называемыхъ жидовствующихъ, митрополитъ новгородскій Геннадій увидалъ въ нихъ возродившихся стригольниковъ; и позднѣе только ересь получила (не совсѣмъ точное съ точки зрѣнія своего содержанія) названіе «жидовской». Преемственная связь новой ереси и старой сказалась не только въ оди-

наковомъ «раціоналистическомъ» ихъ характерѣ, но и въ одинаковости тѣхъ главныхъ пунктовъ, на которые было направлено еретическое отрицаніе, въ аналогичныхъ мѣстныхъ условіяхъ и характерѣ ихъ при возникновеніи новаго движенія. Собственно «жидовскій» характеръ, который приписывали современники этой ереси, не составлялъ существеннаго, основного ея элемента, а былъ, и то лишь въ первое время, окраской ея, формой, явившейся лишь какъ послѣдствіе внѣшнихъ условій ея появленія: ересь раціоналистическая возродилась при дѣятельномъ участіи литовско-еврейскихъ выходцевъ и ихъ увлекшихся сторонниковъ, дѣйствительно, слившихъ въ одно, и то лишь на первое время, свой христіанскій раціонализмъ съ элементами іудейства; позднѣе мы объ этомъ чисто еврейскомъ элементѣ въ ереси жидовствующихъ уже не знаемъ: остались раціонализмъ и связанное съ нимъ отношеніе къ старымъ порядкамъ, хотя позднѣйшихъ раціоналистовъ и продолжаютъ звать, по привычкѣ и неумѣнію разобраться, «жидовствующими», «жидами», несмотря на то, что въ ихъ воззрѣніяхъ нѣтъ и слѣда присутствія чего-либо типично-еврейскаго.

Начавшись въ томъ же Новгородѣ, вспыхнувши послѣ тайной пропаганды ученыхъ литовскихъ евреевъ, около 1470 года, ересь эта охватила прежде всего кругъ лицъ, наиболѣе интеллигентныхъ для того времени, притомъ духовныхъ: первыми приверженцами и наиболѣе ревностными пропагандистами ея были два священника, Алексѣй и Денисъ, затѣмъ (по свидѣтельству Іосифа Волоцкаго, одного изъ главныхъ православныхъ борцовъ противъ ереси) цѣлый рядъ священниковъ и дьяконовъ новгородскихъ, а въ томъ числѣ былъ и самъ софійскій протопопъ Гавріилъ. Это уже одно обращаетъ на себя вниманіе: критиками и отрицателями-раціоналистами были люди наиболѣе развитые, болѣе другихъ чувствовавшіе мертвящую тяготу режима, а затѣмъ новгородцы, уже раньше вкусившіе соблазна раціонализма, легче доступные западному въ своей основѣ раціонализму и наиболѣе самостоятельно относившіеся къ московской правительственной и духовной опекѣ.

Оставляя въ сторонѣ специфическую окраску ереси — жидовство, мы увидимъ, что «жидовствующіе» цѣлымъ рядомъ нитей связаны со своими предшественниками (не говоря уже о раціонализмѣ, общемъ имъ) въ своихъ отношеніяхъ къ православному правительственному и духовному строю: жидовствующіе de facto отрицали іерархію, не придавая ей никакого значенія (кромѣ развѣ средства прикрывать свою проповѣдь, рекомендуя своимъ прозелитамъ-священникамъ не снимать съ себя сана), отрицали монашество: то же мы видимъ и у стригольниковъ. Подобно послѣднимъ и жидовствующіе отрицали церковную обрядность, потребность въ храмахъ («можно молиться и дома»); такъ же, какъ стригольники, и жидовствующіе отрицали загробную жизнь: «умеръ человѣкъ, по тѣ мѣста и былъ»; считая себя проповѣдниками и учителями, стригольники оставляли за собой свободу толковать религіозные догматы; у «жидовъ» это выросло уже въ афоризмъ, весьма характерный: «разумъ самовластенъ, стѣсняетъ его вѣра». Проскальзываетъ у первыхъ представителей новой ереси аналогія со стригольниками и въ подробностяхъ: чернецъ Захаръ, уличенный въ «стриголь-

ничьей» (но, на самомъ дѣлѣ, въ «жидовской») ереси и обвиняемый въ томъ, что онъ три года не пріобщалъ св. тайнъ другихъ, ни самъ не причащался, отвѣтилъ на вопросъ о причинѣ этого: «у кого де ся причащаться? Попы деи на мздѣ ставлены, а митрополитъ деи владыки по мздѣ ставитъ». А о самомъ митрополитѣ Захаръ выразился такъ: «Коли деи въ Царьградъ ходилъ митрополитъ ставитися, и онъ де патріарху дань давалъ, а нынѣ де онъ бояромъ посулы даетъ тайно, а владыки де митрополиту даютъ деньги: ино де у кого причащатися?» Можетъ быть, Захаръ былъ однимъ изъ послѣднихъ стригольниковъ, но онъ былъ и однимъ изъ первыхъ жидовствующихъ. Такимъ образомъ и со стороны содержанія и направленія новая ересь была дальнѣйшимъ развитіемъ прежней: она питалась тѣмъ же раціонализмомъ, также воспитывалась подъ вліяніемъ западнаго теченія (его несли «жиды» изъ Литвы); она началась и развивалась тамъ же, гдѣ и ея предшественница. Только новое движеніе, какъ уже подготовленное ранѣе, какъ болѣе позднее, оказалось вліятельнѣе и рѣшительнѣе, нежели прежнее: оно и заявило себя рѣзче и формулировалась отчетливѣе, полнѣе и подробнѣе, получивши отраженіе въ московской литературѣ XV—XVI в. и оставивъ въ умахъ болѣе глубокій слѣдъ своими послѣдствіями. Это видно изъ исторіи самаго движенія. Черезъ десять лѣтъ, все еще оставаясь тайнымъ ученіемъ и не замѣчаемая московскимъ духовнымъ правительствомъ ни въ Москвѣ, ни въ Новгородѣ—ересь въ Москвѣ: Иванъ III, въ 1480 г., прельщенный образованностью и умомъ Алексѣя и Дениса, беретъ ихъ въ Москву, гдѣ они, близко стоя къ князю и высшимъ, сравнительно болѣе культурнымъ сферамъ, быстро прививаютъ свое ученіе, опять таки среди лучшихъ людей того времени: въ числѣ видныхъ сторонниковъ раціонализма-еретичества видимъ Ѳедора Курицына, дипломата — дьяка великаго князя, Зосиму, занявшаго вскорѣ митрополичій престолъ, купца Кленова, извѣстнаго своею книжностью; самъ великій князь благосклонно относился къ новымъ мнѣніямъ. Еще болѣе усилилось вліяніе вольнодумцевъ-еретиковъ подъ вліяніемъ тяжелаго настроенія эпохи, очень умѣло использованнаго представителями раціонализма: приближался считавшійся роковымъ 7000-й годъ отъ сотворенія міра (1492), котораго, какъ года кончины міра, съ трепетомъ ждали не только русскіе книжные люди, настроенные на мистическій ладъ богатой эсхатологической литературой, въ духѣ которой истолковывали и современныя событія: паденіе Цареграда, тѣсно связаннаго съ самымъ существованіемъ христіанскаго міра въ легендарно-апокалиптической литературѣ, въ родѣ Откровеній Меѳодія Патарскаго, Видѣнія Андрея Юродиваго, голодъ, моровая язва, случайный фактъ—существованіе готовой пасхаліи только на 7000 лѣтъ—все это отъ людей некритичныхъ, болѣе вѣрящихъ, нежели разсуждающихъ, съ развитымъ формальнымъ, буквалистическимъ знаніемъ, заставляло со страхомъ и трепетомъ ждать второго страшнаго пришествія Христова; и много надо было мужества, сильной воли, убѣжденія въ правотѣ своихъ скептическихъ воззрѣній, чтобы сохранить бодрость духа: и эта убѣжденность и сила оказались у раціоналистовъ-скептиковъ, которые бодро и смѣло возстали противъ суевѣрнаго страха людей старой школы, заявили ненадежность источника

страха—писаній эсхатологическихъ. Событія ихъ оправдали: 1-е марта 1492 года (новый годъ 7000-й) прошло, но свѣтопредставленія не было. Это дало новыя силы, новыхъ приверженцевъ еретикамъ-жидовствующимъ. Въ разгарѣ борьбы (которая всегда, чѣмъ ожесточеннѣе, тѣмъ больше обнаруживаетъ крайностей, вплоть до уродства и искаженія основныхъ принциповъ) и сказались у раціоналистовъ тѣ крайности, которыя, дѣйствительно, вели ихъ къ отрицанію не только современнаго состоянія христіанства, но и самаго христіанства: ересь превращалась въ отступничество. Но лишь прошелъ острый періодъ, движеніе раціоналистовъ вновь принимаетъ характеръ критическій, протестующій противъ современнаго уклада жизни, противъ формальнаго отношенія къ религіи, требующій правъ разуму въ самой религіи и ея отправленіяхъ, требующій примѣненія въ жизни не только вѣры, но и разума, знанія, науки. Ясно, что движеніе, если оно и шло извнѣ, если оно отливалось въ уродливыя подчасъ формы, было выраженіемъ насущной потребности человѣческой мысли, не могшей дольше оставаться безъ движенія, безъ правъ въ жизни общества и человѣка. Это видно изъ того, что рядомъ съ этимъ «жидовскимъ» движеніемъ раціонализмъ появляется и тамъ, гдѣ его по существу тогдашней мысли меньше всего можно было ждать: въ сферѣ узко-церковной, аскетической, монастырской; и если теченіе жидовствующихъ началось съ запада и изъ Новгорода, то протестъ въ области религіозной, въ области пониманія основныхъ началъ христіанской жизни, противъ узко-односторонняго истолкованія сущности христіанства (истолкованія, выдаваемаго за единственно правильное, византійское, традиціонное)—протестъ этотъ вышелъ въ концѣ концовъ изъ самой же Византіи и получилъ примѣненіе на Руси: аскетическо-созерцательное отношеніе къ христіанству, требующее участія въ дѣлахъ вѣры и разума, заявляющее, что «писанія многа, но не вся божественна суть», исходитъ отъ Нила Сорскаго, воспитанника Аѳона: вмѣсто слѣпой вѣры во все писанное, доходящей до представленія всякаго писанія (церковнаго) божественнымъ, т. е. непререкаемымъ авторитетомъ, Нилъ руководится такимъ воззрѣніемъ, явно раціоналистическимъ: «наипаче испытую божественныя писанія, *преже* заповѣди Господни, толкованія ихъ и апостольская преданія, *таже* (затѣмъ) житія и ученія святыхъ отецъ, и тѣмъ внимаю, и *яже согласна моему разуму* къ благоугожденію божію и къ пользѣ души, преписую себѣ и тѣми поучаюся, и въ томъ животъ и дыханіе имѣю», т. е. онъ рекомендуетъ разумное, самодѣятельное изученіе божественныхъ писаній; критическій принципъ, котораго не было у начетчика XVI в. стараго пошиба, провозглашенъ основаніемъ въ дѣлѣ вѣры, въ отношеніи христіанина, руководящагося писаніемъ, къ окружающему. Ясно, что старый принципъ слѣпой вѣры въ букву поколебленъ. Осуществленіе правъ разума одно только могло дать выходъ изъ того тупика, въ которомъ готова была заглохнуть живая мысль человѣка, закрыться дорога къ прогрессу. Потребность обновленія сознана всѣми, въ комъ еще не умерла мысль. Этимъ объясняется, почему въ Москвѣ, несмотря на неравенство силъ—въ рукахъ приверженцевъ старины всѣ правительственныя средства вплоть до торговой казни, недюжинная подчасъ

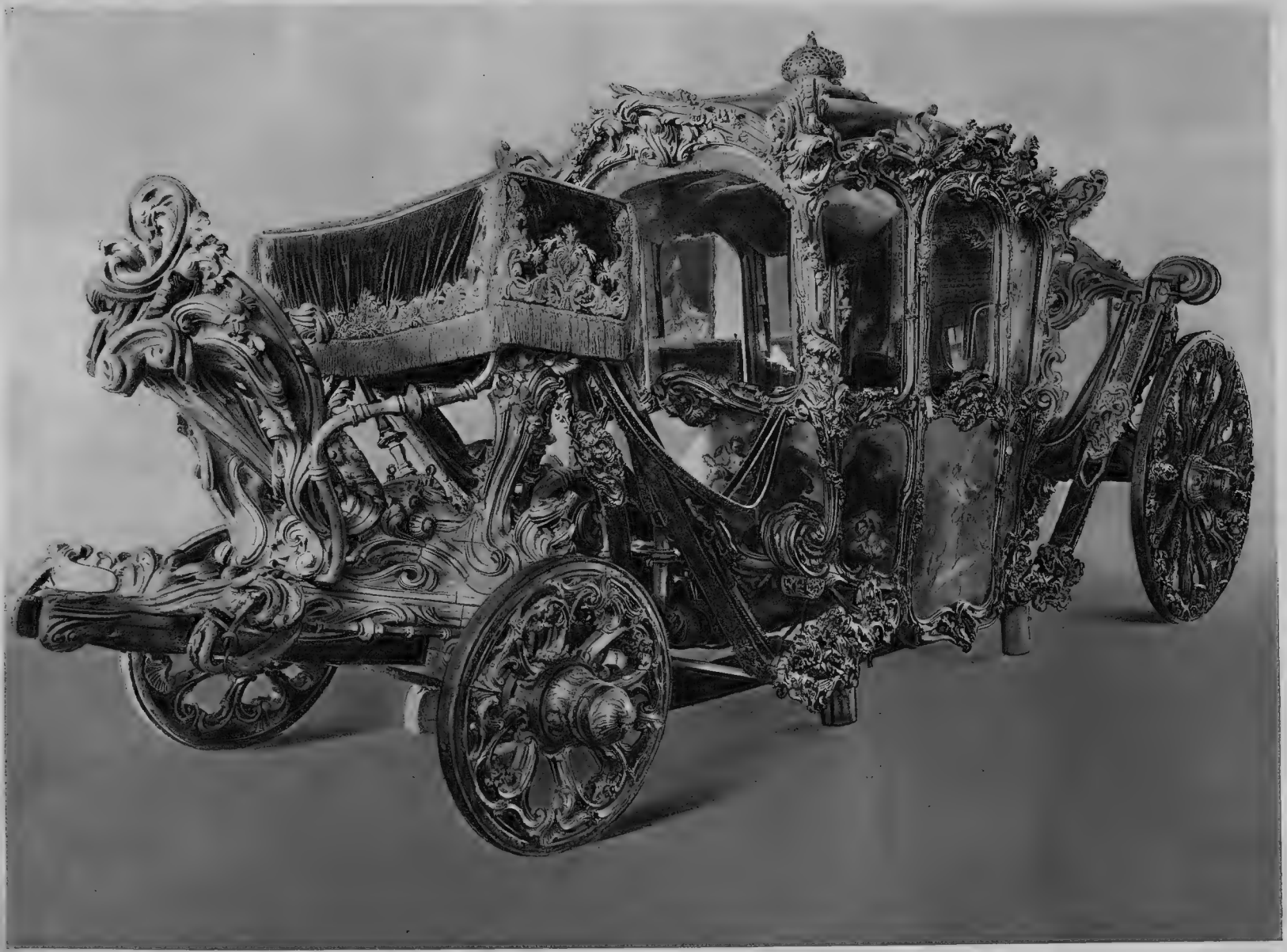
начитанность дѣятелей въ родѣ Іосифа Волоцкаго—закипѣвшая борьба сразу приняла не только остроту, но и характеръ, ясно показавшій съ первыхъ же поръ, на чьей сторонѣ въ концѣ концовъ будетъ перевѣсъ: вопросъ о выходѣ на новый путь былъ вопросомъ лишь болѣе или менѣе продолжительнаго времени: борьба кончилась побѣдой новаго теченія: оно стало руководящимъ въ жизни, оставивъ старому въ удѣлъ или опредѣленную область жизненныхъ отправленій, постепенно суживающуюся, или отводя ей лишь второстепенное значеніе въ жизни.

Новое направленіе — раціоналистическое выводило жизнь на новый путь, путь западно-европейской культуры. Путь этотъ пройденъ былъ шагомъ медленнымъ и привелъ къ цѣли, пріобщенію русскаго общества къ общей съ западомъ жизни, лишь въ XVIII вѣкѣ; въ XVIII в. стало уже ясно, что другого пути въ нашемъ развитіи и быть не можетъ, въ XVII-мъ это чувствовалось, но ясно не сознавалось еще, а въ XVI-мъ еще ставился вопросъ о самомъ пути, о правильности его, о самомъ его существованіи для Московской Руси. *Прослѣдить постепенное водвореніе западныхъ началъ въ нашей жизни и значитъ прослѣдить исторію этого идейнаго движенія.*

Уже первые проблески раціонализма, выразившіеся въ сомнѣніи, а затѣмъ въ протестѣ противъ односторонняго уродливаго пониманія основы средневѣкового нашего міросозерцанія—христіанства, связали себя съ аналогичнымъ движеніемъ мысли на западѣ: стригольничья ересь (хотя и не достаточно намъ извѣстная) заключала, ясно, въ себѣ черты, роднившія ее съ западнымъ раціонализмомъ, даже если мы признаемъ эти черты сходства внѣшними, формой. Послѣдующее движеніе, болѣе яркое и глубокое — «жидовствующихъ» — уже отчетливо несетъ на себѣ слѣды своей связи съ западомъ, если не прямо съ западомъ эпохи Возрожденія, то съ ея отзвуками, хотя, можетъ быть, не лучшими, не передовыми. Первые же «еретики» къ старому московскому укладу предъявляютъ требованія уже болѣе или менѣе научнаго характера, пользуются въ полемикѣ съ православными пріемами, идущими отъ научной критики, являются людьми не только начитанными, но и размышляющими, обученными «звѣздозаконію и многимъ баснотвореніямъ, астрологіи, чародѣйству и чернокнижію», по обвиненію православныхъ полемистовъ, т. е. владѣющими кое-какими отголосками западной средневѣковой и, можетъ быть, болѣе свѣжей науки. Ихъ литература, приносимая ими съ собою въ видѣ переводовъ преимущественно, подтверждаетъ это. Выступленіе ихъ съ новыми критическими («отъ разума») пріемами, какъ бы пріемы эти ни были несовершенны, сразу же показало, что московская начитанность, количественно громадная, не можетъ устоять передъ необширной количественно, но качественно болѣе глубокой литературой раціоналистовъ: это почувствовалъ первый же борецъ противъ раціонализма, московскій ставленникъ Геннадій, еп. Новгородскій; это же доказалъ своимъ «Просвѣтителемъ» и Іосифъ Волоколамскій: ни нагроможденіе текстовъ начитаннаго, но не критичнаго апологета православія, ни репрессивныя мѣры, принятыя по его старому рецепту правительствомъ, не достигли цѣли, разбиваясь объ умѣлое пользованіе, исходящее изъ научно-

логическихъ посылокъ жидовствующихъ, тѣми же, хотя и не столь многочисленными текстами: отсутствіе элементарныхъ научныхъ требованій не могло быть противовѣсомъ даже элементарнымъ научнымъ познаніямъ протестующихъ «еретиковъ». Это же первое столкновеніе раціоналистовъ и приверженцевъ традиціи обнаружило наглядно и всю неорганичность стараго развитія: «жидовствующіе» принесли съ собой Библію, у православныхъ не оказалось даже полнаго перевода ея на славянскій языкъ: они прожили пять вѣковъ съ отрывками Ветхаго завѣта! Результаты первой схватки борющихся ясны: православнымъ пришлось выйти изъ своей проторенной колеи, вступить отчасти на тотъ же путь, которымъ пошли ихъ враги, чтобы сколько-нибудь сравняться оружіемъ въ борьбѣ: послѣ тщетныхъ попытокъ найти необходимыя книги Библіи у себя въ старыхъ переводахъ, Геннадію, этому принципіальному противнику «еретическаго» Запада, пришлось обратиться за помощью къ тому же «зловѣрному» Западу, представителями котораго были «жидовствующіе»: полная, такъ называемая Геннадіевская Библія 1492 г. создана усиліями Геннадія при помощи западныхъ выходцевъ и учениковъ, частью на основахъ западныхъ источниковъ, давшихъ то, чего не нашлось дома. А для полемики съ пришедшими изъ Литвы, съ запада, «еретиками» дѣлаются переводы полемическихъ сочиненій противъ евреевъ; эти переводы дѣлаются съ латинскаго, принадлежа западно-европейской наукѣ: такова дѣятельность Димитрія Герасимова, толмача, которому пришлось и пасхалію вывезти изъ католическаго Рима, и переводить западнаго богослова Николая Делира «Прекраснѣйшее стязаніе, іудейское безвѣріе похуляющее», трактатъ «Учителя Самуила еврея-нина слово обличительное», «Псалтырь» въ толкованіи Брунона Вюрцбургскаго. Такимъ образомъ первый результатъ схватки съ раціоналистами сказался въ томъ, что зашевелился готовый закостенѣть старый московско-византійскій укладъ и пошелъ на компромиссъ съ западничествующимъ врагомъ. Съ своей стороны западное теченіе, проявившее себя въ «ереси жидовствующихъ», водворяется въ нашей литературѣ, внося въ нее тѣ новые элементы, которые должны были служить пробудившимся потребностямъ и запросамъ «разума», запросамъ знанія, не исчерпывающагося лишь интересами вѣры: наши первые раціоналисты вносятъ въ нашу византійско-московскую литературу, средневѣковую по направленію, первыя произведенія, западныя по духу, хотя также средневѣковыя, но уже несшія зачатки знанія научнаго, зачатки критическаго отношенія къ окружающему; если въ нихъ научнаго было не много, то важно было то, что они доказывали возможность иначе смотрѣть на явленія, нежели предписывала благословенная старина, поддерживаемая авторитетомъ церкви.

Такъ, первые переводы раціоналистовъ, принесенные съ Запада и, кажется, чрезъ юго-западную Русь, были: «Логика», «Космографія», рядъ астрологическихъ сочиненій; произведенія не высокой научной пробы, они указывали не только элементарные методы, вводящіе въ обиходъ науко образное отношеніе къ окружающему, расширяя въ то же время кругозоръ и давая удовлетвореніе пытливости человѣка; а явившійся до 1525 г. «Луцидарій», стоящій въ тѣсной связи съ раціоналистическимъ теченіемъ, если и не прямо съ



Большая парадная карета временъ Императрицы Екатерины.

«ересью», даетъ образчикъ того, какое настроеніе вносило новое теченіе: темы, вопросы, имъ затрагиваемые, по характеру очень близки къ ходячимъ и въ старо-московской литературѣ; это—мысли о твореніи міра, недоумѣнные вопросы библейской исторіи, космогоническаго, космографическаго характера; они съ церковно-богословской точки зрѣнія рѣшались и въ популярной старинной «Бесѣдѣ трехъ святителей»; теперь въ «Луцидаріи» они рѣшаются иначе: если «Бесѣда» приписываетъ, напр., происхожденіе грома, молніи, дождя дѣйствію особыхъ стихійныхъ ангеловъ, то «Луцидарій» пытается объяснить это путемъ естественнымъ, доказывая, что громъ есть результатъ столкновенія облаковъ, гонимыхъ вѣтрами, а дождь—результатъ дѣйствія теплоты солнечной на воду (испареніе) и т. п. Если эти объясненія иногда и наивны, то важенъ, все-таки, ихъ характеръ, ихъ направленіе.

Такимъ образомъ отъ раціоналистическаго теченія можно вести у насъ начало появленія запросовъ научнаго характера, первыя попытки дать имъ удовлетвореніе въ духѣ новаго знанія, а не старой церковной догмы, да еще въ московскомъ истолкованіи.

Начало обновленія идейной жизни Московской Руси было такимъ образомъ положено, и мысль неуклонно идетъ въ намѣченномъ направленіи. Уже къ половинѣ XVI в. въ Москвѣ ясно намѣчаются результаты этой работы: передовое меньшинство, гонимое и тѣснимое большинствомъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи богатыя матеріальныя и правительственныя средства, измѣняетъ картину мыслящаго общества Москвы: оно распадается на прогрессистовъ, протестующихъ во имя знанія, сторонниковъ реформы въ духѣ сближенія, по крайней мѣрѣ тяготѣнія къ западу, и на консерваторовъ, всѣми силами стремящихся вернуть жизненныя основы отживающему міросозерцанію, но невольно все болѣе и болѣе идущихъ на компромиссъ, хотя и не желающихъ признаться себѣ въ этомъ. Идетъ упорная борьба: для консерваторовъ и прогрессистовъ одинаково ясно, что старое отошло, что нужно что то иное; но каждый понимаетъ это «иное» по-своему. Прогрессисты—люди частные—работаютъ, постепенно увеличивая запасъ западной литературы въ обиходѣ русской и тѣмъ подготовляя окончательное торжество западной культуры на Руси: отъ того то переводная литература, сосредоточившаяся главнымъ образомъ въ Москвѣ, въ XVI и XVII вв. представляется столь значительной и носитъ опредѣленный характеръ: это—научная, практически-прикладная учебная книга, затѣмъ литература-четія, на обязанности которой лежало удовлетвореніе любознательности читателя, уже привыкающаго искать въ книгѣ знанія, удовольствія, а не только средства для воспитанія себя въ духѣ религіозномъ, средства, «како своя душа спасти». Эта литература выражаетъ уже насущныя жизненныя потребности и самой Москвы, теперь уже не могущей самозаключиться въ гордомъ сознаніи, что она особенно Богомъ излюбленный, опредѣленный къ вѣчному существованію «третій» Римъ, единственная представительница истиннаго, непорушеннаго христіанства: ей нужны уже и западные мастера, нужно знать, что дѣлается на западѣ, нужно въ своей жизни вести себя такъ, чтобы ее уважали на западѣ; она дорожитъ своей репутаціей именно въ глазахъ запада. Эти чисто жизненныя условія были той силой, которая поддержи-

вала прогрессивную литературу, не пользующуюся богатыми средствами консервативно-правительственной части общества. Что же дѣлаетъ эта часть? Опасность гибели старыхъ, благословенныхъ устоевъ, вознесшихъ Москву на степень великаго царства, преемницы великихъ царей, третьяго Рима, центра истиннаго христіанства, сознана; съ другой стороны, ясно видно и то, что эта «старина» не сохранена въ той неприкосновенной свѣжести, безъ которой немыслимо осуществленіе идеала, она «порасталась»; виновата, конечно, въ глазахъ консерваторовъ не сама старина, а тѣ новшества, «ереси», которыя нарушили эту спокойную нормальную жизнь старины; надо вернуть этой старинѣ ея прежнее положеніе, ея чистоту, надо доказать, поднять пошатнувшуюся ея цѣнность въ глазахъ нетвердыхъ людей, увлекающихся тлетворными прелестями иновѣрнаго запада, исказившаго вѣру, завѣщанную великими христіанскими авторитетами.

И митр. Даніилъ, митр. Макарій, самъ царь Грозный, неизвѣстный составитель «Домостроя», и еще раньше Іоаннъ III—всѣ они стараются сдержать порывы вольнодумцевъ, доказать ихъ ненужность, доказать, что старыя основы не отжили, что онѣ живы, только затерты небреженіемъ: стоитъ ихъ возстановить, привести опять въ порядокъ, собрать вмѣстѣ... и величественное зданіе носительницы истинныхъ завѣтовъ христіанства и истинно христіанской жизни и государства во всемъ своемъ блескѣ и величіи встанетъ передъ глазами міра и убѣдитъ колеблющагося, ищущаго опоры на сторонѣ, что ничего болѣе не нужно: все есть для будущаго безпечальнаго и достойнаго развитія великаго Московскаго царства.

Вотъ идейное настроеніе консервативныхъ дѣятелей XVI вѣка, ихъ программа. Программа проводится съ энергіей и настойчивостью: Максимъ Грекъ вызванъ, чтобы помочь не только въ борьбѣ съ «звѣздочетцами» и «альманашниками» жидовствующими, но чтобы внести стройность и порядокъ въ нашу византійско-русскую религіозную литературу путемъ новыхъ переводовъ надежныхъ писаній, исправленія старыхъ, искаженныхъ невѣжествомъ писцовъ. Митр. Макарій собираетъ, пересматриваетъ московскую святыню, чтобы она, стройная, внушительная по объему, убѣдила всякаго сомнѣвающагося, насколько Русь оправдала и заслужила свое великое назначеніе: соборы 1547 и 1549 гг. канонизируютъ цѣлые ряды новыхъ угодниковъ, возсіявшихъ на Руси, упорядочиваютъ болѣе раннія канонизаціи. Самъ Макарій создаетъ свою чудовищную «Великую Минею четью», долженствующую объединить «всѣ книги святыя, на Руси чтомыя», доказать наглядно, сколь громадно и цѣнно наслѣдіе, которое Русь получила, сохранила и пріумножила за время своей христіанской жизни; онъ же окончательно устанавливаетъ (самъ или нѣтъ—все равно) опредѣленный взглядъ на прошлое Россіи: ея прошлое есть результатъ дружной дѣятельности Богомъ хранимыхъ и руководимыхъ русскихъ царей и князей въ союзѣ со святыми строителями русской церкви: такова основная идея «Степенной книги царскихъ родовъ», завершенной при участіи Макарія. Онъ же вмѣстѣ съ Грознымъ создаетъ Стоглавый соборъ. Этотъ соборъ, опираясь на вѣковѣчные каноны великихъ отцовъ вселен-

ской церкви, указываетъ нестроенія, накопившіяся въ русской религіозной жизни, требуетъ возстановленія ея полнаго согласія съ этими канонами.

Митр. Даніилъ подготовилъ уже путь и Макарію и Стоглаву. Авторъ «Домостроя» проводитъ ту же программу примѣнительно къ частной жизни: она также поисшаталась и должна быть поправлена сообразно давно извѣстному, но забытому масштабу, установленному тѣмъ же «божественнымъ» писаніемъ.

Казалось, что такія дружныя усилія консервативныхъ реформаторовъ, опирающіяся при томъ на сильную правительственную власть, достигали цѣли: поисшатавшіеся устои получали твердую опору вновь, сомнѣвающіеся должны проникнуться вѣрой въ жизнеспособность этихъ основъ, скептики должны устыдиться своего невѣрія въ спасительность этихъ основъ жизни.

Но на дѣлѣ выходитъ иное: дѣятельность ревнителей старины оказалась не тѣмъ, чѣмъ ее желали видѣть ея сторонники: она подвела итоги, дѣйствительно, того, что пріобрѣла Русь до второй половины XVI в., но эти же итоги показали, что это накопленное богатство уже не соотвѣтствуетъ потребностямъ развивающейся и пошедшей по иному руслу русской жизни; подводя итоги, чтобы использовать старину для будущаго, дѣятели стариннаго покроя подвели итоги старинѣ, чтобы сдать ее въ архивъ. И ясно, почему это такъ вышло, помимо ихъ желанія: ихъ идеалы были не впереди, а назади ихъ, средства проведенія этихъ идеаловъ уже не соотвѣтствовали современному культурному уровню: современность требовала мысли, знанія, училась критически, сознательно относиться ко всему, не исключая даже св. писанія, а ей рекомендовали—вѣру, вѣру въ авторитетъ, требовали отказа отъ вопросовъ: почему, зачѣмъ? И не нужно было быть большимъ скептикомъ, не нужно было обладать большой подготовкой научной, чтобы убѣдиться въ несостоятельности предлагаемаго рецепта: несоотвѣтствіе программы консервативной партіи, негодность ея методовъ даже для невысокихъ современныхъ требованій была очевидна. Потому то ясны и самая неудача этой попытки, и судьба Максима Грека: его, отнюдь не сторонника запада, не могли понять въ Москвѣ; его и его сторонниковъ зачислили въ лагерь тѣхъ «еретиковъ», которые разрушали старое благолѣпіе, шли ли эти разрушители отъ «жидовствующихъ» или «заволжскихъ старцевъ» съ Ниломъ Сорскимъ. Строительство консерваторовъ не могло помочь и въ борьбѣ съ вольномысліемъ: отзвуки того же раціонализма въ ереси Косого и Башкина не могли быть задавлены и опровергнуты старыми средствами: репрессіи и полемика Зиновія Отенскаго принесли мало пользы. Полемика противъ новыхъ вѣяній въ литературѣ также составляла предметъ заботы консерваторовъ: въ Стоглавѣ, Домостроѣ находимъ запрещенія пользоваться ложными книгами—это книги западнаго происхожденія,—въ Стоглавѣ, какъ правительственно-церковномъ актѣ, присоединены и угрозы наказаніемъ за чтеніе и имѣніе у себя такихъ книгъ; издается новая редакція списка этихъ зловредныхъ книгъ, запрещаемыхъ церковной цензурой. Но составители этихъ запрещеній не попытались (да и не находили нужнымъ) *доказать* ложность этихъ книгъ, ограничившись возобновленіемъ старой церковной

практики—древнехристіанской... и, несмотря на запрещенія и угрозы книги живутъ, читаются, списываются еще въ XVII и даже XVIII вѣкахъ. Примѣръ—наглядно иллюстрирующій положеніе консервативной партіи и ея средства для проведенія программы. И, дѣйствительно, если мы заглянемъ въ XVII вѣкъ, то увидимъ, что картина измѣнилась, и эти измѣненія ясно показываютъ, что усилія консервативной партіи остановить жизнь потерпѣли полную неудачу: западное теченіе въ литературѣ, западное вліяніе въ самой жизни дѣлали свое дѣло безостановочно, и консервативныя начала, въ духѣ дѣятелей XVI вѣка, становятся удѣломъ меньшинства, при томъ явно отмѣченнаго чертой реакціи, обскурантизма: идеи московскихъ любителей старины XVI в. становятся въ XVII-мъ достояніемъ раскола.—Такъ кончился второй актъ идейной борьбы въ Москвѣ.

Послѣдній—третій—протекаетъ въ XVII в., уже далеко не вызывая такихъ рѣзкихъ потрясеній, но зато обнаруживая все болѣе и болѣе глубокія послѣдствія перелома, совершавшагося въ XVI вѣкѣ. Западная наука медленно, но прочно укореняется въ Москвѣ; передовое теченіе мысли XVI в. дѣлаетъ настолько видный шагъ впередъ, что прогрессивное міросозерцаніе XVI вѣка въ XVII-омъ служитъ признакомъ консерватизма, а консервативное того же вѣка въ XVII-омъ—обскурантизма.

Передовое теченіе, несшее въ Москву зачатки западно-европейской мысли и науки, въ XVI в. идетъ не непосредственно изъ центровъ Европы, а преимущественно черезъ польскую среду, служащую въ одно и то же время и связующимъ звеномъ между Европой, культурными плодами которой она сама пользуется, и Русью, и средостѣніемъ, ослабляя это западно-европейское вліяніе, воспринимаемое ею самою далеко не въ полной мѣрѣ. Но то же западно-европейское вліяніе, также идущее черезъ Польшу, но болѣе интенсивно, отражается въ юго-западной Руси, политически связанной съ Польшей, съ конца же XVI в. начинающей втягиваться въ болѣе тѣсную связь съ Москвой, неуклонно исполнявшей свою старую политическую программу—объединенія около себя всѣхъ русскихъ народностей; теперь въ XVII в. эта московская программа даетъ результаты болѣе благопріятные, чѣмъ 100 лѣтъ передъ [illegible]ъ; но эти политическіе успѣхи Москвы имѣли для нея и болѣе глубокія послѣдствія чисто-культурнаго характера: они открыли новый, болѣе приспособленный, уже болѣе скорый путь западной культурѣ въ Москву, чѣмъ Польша. Юго-западная Русь XVI—XVII вв., воспитавшая свою русскую культуру на основахъ польскихъ и западно-европейскихъ, но сохранившая основныя черты русской, родственной московской, эта Русь въ XVII в. несетъ результаты своей культуры въ Москву. Такимъ образомъ у Москвы XVII в. было два проводника западной мысли и литературы: Польша и юго-западная Русь. Это, несомнѣнно, было важнымъ пріобрѣтеніемъ. Результаты этого обнаруживаются весьма скоро и являются весьма замѣтными во второй половинѣ XVII в.. Русская жизнь, русская литература по наружности сохраняютъ какъ будто старую окраску, съ ея религіозно-церковными формами, съ внѣшностью, напоминающей старину XVI в., однако въ своемъ содержаніи онѣ далеко уклоняются отъ старыхъ византійско-московскихъ устоевъ:

Gravüre Mezzotinto Brückmann München.

Новодѣвичій монастырь.

Современная фотографія.

Москва
ея прошломъ
и настоящемъ

если еще идутъ рѣчи о еретическомъ, зловѣрномъ западѣ, растлѣнномъ латынской вѣрой, то въ XVII в. мы уже не слышимъ протестовъ противъ науки въ пользу вѣры: наука, ея необходимость молча признаны даже врагами запада (конечно, исключая обскурантовъ—раскольниковъ); теперь идетъ споръ не о нужности или ненужности науки, а о томъ, какова должна быть въ своей основѣ эта наука: западно-католическая или восточно-греческая? Въ области литературы тѣ же перемѣны: она быстро наполняется продуктами запада, начиная съ интересныхъ (хотя и католическихъ) привлекательныхъ и вмѣстѣ, какъ будто, поучительныхъ повѣстей «Великаго Зерцала» и «Римскихъ дѣяній», латино-польскихъ міровыхъ хроникъ, радикально измѣнившихъ старый хронографъ и расширившихъ наше представленіе о міровой исторіи до европейскаго объема, рыцарскихъ, любовныхъ романовъ, въ родѣ «Бовы Королевича», «Еруслана Лазаревича», «Петра Златыхъ ключей», «Брунцвика» и др., и кончая рядомъ учебниковъ горнаго дѣла, военнаго строя, космографіей Меркатора и лицевой библіей Пискатора. Эта литература теперь уже не вызываетъ протеста за свое западное происхожденіе; она изготовляется почти въ правительственныхъ сферахъ, а иногда, какъ напримѣръ, «Зерцало», даже по заказу самого царя. Мало того, она имѣетъ уже *своего* читателя, который теперь прямо ищетъ въ ней не только и не столько душеспасительнаго наставленія, сколько удовлетворенія своей любознательности, своего вкуса къ интересному и захватывающему чтенію: подъ воздѣйствіемъ идейнаго западнаго вліянія и этой литературы въ XVII в. ясно въ Москвѣ намѣчается фактъ, давно уже совершившійся на западѣ: распаденіе литературы на свѣтскую и духовную, на мірскую и церковную, объединенныя прежнимъ средневѣковымъ міровоззрѣніемъ въ одной духовно-церковной. Это дѣленіе, намѣченное въ XVII в., къ концу его стало настолько ясно, что времени Петра осталось только закрѣпить внѣшнимъ образомъ совершившійся фактъ.

Это проявившееся сознаніе двухъ сферъ умственной дѣятельности имѣло крупныя послѣдствія: оно обусловило собой положеніе западной науки и мысли въ отношеніи къ духовной жизни общества: отношенія духовной и свѣтской литературы къ западу далеко не одинаковы. Первое время, конечно, традиціонное міровоззрѣніе, привычное представленіе о церкви, какъ объединяющей въ себѣ всѣ сферы человѣческой дѣятельности, продолжаетъ оказывать свое вліяніе: вопросы чисто научные, имѣющіе лишь слабую, а то и не имѣющіе никакой связи съ церковной жизнью, продолжаютъ трактоваться, какъ вопросы религіозные или церковные. Такъ, вопросъ объ основѣ, на которой отнынѣ должно покоиться знаніе, рѣшается еще въ смыслѣ основъ православныхъ и неправославныхъ, хотя въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о западно-латинскомъ или восточно-греческомъ направленіи науки и культуры, хотя само восточно-греческое направленіе того времени было только варіантомъ того же западнаго. Поэтому мыслящее, сознательно понимавшее потребность науки, какъ залога прогресса, московское общество распадается на двѣ главныхъ группы (не считая, разумѣется, обскурантовъ, вѣровавшихъ въ возможность вернуть или сохранить устои жизни XVI, даже XV в.): представителей лати-

низма и представителей эллинизма; борьба же между ними вращается около вопросовъ православія и католицизма. Представители православія и эллинизма упрекаютъ своихъ противниковъ въ томъ, что, внося «латинскую» науку (т. е. западную), они искажаютъ чистоту православія; представители «латинской науки», доказывая премущества запада передъ востокомъ, пытаются убѣдить своихъ противниковъ въ чистотѣ своей вѣры, несмотря на свою близость къ западу. Главными дѣятелями этихъ «латинствующихъ» представителей науки и литературы являются свои же русскіе люди, получившіе образованіе большею частью на юго-западѣ, совмѣщавшіе въ себѣ культурныя особенности западно-польской и православно-русской культуры, насколько она уцѣлѣла въ борьбѣ за народность и вѣру въ юго-западной Руси: это были дѣятели, образчикомъ которыхъ былъ Симеонъ Полоцкій, позднѣе его ученикъ Сильвестръ Медвѣдевъ, юго-западные церковные и литературные дѣятели. Къ нимъ изъ людей старшаго поколѣнія долженъ быть отнесенъ и патріархъ Филаретъ Никитичъ, любитель западнаго просвѣщенія, человѣкъ любознательный, начитанный и въ «латинскихъ» книгахъ, много сдѣлавшій для расширенія въ Москвѣ если не просвѣщенія, то средствъ для него, каково, напримѣръ, возстановленіе имъ типографіи, образованіе при ней кружка подготовленныхъ справщиковъ и библіотеки для цѣлей исправнаго печатанія книгъ.

Среди «эллинистовъ» мы видимъ также людей образованныхъ, энергичныхъ, русскихъ по происхожденію, уже проникшихся необходимостью просвѣщенія, сознающихъ необходимость науки въ интересахъ упорядоченія современнаго уклада жизни. Въ ряду этихъ сторонниковъ греческихъ основъ нашего просвѣщенія видимъ такія имена, какъ боярина Ѳ. М. Ртищева, основателя первой правильной школы въ Москвѣ, человѣка, впрочемъ, еще не выразившаго ясно своего направленія въ ту или другую сторону, гуманиста вообще; видимъ уже болѣе опредѣленную фигуру патріарха Никона, не любившаго западныхъ выходцевъ и «фряжскихъ» обычаевъ, хотя и относившагося съ расположеніемъ къ южно-руссамъ, но болѣе всего дружившаго съ греками; близко къ нему стоитъ въ практической жизни и бояринъ Б. И. Морозовъ. Позднѣе въ этой же группѣ видимъ и греческихъ выходцевъ Паисія Лигарида и Арсенія Грека, затѣмъ Епифанія Славинецкаго, его ученика старца Евѳимія Чудовскаго, наконецъ, грековъ братьевъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ.

Эти два теченія, борющіяся между собою, однако, боролись въ сущности за одно и то же: за просвѣщеніе, необходимость его проведенія путемъ водворенія новой школы въ Москвѣ, до сихъ поръ ограничивавшейся лишь епископскими, приходскими, монастырскими школами сомнительной научной цѣнности: эти школы преслѣдовали—и то въ слабой степени—цѣли утилитарныя—подготовленіе людей грамотныхъ и набившихъ руку въ церковной практикѣ—все это для подготовленія кадровъ церковнослужителей, которые бы умѣли отправлять богослуженіе, умѣли бы читать и писать книги для той же цѣли; если и были люди болѣе образованные, то это было дѣломъ частной иниціативы, дѣломъ любительскимъ. Возросшее сознаніе важности просвѣщенія приводитъ къ сознанію необходимости правильной школы, и

пока еще все-таки дѣло не доходитъ сразу до школы правительственной: частной иниціативѣ проникнутаго гуманными идеями Ѳ. М. Ртищева Москва обязана была первой своей школой: дипломатъ по профессіи, онъ въ 1648 г. основываетъ на собственныя средства школу при Андреевскомъ монастырѣ, куда приглашаетъ съ русскаго юга ученыхъ монаховъ; въ числѣ ихъ былъ Епифаній Славинецкій, а позднѣе при содѣйствіи того же Ртищева, ставшаго къ этому времени «дядькой» (воспитателемъ) царевича Алексѣя Алексѣевича, появляется и Симеонъ Полоцкій, типичный представитель западной науки въ ея южно-русскомъ приложеніи.

Такимъ образомъ Ртищевъ былъ проводникомъ западнаго просвѣщенія, покровителемъ южно-русскихъ ученыхъ; но въ немъ еще не видимъ рѣзко выраженной партійности по отношенію къ основамъ вводимой имъ науки: онъ стоитъ выше партійности, будучи другомъ Никона и покровителемъ Епифанія и Симеона, заботясь о реформахъ русской церкви, исправленіи книгъ, изданіи новой правленной Библіи, стремясь поднять промышленность русской земли, являясь меценатомъ и широко раскинувшимъ свою дѣятельность благотворителемъ. Но дѣло просвѣщенія, поставленное такъ ясно Ртищевымъ, не сразу становится твердо на ноги: его андреевская школа, дѣло частной, личной иниціативы, просуществовала только до тѣхъ поръ, пока поддерживалась щедрой рукой основателя. Но самый фактъ ея основанія показалъ, что потребность времени была понята: послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ основать въ Москвѣ постоянную школу (въ 1632 году—школа Іосифа, просуществовавшая недолго, въ 1645—46 г.—школа Венедикта грека, быстро исчезнувшая, Арсенія грека 1649 г., просуществовавшая лишь полтора года) при помощи выписанныхъ грековъ (которымъ, какъ православнымъ, чуждымъ латинскаго духа, вѣрили больше), пришлось обратиться къ южно-руссамъ: въ 1665 г. въ Спасскомъ монастырѣ на Никольской за иконнымъ рядомъ открывается первая правительственная школа, въ которой молодые подъячіе приказа тайныхъ дѣлъ должны были учиться у Симеона Полоцкаго «по латынямъ и для грамматическаго ученія». Но и эта школа просуществовала не болѣе трехъ лѣтъ, послѣ чего, повидимому, закрылась. Но шагъ уже былъ сдѣланъ, и шагъ характерный: первая правительственная школа была «латинскимъ ученіемъ», т. е. копіей юго-западныхъ школъ, съ основнымъ языкомъ латинскимъ и кругомъ наукъ запада, а не греческой науки (хотя та же наука лежала въ основѣ и греческой школы XVII в., какъ это понималъ и Паисій Лигаридъ въ своей запискѣ московскому правительству о школахъ, 1666 года). Но старыя идеи, консервативныя, боявшіяся запада, какъ «латинскаго», «зловѣрнаго», еще не отжили и нашли опору въ сторонникахъ «греческой» науки, въ спорѣ объ источникахъ знанія. Это повело къ оживленной литературно-научной борьбѣ, раздѣлило ревнителей просвѣщенія на два лагеря въ 70-хъ годахъ XVII в.: если борьба эта исходитъ внѣшнимъ образомъ изъ религіознаго принципа, это — отзвукъ стараго воззрѣнія, какъ привычнаго, не утратившаго еще своего значенія и въ жизни; если противники обвиняютъ другъ друга въ ошибочномъ пониманіи религіозныхъ вопросовъ, то на дѣлѣ это была борьба двухъ культуръ:

прогрессивной западной, шедшей навстрѣчу къ все болѣе и болѣе тѣсному общенію съ европейской наукой, и консервативной восточной, стремившейся слить византійскія начала съ западными, но съ явнымъ подчиненіемъ послѣднихъ первымъ. Но подготовка прогрессистовъ, ихъ умѣніе использовать политическія настроенія правительства и самого государя Ѳеодора, воспитанника Симеона, ясно давали преимущество западникамъ, оттѣснявшимъ, какъ было и раньше съ стародумами XVI в., консерваторовъ съ ихъ господствующей позиціи: грекофилы все тѣснѣе и тѣснѣе связываютъ себя съ частной сферой жизни, церковной, оставляя поле шагъ за шагомъ западникамъ.

Въ 1680 г. появляется опять мысль о школѣ, на этотъ разъ уже школѣ высшаго типа, и она оказывается за «латинянами»: Симеонъ Полоцкій проектируетъ ее по образцу полудуховныхъ, полусвѣтскихъ школъ запада и прежде всего воспитавшей его самого Кіевской школы Петра Могилы. Это была Славяно-греко-латинская Академія, которой суждено было стать разсадникомъ просвѣщенія вообще въ Россіи и центромъ его для московской Руси вплоть до основанія Московскаго университета. Но и эта новая школа далеко не сразу могла утвердиться: несмотря на то, что она была предположена не только «латинской», не только «славяно-латинской», но и «славяно-*греко*-латинской», ея осуществленіе встрѣтило дружный отпоръ консерваторовъ-эллинистовъ, почувствовавшихъ всю важность проекта для будущаго русской школы и сумѣвшихъ напряженно использовать всѣ слабыя стороны позиціи противниковъ и свои сильныя: колебанія власти передъ такимъ какъ будто рѣзкимъ нарушеніемъ традиціи недовѣрія къ «латинству», возможность конфликта свѣтской власти съ духовной (на памяти у всѣхъ было еще дѣло Никона). Медвѣдевъ, ученикъ и горячій поклонникъ идей Симеона Полоцкаго, несетъ на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы. Борьба сначала ведетъ къ побѣдѣ, хотя и не полной, консерваторовъ-эллинистовъ: въ 1682 г. Сильвестръ Медвѣдевъ открываетъ казенную школу, но не съ широкой программой академіи, а лишь элементарную «словенскаго языка», т. е. школу грамотности. Но и эта школа была завоеваніемъ «латинскаго» ученія: въ ней кромѣ славяно-русской грамоты, какъ оказывается, преподаются и латинскій языкъ и риторика, пишутся типичныя «орації» — поздравленія. Школа, повидимому, отвѣчаетъ потребности, служитъ даже толчкомъ къ просвѣтительной дѣятельности и для защитниковъ греческаго ученія: въ противовѣсъ ей Іоакимъ открываетъ школу «греческаго языка и писанія» подъ управленіемъ русскаго іеромонаха Тимофея, долго жившаго въ Палестинѣ, и съ учителями изъ грековъ. Школа ставится въ тѣсную связь съ типографіей—Печатнымъ дворомъ, всецѣло находившимся въ рукахъ патріарха. Школа эта имѣетъ успѣхъ: въ 1686 г. въ ней 233 ученика, изъ которыхъ 67 обучаются спеціально греческому языку. Разумѣется, ни школа патр. Іоакима, ни скромная школа Сильвестра Медвѣдева не давали того, что нужно было Москвѣ, какъ политическому, религіозному и культурному центру Россіи конца XVII в.: ей нужно было не элементарное, не утилитарно-церковное, а общее широко-научное

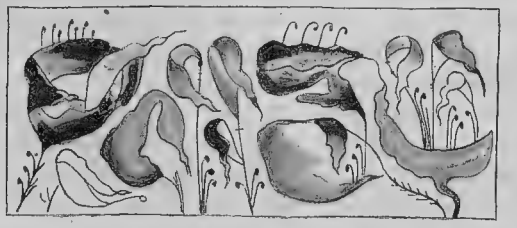
образованіе. Уже въ 1682 г. начинаютъ опять подниматься хлопоты, ходатайства объ основаніи высшей школы: чудовской монахъ Каріонъ Истоминъ подаетъ правительницѣ Софьѣ стихотворную челобитную о водвореніи наукъ въ Россіи.

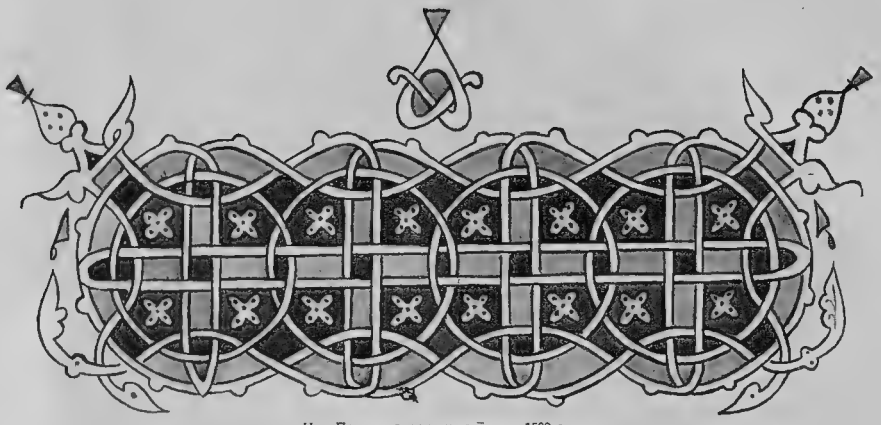
Обѣ воюющія стороны стараются использовать въ своихъ интересахъ это предложеніе: сторонники грецизма предлагаютъ послать къ восточнымъ патріархамъ за учеными профессорами Академіи, Сильвестръ Медвѣдевъ въ 1685 г. хлопочетъ объ утвержденіи устава академіи, выработаннаго имъ по идеямъ его учителя Симеона Полоцкаго.

Но и въ этомъ случаѣ опять какъ будто представителямъ «латинскаго» ученія не повезло: въ мартѣ этого года въ Москву прибыли греки съ востока, братья Лихуды, которые и стали во главѣ «еллино-греческаго училища», т. е. Академіи. Хотя въ самомъ названіи новой высшей школы звучала побѣда «греческаго» ученія, но побѣды, на дѣлѣ, не было: братья Лихуды, правда, православные и греки, — по своему образованію тѣ же западники: образованіе свое и методы научные и педагогическіе они принесли изъ Венеціи и Падуи, учатъ не только греческому языку, но и латинскому, о которомъ еще въ 1666 г. грекъ-западникъ Паисій Лигаридъ говоритъ, что «онъ нынѣ царствуетъ въ училищахъ, въ книгахъ, въ княжихъ домахъ и, аки обычный, нещуется и глаголетъ же ся едва не отъ всѣхъ родовъ». Черезъ 14 лѣтъ (въ 1700 г.) побѣда «латинской» школы обозначилась и внѣшнимъ образомъ: она носитъ названіе «Славяно-латинской Академіи».

Такимъ образомъ Петру Великому, заставшему Россію на переходѣ къ новой жизни, путь которой ясно и рѣшительно опредѣлился, осталось только завершить тотъ процессъ, который слабыми чертами намѣтился въ концѣ XIV в., обозначился въ XV-мъ и XVI-мъ, опредѣлился окончательно въ XVII-мъ столѣтіи.

Это была смѣна культурныхъ основъ развитія русскаго племени, объединившагося около Москвы: постепенный переходъ отъ византинизма и средневѣковья черезъ раціонализмъ и религіозныя броженія къ западной культурѣ и новому времени. И выработка новыхъ основъ, начавшись внѣ Москвы, сосредоточилась въ ней: Москва была въ теченіе трехъ вѣковъ ареной этой борьбы востока и запада. Ей же пришлось быть мѣстомъ и окончательнаго торжества новаго просвѣщенія: въ ней явился первый народный центръ высшей науки—Московскій университетъ.

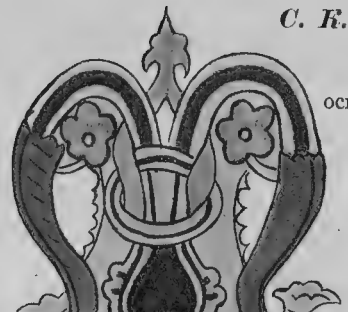




Изъ Псалтыря, писаннаго около 1500 г.

Войско въ Москвѣ въ XVI и XVII вв.

С. К. Богоявленскаго.



осква была центромъ военной жизни государства, руководила сложной и кипучей работой, которая рѣдко замирала, такъ какъ продолжительныя войны чередовались одна за другой въ теченіе XVI и XVII ст. Только въ концѣ этого періода были образованы на окраинахъ военные округа, надѣленные нѣкоторой самостоятельностью и отвлекшіе отъ центральныхъ учрежденій множество мелкихъ заботъ. А до этой реформы полковой или городовой воевода каждый свой шагъ долженъ былъ сообразовать съ подробными инструкціями, полученными изъ московскихъ приказовъ, и отправлять туда же отчеты о состояніи укрѣпленій, подготовкѣ военныхъ запасовъ, о провіантѣ для войска и т. д. Длинные указы и отписки постоянно перелетали огромное разстояніе отъ Москвы до окраины, напр., до Бѣлгорода или до Сѣвска. По мѣрѣ того, какъ усложнялось и развивалось военное дѣло, все больше росла канцелярская работа приказовъ, росло и число самыхъ канцелярій. Со второй четверти XVI в. намъ извѣстенъ Разрядный приказъ, сохранившій до Петровскаго времени свое первенствующее значеніе въ военномъ управленіи Московскаго государства, какъ Главный Штабъ всѣхъ вооруженныхъ силъ. Когда появлялись новые разряды войскъ, то московское правительство не умѣло приспособить и расширить старыя учрежденія, а устраивало новыя, загромождало правительственный механизмъ все новыми канцеляріями. Одинъ за дру-

гимъ появляются приказы—Стрѣлецкій, Пушкарскій, Иноземскій, Рейтарскій и множество другихъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли очень кратковременное существованіе, сформировывались для исполненія какого-нибудь спеціальнаго порученія. Въ Разрядномъ приказѣ начальникомъ былъ всегда думный дьякъ. Правда, въ До-петровское время не было раздѣленія службы на военную и гражданскую, и всякій приказный человѣкъ могъ получить чисто военное назначеніе; однако карьера дьяковъ была болѣе или менѣе однообразна: они всю свою жизнь проводили въ канцеляріи, или приказной, или полковой, подымаясь отъ должности младшаго подъячаго до высокаго сана думнаго дьяка. Такимъ образомъ главнымъ устроителемъ войска было лицо гражданской службы, имѣвшее мало отношенія къ военной практикѣ. Когда предпринимался походъ, то воеводы принимали въ свое распоряженіе готовый матеріалъ, въ созданіи котораго они часто не принимали участія, и получали инструкціи изъ того же чисто гражданскаго учрежденія—изъ Разряднаго приказа. Во главѣ другихъ военныхъ приказовъ часто стояли бояре или окольничіе, т. е. люди, которые были раньше и полковыми, и городовыми воеводами, практически знали военное дѣло.

Войско, расквартированное въ Москвѣ, было значительно по количеству и разнообразно по строю и вооруженію. Точно вычислить, какъ великъ былъ московскій гарнизонъ въ то или другое время, невозможно по недостатку указаній памятниковъ, но для второй половины XVII ст. можно принять цифру въ 35—40 тысячъ вооруженныхъ людей.

Мы разсмотримъ отдѣльно различные виды Московскаго войска.

До конца XVII в. главная часть вооруженныхъ силъ представляла изъ себя иррегулярную дворянскую конницу, къ которой принадлежали московскіе дворяне, жильцы и городовые дворяне. Это ополченіе собиралось только въ военное время, при чемъ каждый приводилъ съ собой вооруженныхъ слугъ, лошадей и обозъ съ провіантомъ. Но изъ среды дворянъ, пожалованныхъ въ придворные чины стольниковъ, стряпчихъ и пр., а также изъ жильцовъ, въ Москвѣ постоянно пребывалъ особый Государевъ полкъ, который сопровождалъ царя, если онъ самъ отправлялся на войну, былъ его лейбъ-гвардіей, охранялъ его особу въ мирное время и игралъ видную роль при различныхъ придворныхъ церемоніяхъ. Государевъ полкъ дѣлился на сотни, при чемъ были особыя сотни стольниковъ, особыя дворянъ и особыя жильцовъ. Жилецкія сотни были сформированы еще при Иванѣ Грозномъ, который изъ городовыхъ провинціальныхъ дворянъ выбралъ лучшихъ людей и далъ имъ помѣстья подъ Москвой. Число дворянъ и жильцовъ постепенно возрастало. Грозный помѣстилъ въ подмосковныхъ помѣстьяхъ 1000 человѣкъ, а въ 1686 году стольниковъ насчитывалось болѣе 3000 чел., стряпчихъ до 800 чел., а жильцовъ до 3000 чел. Но стояли въ рядахъ московской гвардіи одновременно далеко не всѣ, а по очереди. Сперва они смѣнялись по-полугодно, потомъ, когда число ихъ возросло, были устроены 4 смѣны и, наконецъ, даже 5 смѣнъ. Въ свободное отъ очередной службы время они жили въ помѣстьяхъ и только въ особыхъ случаяхъ приглашались въ Москву. Когда ждали иностранное посольство, то не довольствовались наличнымъ составомъ гвар-

дии, а собирали изъ деревень, иногда очень отдаленныхъ, нечередныхъ дворянъ, чтобы блеснуть передъ иностранцами числомъ хорошо вооруженныхъ и хорошо одѣтыхъ людей. Имъ производился предварительный смотръ, при чемъ царь требовалъ, чтобы дворяне были на аргамакахъ добрыхъ, въ цвѣтномъ платьѣ, чтобы «сабли и палаши у нихъ были оправные, а у лошадей многихъ наряды были: конскія чепи серебряныя гремячія и поводныя и сѣдла кованыя». Иногда смотръ производился самимъ царемъ на Дѣвичьемъ полѣ или въ Грановитой Палатѣ въ пѣшемъ строю.

Дѣйствительно, конница была блестяща и поражала даже иностранцевъ, пренебрежительно относившихся ко всему русскому, но не скупившихся на восторженные отзывы, когда дѣло доходило до описанія внѣшняго вида тѣхъ дворянскихъ отрядовъ, которые выѣзжали встрѣчать иностранныхъ пословъ. Вотъ какъ одинъ изъ польскихъ дворянъ, привыкшихъ къ блестящимъ формамъ польскихъ войскъ, описываетъ отрядъ жильцовъ: «Цвѣтъ длинныхъ красныхъ одѣяній былъ на всѣхъ одинаковъ; сидѣли они верхомъ на бѣлыхъ коняхъ, а къ плечамъ у нихъ были прилажены крылья, поднимавшіяся надъ головой и красиво расписанныя; въ рукахъ длинныя пики, къ концу коихъ было придѣлано золотое изображеніе крылатаго дракона, вертѣвшееся по вѣтру. Отрядъ казался ангельскимъ. Кто не подивился бы на такое чудное зрѣлище, того, по справедливости, я счелъ бы слѣпымъ и среди цвѣтущаго сада, полнаго всякаго рода цвѣтовъ». Крылья дѣлались изъ орлиныхъ перьевъ и прикрѣплялись ремнями къ плечамъ. Другой иностранецъ также остановилъ свое вниманіе на этихъ крыльяхъ, которыя онъ видѣлъ у отряда сокольниковъ, и выразилъ свое восхищеніе такими словами къ окружающимъ: «Тѣ люди, которые съ крыльями, устроены противъ того жъ, какъ бываетъ у поляковъ, только де тѣ люди убраны богатѣе польскаго и у поляковъ бываетъ только по одному крылу, и пристойнѣе де и страшнѣе быти двумъ крыламъ, а нежели одному». Иностранецъ дѣлаетъ такое добавленіе о важности для войска имѣть страшный внѣшній видъ: «А еслибы великій государь... указалъ бы устроить ихъ тысячъ 30 или 40 постоянной конницы... и такой бы конницы на свѣтѣ ни у котораго христіанскаго монарха не было, и было бъ то страшно всякому непріятелю». Правда, иностранецъ къ этому присоединяетъ еще два очень важныхъ условія для созданія образцоваго войска: хорошихъ начальниковъ и нѣмецкій строй.

Конный жилецъ.

Gravüre Mezzotinto Brückmann München.

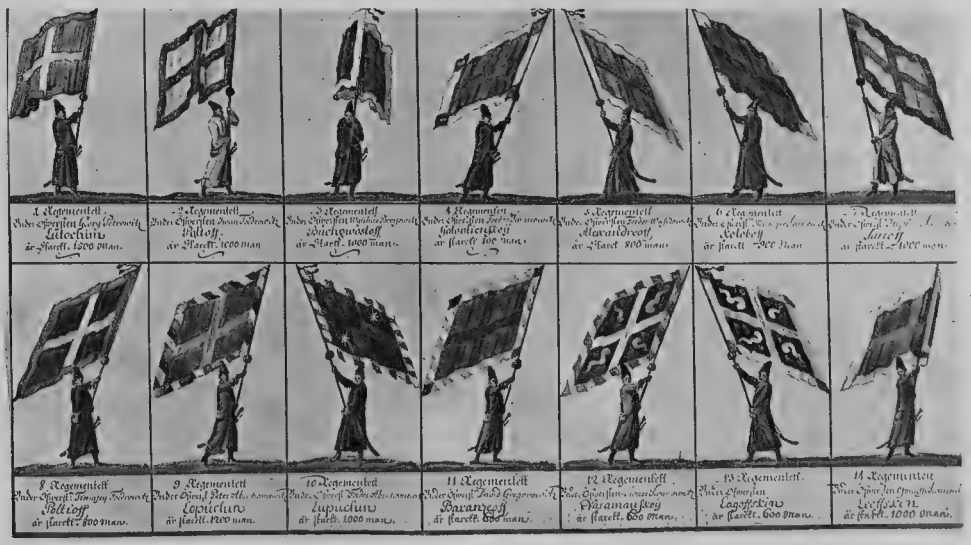
Сверчкова.

Смотръ войскамъ Алексѣемъ Михайловичемъ около Новодѣвичьяго монастыря.

Картина находится въ Кремлевскомъ дворцѣ въ Москвѣ.

Москвы
и ея
прошломъ
и настоящемъ

Именно послѣдняго условія и не хватало для блестящей дворянской конницы. Впереди ѣхалъ сотникъ, съ нимъ поручикъ и знаменщикъ, а прочіе ѣхали безъ всякаго строя, какъ кому вздумается, и сотня представляла изъ себя просто толпу всадниковъ, которые блистали цвѣтнымъ платьемъ, шапками изъ золотой парчи, отороченной мѣхомъ и украшенной самоцвѣтными камнями, поводами изъ золотыхъ и серебряныхъ цѣпей, бубенчиками, привязанными къ копытамъ лошадей, но мѣшали въ движеніяхъ другъ другу, слѣдили только за тѣмъ, чтобы не слишкомъ отдалиться отъ своего знамени. Дворянская конница состояла изъ ловкихъ наѣздниковъ, охотно показывавшихъ свое искусство передъ иностранцами: они останавливали коней на всемъ скаку, перепрыгивали съ одной лошади на другую, но все это мало повышало боевую цѣнность иррегулярной кавалеріи, которой приходилось мѣряться силами со стройными рядами

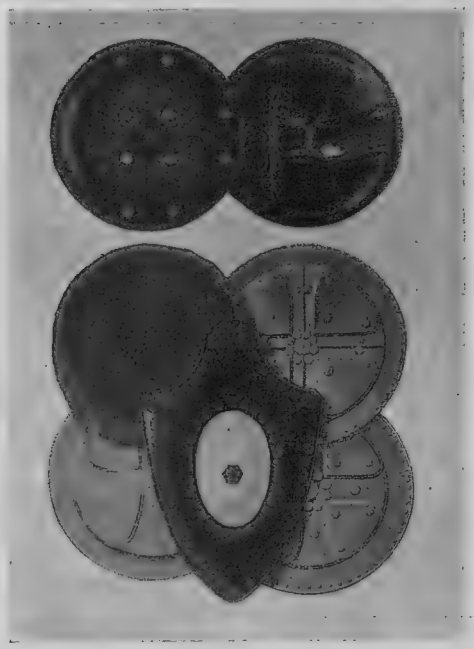


Знамена стрѣлецкихъ полковъ (по Пальмквисту).

непріятельскаго войска. Поэтому надо приписать патріотическому увлеченію слова стольника И. И. Чемоданова, который былъ въ 1657 году посланъ во Флоренцію и на вопросъ Козимо Медичи объ устройствѣ царскаго войска въ такихъ восторженныхъ выраженіяхъ отозвался о Государевомъ полкѣ: «Аргамаки подъ ними рѣзвы, да сабли у нихъ вострыя: на какое мѣсто ни пріѣдутъ, никакіе полки противъ нихъ не стоятъ».

Кромѣ Государева полка дворянскіе полки появлялись въ Москвѣ рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ. Помѣщики дворяне спокойно жили въ своихъ деревняхъ, въ мирное время ничѣмъ не напоминали собою военныхъ людей и только по вызову на войну вооружались, кто чѣмъ могъ, и собирались въ опредѣленныхъ пунктахъ, гдѣ имъ производился смотръ. Каждый изъ нихъ долженъ былъ явиться «коненъ, люденъ

и оруженъ», т. е. привести людей и лошадей сообразно съ размѣрами помѣстья, вооружиться самъ и вооружить своихъ людей. Были случаи, когда Москва назначалась мѣстомъ для смотра дворянъ. Въ декабрѣ и февралѣ 1664 года царь Алексѣй Михайловичъ производилъ такіе смотры, собираясь отправиться на войну съ Польшей. На Дѣвичьемъ полѣ устроили «горницу», т. е. павильонъ на помостѣ, къ которому вели 12 ступеней. Внутри горница была убрана иконами, сукномъ и золотными кожами, уставлена золочеными креслами индѣйской работы; для тепла была устроена печь. Большое окно имѣло два затвора, затянутые слюдой. Крыша горницы была отдѣлана кумачомъ и имѣла видъ шатра. Все это сооруженіе было обнесено заборомъ съ разукрашенными воротами. Рядомъ съ горницей была устроена открытая эстрада, обитая краснымъ сукномъ съ нашитыми на немъ мѣсяцемъ и звѣздами изъ бѣлаго сукна; по угламъ развивались небольшія знамена. Тутъ стоялъ оркестръ, который встрѣчалъ и провожалъ царя звуками трубъ, зуренокъ, барабановъ, литавръ и пр. По словамъ одного иностранца, посѣтившаго Россію, русская военная музыка скорѣе могла навести уныніе, чѣмъ вызвать воинственный пылъ. Охраняли царя, окружая горницу, въ которой онъ находился, отряды стрѣльцовъ. Выйдя изъ горницы, царь приказывалъ вызывать того или другого дворянина. Каждый подходилъ къ царскому мѣсту, молился Богу, кланялся царю и подавалъ роспись, сколько слугъ и лошадей онъ привелъ съ собою; дьякъ свѣрялъ по имѣющемуся у него списку, соотвѣтствуетъ ли число приведенныхъ людей и лошадей размѣрамъ помѣстья, и докладывалъ царю. Такимъ образомъ царь за день пересмотрѣлъ только 62 дворянина. Смотръ продолжался 11 дней; одни изъ дворянъ подавали росписи самому царю, а другіе—назначеннымъ для этой цѣли дьякамъ. Въ февралѣ дворянская конница дефилировала передъ царемъ, который тутъ же назначалъ сотниковъ для каждаго отряда. Послѣ дворянъ передъ царемъ прошли и другія войска, отправлявшіяся на войну,—солдаты, стрѣльцы, пушкари и пр.



Щиты разной формы.

Пріѣзжіе дворяне, конечно, не имѣли такого цвѣтного богатаго платья, оружія и сбруи, какъ дворяне Государева полка. Въ XVI вѣкѣ болѣе

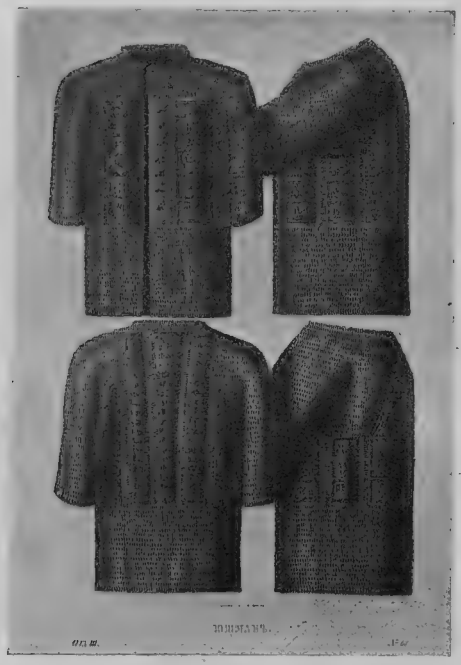
зажиточные имѣли стальной шлемъ, кольчугу или панцырь, наручники, наколѣнники, саблю, копье, лукъ со стрѣлами. Бѣдные довольствовались мѣдной шапкой-мисюркой, иногда съ сѣткой для защиты шеи и очень несложнымъ вооруженіемъ. Въ XVII в. дворянинъ тратится иногда и на огнестрѣльное оружіе, на пищали и пистоли, но рѣдко кто пользовался ими умѣло, такъ какъ искусству владѣть оружіемъ никто правильно не обучался, а навыкъ, добытый практикой на войнѣ, скоро забывался во время мирныхъ земледѣльческихъ занятій между двумя призывами. Естественно, что дворянская иррегулярная конница, очень многочисленная въ XVI в., постепенно уступаетъ мѣсто постояннымъ войскамъ, правильно обученнымъ и однообразно вооруженнымъ, и ко времени Петра Великаго число дворянъ стараго строя, выходившихъ на войну, было незначительно; неприкосновенной осталась только Московская гвардія, мало приспособленная къ боевой дѣятельности, но необходимая для охраны царя и для придворныхъ церемоній.

Московскіе стрѣльцы.

Такую же нестройную толпу, какъ дворянское ополченіе, представлялъ изъ себя отрядъ подъячихъ всѣхъ Московскихъ приказовъ. На войну ихъ отправляли рѣдко, но ежегодно въ Москвѣ имъ дѣлали смотры. Вѣроятно, видъ этого отряда подъячихъ, согбенныхъ канцелярской работой съ утра до вечера, старыхъ и молодыхъ, вооруженныхъ самымъ разнообразнымъ оружіемъ, былъ не очень воинственъ, тѣмъ не менѣе Разрядный приказъ тщательно велъ списки всѣхъ подъячихъ и оружія, какое у нихъ имѣется. Получавшіе большее жалованье являлись на смотръ на коняхъ, одни съ пищалями, другіе съ пистолями, иные съ саблями. Подъячіе низшаго оклада являлись пѣшими, вооруженные только старинной рогатиной, годной скорѣе для медвѣжьей охоты, чѣмъ для сраженія съ непріятелемъ. Если кто на смотръ не явится или представитъ оружіе не въ должномъ порядкѣ, того ждало наказаніе: «тѣмъ въ приказѣхъ не быть и жалованья имъ не давать». Въ знаменитомъ Кожуховскомъ походѣ въ составѣ маневрировавшихъ армій находился также цѣлый полкъ подъячихъ численностью въ 920 человѣкъ; полкъ былъ раздѣленъ на 11 ротъ. Военныя дѣйствія подъячихъ были не блестящи, хотя имъ былъ противопоставленъ сборный отрядъ, преимущественно изъ пѣвчихъ, дѣйствовавшій

подъ начальствомъ любимаго царскаго шута Якова Тургенева. Подъячіе оказались настолько неопытными въ обращеніи съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, что не мало ихъ было обожжено своими же товарищами, и были даже случаи тяжелаго пораненія, такъ какъ самопалы разрывались отъ неумѣлаго заряжанія.

Боевая цѣнность иррегулярной конницы была незначительна, и ею можно было довольствоваться только тогда, когда и врагъ сражался шумной нестройной толпой. Но если дворянская конница выдерживала натискъ татаръ, то она оказалась несостоятельной, когда встрѣчала стройные ряды шведовъ и поляковъ. Это понималъ Грозный и не остановился передъ значительными затратами, чтобы составить отрядъ постояннаго войска, отрядъ стрѣльцовъ, конныхъ и пѣшихъ. Стрѣльцы дѣлились на два слоя — стрѣльцовъ московскихъ и стрѣльцовъ городовыхъ; служба первыхъ была почетнѣе и лучше оплачивалась, чѣмъ служба вторыхъ. При Грозномъ численность стрѣльцовъ доходила до 12000 чел., изъ которыхъ въ Москвѣ оставалось до 5000 чел., а прочіе были расположены по городамъ, преимущественно пограничнымъ. Далѣе число московскихъ стрѣльцовъ постепенно растетъ, и въ началѣ XVII в. ихъ было 2021 пѣшихъ и 5566 конныхъ, а въ 1681 г. число московскихъ стрѣльцовъ достигло внушительной цифры — въ 20000 чел., изъ которыхъ большая часть была пѣшаго строя. Стольникъ Чемодановъ преувеличилъ только вдвое, говоря во Флоренціи, что стрѣльцовъ въ одной Москвѣ 40000 чел.



Кольчуга (юшманъ).

Московскіе стрѣльцы не всегда жили въ Москвѣ въ полномъ составѣ, часть ихъ уходила на войну, сопровождала и русскія, и иностранныя посольства, отправляла гарнизонную службу въ пограничныхъ городахъ, при чемъ срокъ такой командировки былъ обыкновенно годичный. Рѣдко выходилъ изъ Москвы только Стремянной полкъ, представлявшій изъ себя лейбъ-гвардію царя, ѣхавшій у него «при стремени» и охранявшій его особу вмѣстѣ съ Государевымъ дворянскимъ полкомъ. Число стремянныхъ простиралось до 2000 чел., а во второй половинѣ XVII в. ихъ было больше, такъ что было сформировано нѣсколько стремянныхъ полковъ. Въ составъ

Вооруженіе пѣшаго воина.

Оружейная Палата въ Москвѣ.

лейбъ-гвардіи выбирались лучшіе люди изъ другихъ полковъ; сюда назначались за «полонное терпѣніе», т. е. вышедшіе изъ плѣна, за «кровную службу», т. е. за раны, за «язычные приводы», т. е. за приводъ лазутчиковъ.

Внѣшній видъ стрѣльцовъ былъ не такъ блестящъ, какъ видъ дворянъ Государева полка, но все-таки нравился иностранцамъ, и одинъ изъ нихъ даетъ такой отзывъ: «Это былъ все прекрасный народъ, превосходно одѣленный и оружіемъ, и одеждой». Стрѣльцы носили сперва желѣзныя шапки, а потомъ суконныя съ мѣховой опушкой и длинные кафтаны съ откиднымъ воротникомъ, при чемъ каждый полкъ имѣлъ свой цвѣтъ кафтановъ: красный, свѣтлозеленый, темнозеленый, мясной, луковый, сѣрогорячій, лимонный, брусничный, осиновый, крапивный и пр. Названія цвѣтовъ иногда такъ замысловаты, что трудно ихъ вообразить. Кафтаны на груди были украшены поперечными золотыми шнурами, которые были проще или роскошнѣе, смотря по чину. Оружіе стрѣльцовъ состояло изъ бердышей, которые они передъ собой втыкали ручкой въ землю во время смотровъ, изъ сабель, изъ луковъ со стрѣлами, которые потомъ были замѣнены пистолетами и пищалями, очень тяжелыми и неудобными. Нѣкоторыя стрѣлецкія сотни имѣли мечи и копья и назывались сотнями копейщиковъ. При каждомъ полкѣ было нѣсколько пушекъ, обыкновенно пять, но прислуга при нихъ состояла не изъ стрѣльцовъ, а изъ пушкарей.

Копейщикъ.

Стрѣльцы распредѣлялись по полкамъ или приказамъ, при чемъ число рядовыхъ въ каждомъ приказѣ не было одинаковымъ: въ иномъ было болѣе тысячи человѣкъ, а въ другомъ менѣе пятисотъ. Приказы назывались по именамъ своихъ командировъ, напр., приказъ Василія Лутохина, приказъ Тимоѳея Тетерина, и числились по номерамъ, 1-й, 2-й, 3-й и т. д., означавшимъ старшинство, и въ случаѣ особыхъ заслугъ царь повышалъ номеромъ отличившійся приказъ.

Во главѣ приказа стоялъ голова, назначаемый изъ дворянъ и подчиненный Стрѣлецкому приказу. Должность головы была настолько почетная, что въ торжественные дни за царскимъ столомъ всегда сидѣли одинъ или нѣсколько московскихъ стрѣлецкихъ головъ. Они получали помѣстья, а въ Москвѣ не только дворовыя мѣста, но и денежное пособіе на постройку дворовъ. Кромѣ того, имъ шло значительное ежегодное хлѣбное и денежное жалованье. Голова былъ почти полнымъ хозяиномъ въ своемъ приказѣ, онъ даже судилъ подчиненныхъ ему стрѣльцовъ по всѣмъ ихъ искамъ другъ на друга и по уголовнымъ дѣламъ, исключая наиболѣе важныхъ, какъ то разбой, убійство и пр. Провинившихся голова могъ наказывать арестомъ, батогами и кнутомъ. Голова обязанъ былъ слѣдить, чтобы число стрѣльцовъ было «противъ государева указу» и набирать новыхъ на убылое мѣсто. Онъ раздавалъ имъ жалованье, назначая молодымъ меньше, а старымъ больше, выдавалъ оружіе и слѣдилъ за его исправностью,

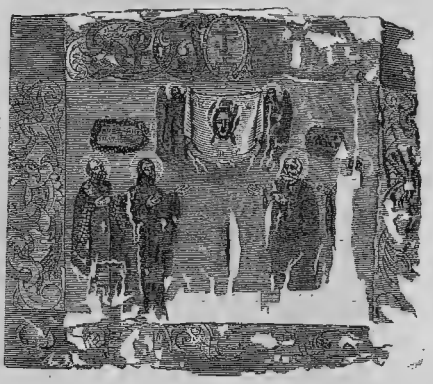
наблюдалъ, чтобы стрѣльцы вели себя тихо, «никакого дурна и воровства» себѣ не дозволяли, не пьянствовали, тайно не курили вина и не варили пива, не обижали мирныхъ обывателей, не грабили, не приглашали къ себѣ колдуновъ и колдуній, не отлучались безъ спросу съ мѣста жительства, словомъ, голова долженъ былъ «хотѣти прибыли во всемъ государю». На обязанности головы лежало также обученіе стрѣльцовъ стрѣльбѣ изъ пищалей, но это занятіе шло успѣшно не у всякаго головы, такъ что приходилось обращаться къ иноземнымъ инструкторамъ. Въ іюнѣ 1642 г. стрѣльцы приказа Ивана Головленкова должны были, по распоряженію царя, рано утромъ отправиться на Покровское поле, гдѣ ихъ долженъ былъ обучать нѣмчинъ Иванъ Ермисъ. Надѣленный большою властью, голова имѣлъ много соблазновъ, чтобы злоупотребить своимъ положеніемъ. Взяточничество было широко развито, такъ что болѣе состоятельные стрѣльцы пользовались значительными льготами: по распоряженію головы они освобождались отъ очередной службы, жили почти все время внѣ стрѣлецкой слободы, занимаясь торговлей и промыслами, получали жалованье не по заслугамъ, разоряли безконечными тяжбами своихъ болѣе бѣдныхъ товарищей. Случалось, что головы заставляли рядовыхъ стрѣльцовъ исполнять для себя различныя работы, ничего не имѣющія общаго съ военнымъ дѣломъ, употребляли ихъ для личныхъ услугъ на своихъ московскихъ дворахъ и не останавливались передъ тѣмъ, чтобы посылать ихъ въ свои деревни для полевыхъ работъ. Жаловаться на голову, имѣвшаго связи при дворѣ и жившаго въ дружбѣ съ приказомъ, было не только безполезно, но и опасно, такъ какъ виноватымъ всегда оказывался рядовой стрѣлецъ, съ котораго и взыскивалось «безчестье» — денежный штрафъ за ложную жалобу.

Мушкатеръ иноземецъ.

Ближайшими помощниками стрѣлецкаго головы были полуголовы и сотники, назначаемые изъ дѣтей боярскихъ; далѣе идутъ пятидесятники и десятники изъ выслужившихся рядовыхъ. Эти лица слѣдили за поведеніемъ стрѣльцовъ своего отдѣленія, дѣлали имъ перекличку два раза въ день, утромъ и вечеромъ. Если они самовольно отпустятъ стрѣльца изъ слободы или будутъ невнимательно слѣдить за дисциплиной рядовыхъ, то головѣ вмѣнялось въ обязанность примѣрно наказать ихъ и даже «метать на время въ тюрьму».

Стрѣлецкая служба была пожизненной и наслѣдственной. Только старческая дряхлость, неизлѣчимая болѣзнь и тяжелая рана освобождали

стрѣльца отъ службы и переводили его въ разрядъ отставныхъ. Мы знаемъ случаи, когда стрѣлецъ находился подъ оружіемъ болѣе семидесяти лѣтъ. Сыновья стрѣльцовъ были на учетѣ, головѣ предписывалось «ихъ никуды не распущать», но они становились въ ряды войскъ только тогда, когда обзаведутся хозяйствомъ, будутъ «прожиточны». Котошихинъ такъ опредѣляетъ службу стрѣльцовъ, что они «въ стрѣльцахъ вѣчно, и дѣти и внучата стрѣльцы жъ по нихъ». Единственный выходъ изъ стрѣлецкой слободы— это записаться въ солдатскіе полки, но отбыть пожизненной военной службы было невозможно. Если стрѣлецкая слобода не имѣла достаточно молодежи, чтобы наполнить численность полка до нормы, опредѣленной указомъ, то допускались два способа комплектованія: или переводили въ Москву отрядъ городовыхъ стрѣльцовъ, какъ, напр., въ 1656 г. въ Москву было выслано 500 человѣкъ стрѣльцовъ изъ Двинскаго уѣзда, или голова производилъ наборъ изъ «охочихъ людей». Послѣдній способъ практиковался чаще и потому былъ строго регламентированъ. Прежде всего голова долженъ былъ слѣдить, чтобы въ стрѣльцы не записался никто изъ тяглыхъ людей и изъ крѣпостныхъ крестьянъ, т. е. чтобы не было ущерба ни государственному, ни частному хозяйству. Можно было набирать только «гуляющихъ людей, отъ отцовъ дѣтей, отъ братьи братью, отъ дяди племянниковъ» и пр., но изъ этого разряда надо было дѣлать строгій выборъ и записывать въ стрѣлецкую службу тѣхъ, «которые были сообою добры, и молоды, и рѣзвы, и изъ самопаловъ стрѣлять горазды». Былъ опредѣленъ и предѣльный возрастъ для вновь набираемыхъ стрѣльцовъ — не старше 50-ти лѣтъ. Поступающій на службу долженъ былъ представить поручителями нѣсколько человѣкъ изъ старыхъ стрѣльцовъ, которые своимъ имуществомъ отвѣчали за бѣгство стрѣльца со службы и за утерю казеннаго имущества: самопаловъ, зелья, т. е. пороха, свинца и пр. Если поручители оказывались не въ состояніи возмѣстить потерю, то деньги взыскивались съ головы, который «взялъ поруки худы».



Стрѣлецкое знамя.

Строгій разборъ желающихъ вступить въ стрѣлецкую службу показываетъ, что число охотниковъ было значительно и что служба въ московскихъ стрѣльцахъ была не безъ выгоды. Они получали жалованье хлѣбное, денежное и земельное. Сотникамъ выдавалось ежегодно по 10 четвертей ржи и столько же овса, а нижнимъ чинамъ по 7 четвертей того и другого и, кромѣ того, соли отъ двухъ до пяти пудовъ на человѣка. Въ XVI в. хлѣбный окладъ былъ ниже и опредѣлялся для рядового только въ $2^1/_2$ четверти ржи. Денежное жалованье, по словамъ Котошихина, шло простымъ стрѣльцамъ отъ 10 рублей въ годъ и больше, а головы получали до 200 рублей.

Если у кого изъ стрѣлецкихъ офицеровъ было помѣстье, то жалованье уменьшалось соотвѣтственно числу крестьянскихъ дворовъ. На одежду выдавалось ежегодно каждому московскому стрѣльцу изъ царской казны по сукну доброму и дорогому, цѣнностью не менѣе, какъ въ два рубля. Если стрѣльцовъ отправляли на войну, то выдавали имъ деньги на подъемъ и на подводы.

Каждый стрѣлецъ получалъ въ одной изъ московскихъ стрѣлецкихъ слободъ участокъ дворовой и огородной земли, а также пособіе для постройки двора. Слободы были неравной величины: въ нѣкоторыхъ могъ помѣститься цѣлый приказъ, въ другихъ часть приказа, одна-двѣ сотни. Московскія стрѣлецкія слободы были по всей Москвѣ, частью въ Бѣломъ городѣ, а преимущественно въ Земляномъ. Онѣ тянулись кольцомъ, какъ бы защищая Москву у всѣхъ воротъ Земляного города; мы ихъ находимъ и на Арбатѣ, и на Трубной улицѣ, и на Воронцовомъ полѣ. Стремянной полкъ былъ расположенъ по Лубянкѣ и прилегающимъ переулкамъ. По мѣрѣ того, какъ число стрѣлецкихъ приказовъ увеличивалось, возрастало и число слободъ. Черныхъ людей сгоняли съ насиженныхъ мѣстъ, платили за постройки и отобранную землю дѣлили между новыми стрѣлецкими сотнями. Самыя старинныя стрѣлецкія слободы были расположены за Москвой-рѣкой, и это объясняется тѣмъ, что съ юга шелъ страшный врагъ—крымскіе татары, которымъ не разъ удавалось добираться до самой Москвы. Каждая слобода имѣла свой административный центръ, съѣзжую избу, въ которой засѣдалъ голова съ приставами и подьячими. Тутъ происходилъ судъ надъ стрѣльцами, за рѣшоткой сидѣли арестованные; тутъ хранились всѣ дѣловыя книги приказа и слободы, указы, челобитья, поручныя, жилыя записи и пр. Память о стрѣлецкихъ слободахъ сохранилась въ названіи церкви «Никола Стрѣлецкій» на Знаменкѣ и переулка «Стрѣлецкаго», выходящаго къ Срѣтенскому бульвару.

Кромѣ хлѣбнаго, денежнаго и земельнаго жалованья стрѣльцы пользовались и другими выгодами, которыя имъ доставляло ихъ званіе. Они не платили податей, пользовались значительными привилегіями по торговлѣ. Имъ дозволялась безпошлинная торговля товаромъ своего производства на сумму до одного рубля. Стрѣлецъ, торговавшій съ оборотомъ до 50 рублей, платилъ пошлины по торговлѣ и только въ томъ случаѣ, когда оборотъ превышалъ 50 рублей, стрѣлецъ несъ всѣ посадскія службы. Котошихинъ говоритъ, что среди стрѣльцовъ было много богатыхъ ремесленныхъ и торговыхъ людей. Дѣйствительно, между стрѣльцами мы найдемъ и шотниковъ, и сапожниковъ, и каменщиковъ, найдемъ и «ученика шелковаго дѣла заводчика». Не мало лавокъ принадлежало стрѣльцамъ, которые торговали самыми разнообразными товарами. Среди торговцевъ Охотнаго ряда они занимали едва ли не первое мѣсто, и у нихъ покупали всякіе запасы для царскаго двора, и «куровъ индѣйскихъ 10 гнѣздъ» за 13 р. 60 к., и щукъ живыхъ къ царскому столу. Стрѣльцы брали на себя крупные подряды, не выполнимые безъ предварительной затраты значительнаго капитала. Когда царь Алексѣй Михаиловичъ задумалъ устроить въ селѣ Измайловѣ виноградный садъ, то стрѣльцы подвозили матеріалъ и строили каменные

сараи. Стрѣльцы взялись и за такой подрядъ, какъ вычистить обширное болото за огромную по тому времени плату въ 1200 рублей, кромѣ готоваго продовольствія для рабочихъ; при этомъ было выговорено условіе, чтобы подрядчикъ другихъ работъ на себя не бралъ. При такомъ круп-

Тронъ царей Іоанна и Петра.

номъ оборотѣ барыши были, конечно, очень значительны, и стрѣлецъ, поглощенный другими занятіями, пользовался всякой возможностью, чтобы отбыть отъ стрѣлецкой службы. Поэтому «прожиточные» стрѣльцы упорно отказывались отъ такихъ должностей, которыя были сопряжены съ посто-

яными заботами, отъ должности десятскаго и полусотеннаго и жаловались царю, если голова безъ ихъ желанія повышалъ ихъ въ стрѣлецкомъ чинѣ.

Въ судѣ стрѣльцы также имѣли свои привилегіи: съ нихъ не брали судебныхъ пошлинъ по искамъ не свыше 12 рублей. Благодаря этой льготѣ развилось между стрѣльцами такое сутяжничество, что головѣ предписывалось «смотрѣть накрѣпко», чтобы его подчиненные напрасно ни съ кѣмъ не судились. Кромѣ того, стрѣльцы имѣли привилегію по большимъ праздникамъ курить вино и варить пиво, не платя пошлинъ.

Еще одна сторона могла дѣлать стрѣлецкую службу привлекательной: стрѣлецъ могъ быть покоенъ за себя въ случаѣ инвалидности и за свою семью въ случаѣ смерти. Правительство заботилось объ отставныхъ стрѣльцахъ, размѣщало ихъ по монастырямъ или брало съ монастырей въ ихъ пользу деньги и оставляло инвалидовъ доживать свой вѣкъ въ московскихъ слободахъ. Семейства убитыхъ стрѣльцовъ продолжали жить въ слободахъ, пользуясь всѣми преимуществами стрѣлецкаго званія.

За жалованіе и за льготы стрѣльцы должны были нести тяжелую и безпокойную службу. Московскихъ стрѣльцовъ отправляли иногда въ провинціальные гарнизоны, посылали въ случаѣ войны на поле битвы. Обзаведшіеся хозяйствомъ и привыкшіе къ торговлѣ или ремеслу, стрѣльцы такъ неохотно двигались въ походъ, что немало изъ нихъ оказывалось въ бѣгахъ. Случаи дезертирства были часты, особенно среди стрѣльцовъ, переведенныхъ въ Москву изъ провинціальныхъ городовъ. Бѣглецы забирали съ собой и продавали свое оружіе, одежду, порохъ и пр., возлагая тяжелую отвѣтственность на своихъ поручителей, которые должны были не только возмѣстить казенный убытокъ, но и принять мѣры къ поимкѣ бѣглеца. Командировки сопровождать иностранныхъ пословъ и купцовъ были не такъ отяготительны, такъ какъ были непродолжительными и небезвыгодными. Послы и купцы одаривали сопровождавшихъ ихъ стрѣльцовъ деньгами и вещами, а при случаѣ и сами стрѣльцы присваивали себѣ кое-что изъ посольскаго имущества: у одного сотника отобрано было нѣсколько вещей посла, которыя онъ будто бы хотѣлъ сохранить у себя отъ грабителей, у рядового стрѣльца оказалась серебряная узда, снятая съ посольскаго коня и пр.

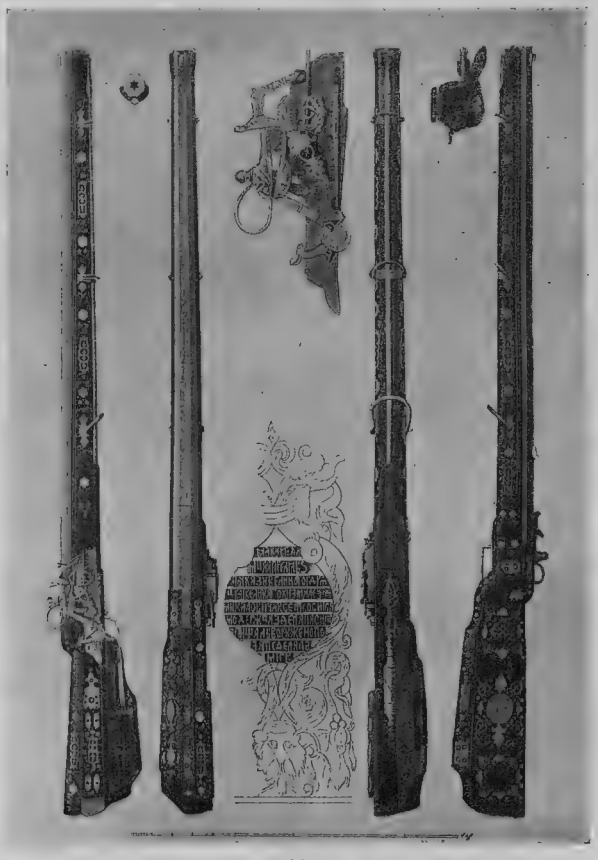
Въ Москвѣ стрѣльцы несли караульную службу, перемѣняясь по недѣлямъ. Они охраняли царскій дворецъ, дежурили въ палатѣ, устроенной для нихъ подъ Краснымъ крыльцомъ, стояли на стѣнномъ караулѣ, у городскихъ воротъ, на съѣзжихъ дворахъ, въ кабакахъ и т. д. Караульная служба доставляла много хлопотъ, влекла за собою множество столкновеній, такъ какъ и нарушители порядка, и сами охранители общественнаго спокойствія отличались грубостью нравовъ. За Москвой-рѣкой находился Крымскій дворъ, на которомъ останавливались пріѣзжіе татарскіе посланники и купцы. Стрѣлецкая стража охраняла жителей двора отъ обидъ и слѣдила, чтобы они не входили тайно въ общеніе съ русскими людьми. Однажды между стрѣльцами и татарами возникло недоразумѣніе, окончившееся тѣмъ, что одинъ изъ пріѣзжихъ татаръ получилъ нѣсколько ранъ. Стрѣлецъ объяснялъ, что татаринъ напалъ на него и нечаянно накололся на бердышъ, а тата-

ринъ жаловался, что стрѣлецъ сталъ его за что то «лаять» и засѣкъ бердышомъ. Вообще жалобъ на своевольство стрѣльцовъ было много, и въ стрѣлецкихъ съѣзжихъ избахъ часто слышались стоны наказываемыхъ кнутомъ или батогами. Въ случаѣ пожара стрѣльцы обращались въ пожарныхъ и, отбросивъ свои бердыши, брали въ руку водоливныя трубы, топоры и ведра.

Особенно тяжела была служба стремянныхъ, сопровождавшихъ царя и царицу въ ихъ поѣздкахъ на богомолье или на потѣху. Если царь Михаилъ, больной ногами, постоянно ѣздилъ по монастырямъ, то Алексѣй Михаиловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ добрую половину своего царствованія провели внѣ Москвы, путешествуя по ближнимъ и дальнимъ монастырямъ и отдыхая въ подмосковныхъ селахъ. Царя сопровождаютъ стремянные стрѣльцы, вооруженные прутьями, чтобы разгонять народъ. Послушаемъ, какъ жалостно описываютъ свою участь сами стрѣльцы въ челобитной, поданной царю: «...всегда бываемъ съ вашимъ царскимъ величествомъ на походѣхъ и въ объѣздѣхъ, и будучи въ тѣхъ дальнихъ походѣхъ и объѣздѣхъ зимою въ жестокіе морозы и лѣтомъ и въ осень въ ненастные дни, стоя на твоихъ государевыхъ караулахъ въ тѣхъ походѣхъ, оберегая твое царское величество, и около огней по улицамъ и по гумнамъ, въ тѣхъ частыхъ походѣхъ и въ службахъ и въ объѣздѣхъ платьишкомъ обжигаемся и обдираемся и конскою сбруей мы, холопи твои, что у кого въ тѣхъ походѣхъ и въ объѣздѣхъ портится, починиваемъ собою». Стремянные просили о прибавкѣ жалованья, но получили только нѣкоторыя льготы по несенію караульной службы.

Стрѣлецкое войско исправно несло гарнизонную и караульную службу, но на полѣ сраженія далеко уступало въ боевой подготовкѣ тѣмъ своимъ западнымъ и сѣверо-западнымъ сосѣдямъ, съ которыми пришлось вести продолжительныя и тяжкія войны. Превосходство иноземнаго военнаго искусства было такъ очевидно, что Московское правительство еще въ XV в. стало приглашать иностранцевъ на свою службу. Въ началѣ XVI в. въ Москвѣ уже былъ цѣлый полкъ иностранцевъ, численностью въ 1500 человѣкъ. Въ концѣ того же вѣка нѣмецкой пѣхоты было 4300 чел. Число иноземцевъ въ русскихъ войскахъ быстро возрастало въ теченіе XVII в. Когда въ Западной Европѣ окончилась 30-лѣтняя война, то въ Москву направились цѣлыя толпы военнаго люда, продававшаго свою военную опытность и свою жизнь, кому угодно, и свободнаго послѣ заключенія Вестфальскаго мира. Англійская революція также отразилась на развитіи военнаго дѣла въ Россіи: болѣе 3000 англичанъ и шотландцевъ было переброшено политическими бурями изъ Англіи въ далекую Москву. Число военныхъ людей, предлагавшихъ свои услуги, было такъ велико, что если въ прежнее время каждому послу, выѣзжавшему за границу, предписывалось вербовать возможно больше иностранныхъ офицеровъ, то во второй половинѣ XVII вѣка стали отказывать даже тѣмъ иностранцамъ, которые пріѣзжали въ Россію въ надеждѣ найти тамъ примѣненіе своимъ военнымъ талантамъ и получить заработокъ. Цѣлый отрядъ иностранцевъ, добравшихся изъ-за границы черезъ Архангельскъ до Устюга, получилъ отказъ и

предложеніе отправиться обратно, страшно обнищалъ и только по усиленнымъ хлопотамъ жившихъ уже въ Москвѣ иностранцевъ былъ принятъ на русскую службу. Надо сказать, что Московское правительство испытало не мало разочарованій отъ пріема на свою службу иноземцевъ безъ всякаго разбора, съ единственной аттестаціей чужестраннаго происхожденія. Иностранцы сами признавали, что таланты, не признанные за границей, часто были далеко не первоклассными, что имѣвшіе смутное понятіе о воен-



Пищаль царя Алексѣя Михайловича 1654 года.

номъ искусствѣ требовали и получали въ Россіи офицерскіе чины. Поэтому стали производить пріѣзжимъ офицерамъ экзаменъ, который, впрочемъ, выяснялъ не способность руководить отрядомъ солдатъ, а только умѣнье владѣть оружіемъ. Знаменитый впослѣдствіи генералъ Патрикъ Гордонъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ представителей выѣзжихъ офицеровъ, разсказываетъ, какъ онъ въ 1661 году пріѣхалъ въ Москву и явился къ начальнику Иноземскаго приказа боярину И. Д. Милославскому, который приказалъ ему показать свое умѣнье обращаться съ мушкетомъ и съ пи-

Вооруженіе коннаго воина.

Оружейная Палата въ Москвѣ.

кой. Напрасно Гордонъ возражалъ, что это дѣло не офицеровъ, а рядовыхъ, Милославскій настоялъ на-своемъ, Гордонъ продѣлалъ нѣсколько пріемовъ и былъ принятъ въ чинѣ маіора.

Принятому на службу иностранцу назначалось единовременное пособіе «за выѣздъ»; Гордону было назначено 25 р. деньгами, на такую же сумму соболей и, кромѣ того, полотна и камки, но получить этотъ подарокъ было нелегко, такъ какъ дьякъ Иноземскаго приказа требовалъ взятки. Гордонъ жаловался боярину, бояринъ давалъ дьяку приказъ о выдачѣ, но тотъ все-таки требовалъ взятки. Наконецъ, бояринъ, разсерженный, явился въ приказъ, отодралъ дьяка за бороду, и только тогда Гордонъ получилъ назначенное ему пособіе. Затѣмъ иностранецъ, послѣ долгихъ споровъ, подписывалъ контрактъ, въ которомъ дьякъ старался проставить условіе о пожизненной службѣ офицера. Вслѣдствіе незнанія русскаго языка многіе иностранцы подписывали контракты съ этимъ условіемъ и оказывались въ западнѣ, изъ которой было очень трудно выбраться. Контрактъ скрѣплялся присягой. Въ немъ были обозначены обязанности принятаго на службу иностранца и выговоренное имъ жалованье. Размѣры оклада были разнообразны, смотря по чину: полковнику назначалось отъ 250 до 400 руб., маіору отъ 100 до 225 руб. и т. д., т. е. значительно больше того, что получали соотвѣтствующіе офицеры стрѣлецкихъ приказовъ. Вдовамъ иностранныхъ офицеровъ выдавалась пенсія: вдовамъ полковниковъ 10—20 руб. въ годъ, маіоровъ 5 руб. 60 коп.—6 руб., капитановъ 4 руб. 40 коп., рядовыхъ 2 руб. 40 коп. Не жалѣли денегъ тѣмъ иностранцамъ, которые имѣли такія спеціальныя познанія, какъ «письмо чертежей», и тѣмъ, которые принимали православіе. Въ 1657 г. «полковнику Рычерту Гипсону, во крещеніи Александру, дано государева жалованья для крещенія православные христіанскіе вѣры 275 рублевъ 19 алтынъ 4 деньги». Несмотря на большое содержаніе, многіе иностранцы тяготились жизнью въ Москвѣ, рвались на родину, чуждались русскихъ и вели безконечныя интриги въ своей средѣ.

Такъ какъ содержаніе иностраннаго войска обходилось очень дорого, то Московское правительство стало устраивать смѣшанные полки, частью изъ иностранцевъ, частью изъ русскихъ. Въ 1630 г. было предположено вызвать въ Москву изо всѣхъ городовъ добровольцевъ дѣтей боярскихъ, не имѣвшихъ помѣстій, и изъ нихъ составить два полка иноземнаго строя, по 1000 человѣкъ въ каждомъ, подъ начальствомъ полковниковъ Александра Лесли и Франца Пецнера. Этимъ добровольцамъ обѣщано было жалованье по 5 руб. въ годъ и по 3 коп. въ день на кормъ; обѣщано было выдать изъ казны пищали, порохъ и свинецъ, но лошади и платье должны быть свои. На призывъ откликнулось немного охотниковъ, и пришлось записывать въ полки иноземнаго строя всѣхъ охочихъ людей, а впослѣдствіи и даточныхъ людей, которыхъ монастыри, бояре, посадскіе и др. посылали на военную службу пропорціонально числу крестьянскихъ и посадскихъ дворовъ. Такъ образовались полки новаго строя пѣшіе—солдатскіе, конные—рейтарскіе и драгунскіе. Въ 1632 г. было иноземнаго строя 9500 чел., изъ которыхъ 6500 чел. было русскихъ, а иностранцевъ 3000 человѣкъ.

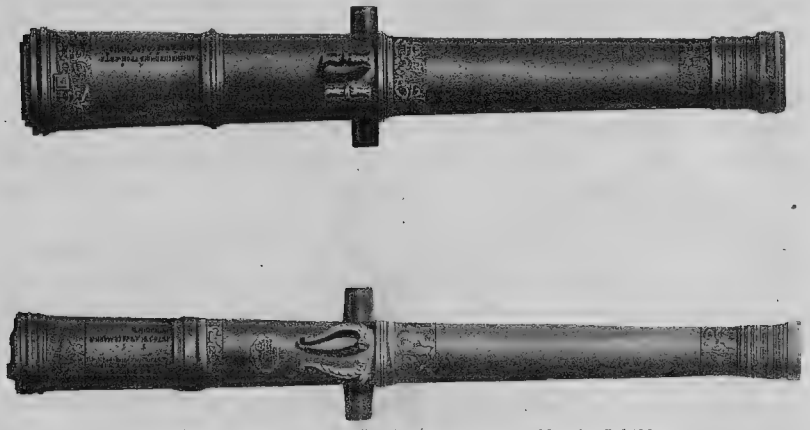
Число полковъ быстро увеличивалось, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшался процентъ иностранныхъ инструкторовъ; въ главѣ полковъ стали русскіе дворяне, изъ нихъ же состояло большинство офицеровъ.

Изъ этихъ войскъ въ Москвѣ стояла только незначительная часть, а большинство было расположено по границамъ. Мы знаемъ, что царь Алексѣй дѣлалъ смотры солдатамъ и рейтарамъ, но пребываніе этихъ полковъ въ Москвѣ было временное, и только два солдатскихъ полка стояли гарнизономъ большею частью, но далеко не всегда, въ столицѣ—это два выборныхъ Московскихъ полка. Объ одномъ изъ нихъ, которымъ командовалъ полковникъ, а впослѣдствіи «думный генералъ» Аггей Шепелевъ, сохранилось довольно много извѣстій, на основаніи которыхъ можно выяснить составъ полка, его организацію и даже его домашнюю, обыденную жизнь.

Въ главѣ полка стоялъ полковникъ, надѣленный тѣми же полномочіями, какъ и стрѣлецкій голова: онъ обучалъ свой полкъ военному искусству, слѣдилъ за дисциплиной, судилъ и наказывалъ своихъ солдатъ. Какъ и стрѣлецкій голова, полковникъ иногда злоупотреблялъ своими обширными полномочіями. На Шепелева царю была подана челобитная отъ всего полка, чтобы царь назначилъ другого полковника, такъ какъ, по словамъ солдатъ, Шепелевъ «бьетъ ихъ и увѣчитъ и въ тюрьму сажаетъ безъ государева указу и безъ сыску, для своей бездѣльной корысти, и емлетъ на нихъ поминки большіе»; далѣе перечисляется, съ кого Шепелевъ вымогалъ деньги, всего 26 руб. 34 коп. Эта жалоба не помѣшала Шепелеву успѣшно продолжать свою карьеру. Подъ начальствомъ двухъ полковниковъ было отъ 52 до 60 ротъ численностью около 100 человѣкъ каждая. Вотъ составъ первой роты Шепелевскаго полка: подполковникъ, поручикъ, прапорщикъ, 3 сержанта, подпрапорщикъ, ротный писарь, 3 барабанщика, 4 капрала и 91 рядовой; всего въ ротѣ было 106 человѣкъ. Въ составъ выборныхъ полковъ вошло небольшое количество москвичей, а главную массу представляли изъ себя дѣти боярскія разныхъ городовъ, казачьи и стрѣлецкіе сыновья, иноземцы и вольные люди. Вновь вступающій давалъ по себѣ поручную запись, по которой 9—10 солдатъ ручались, что онъ со службы не сбѣжитъ, оружія и пороху не украдетъ, никакимъ воровствомъ заниматься не будетъ. Окладъ солдату выборнаго полка былъ не великъ—4 рубля.

Въ Москвѣ солдаты были расположены по обывательскимъ домамъ, и только впослѣдствіи образовался особый солдатскій поселокъ, Бутырская слобода, по которой и помѣщенный тамъ полкъ получилъ названіе Бутырскаго. Для обывателей солдатскій постой былъ тяжелой повинностью, отъ которой они старались всѣми силами освободиться, ссорились со своими постояльцами и даже ломали печи въ зимнее время, чтобы выморозить солдата или иностранца-офицера. Недисциплинированная солдатская толпа держала себя въ черной слободѣ, какъ въ завоеванной странѣ. Полковники были завалены дѣлами по жалобамъ на насилія и озорство солдатъ: то солдаты отбили нѣсколько барановъ изъ стада, которое гналъ мясникъ мимо двора, гдѣ находились безпокойные постояльцы; то они ограбили прохожаго, то избили въ пьяномъ видѣ перваго встрѣчнаго. Получая не-

значительное жалованье, солдаты находили средства для непробуднаго пьянства. Они занимались корчемствомъ, торговали табакомъ, объигрывали въ карты и въ зернь. Укажемъ на такіе случаи. Въ приказъ Новой чети приведены съ Козья болота (теперь Козиха) два солдата Шепелевскаго полка, одинъ «съ двадцатью съ двема бумажками табакомъ», а другой «съ виномъ да съ зерновыми костьми и съ карты, да у него-жъ взята чернеческая камилавка да треухъ, что черницы носятъ». Однажды бѣдная вдова въ сильный холодъ отправила своего сына-подростка въ баню париться и нарядила его въ свою женскую шубку. Малый вернулся домой безъ шубки; она оказалась на плечахъ задержаннаго по просьбѣ вдовы солдата, по имени Ганка Рожа, который увѣрялъ, что выигралъ ее въ зернь у неизвѣстнаго ему подьячаго. Правительство наказывало виновныхъ, било ихъ кнутомъ, ссылало въ дальніе города, но оно не всегда было въ состояніи арестовать виновныхъ и сдѣлать у нихъ обыскъ, такъ какъ солдаты крѣпко стояли одинъ за другого. Гордонъ разсказываетъ, какъ дьякъ въ сопровожде-



52—фунт. пищаль „Троилъ“, 38—фунт. пищаль „Медвѣдь“ 1590 г.

ніи 20—30 стрѣльцовъ явился въ Огородную слободу (близъ Мясницкой), гдѣ проживали солдаты, чтобы произвести у нихъ обыскъ по подозрѣнію въ корчемствѣ. Солдаты прогнали стрѣльцовъ до воротъ Бѣлаго города, гдѣ къ той и другой сторонѣ присоединились товарищи. Произошелъ настоящій бой, въ которомъ участвовало 700 стрѣльцовъ и 800 солдатъ. Послѣдніе оказались побѣдителями, но случайно въ это время изъ Кремля шелъ новый отрядъ въ 600 стрѣльцовъ, которые и захватили въ плѣнъ 22 солдата; они были биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь. Если ужъ стрѣльцы не могли справиться съ буйной солдатской толпой, то мирнымъ обывателямъ приходилось тщательно избѣгать какихъ-либо столкновеній со своими постояльцами-солдатами. Сотскій Дмитровской сотни отъ лица всѣхъ слобожанъ жалуется царю, что поставленные въ ихъ слободѣ солдаты, «стоя на дворахъ, озорничаютъ и торгуютъ виномъ и медомъ и табакомъ, и отъ того ихъ озорничества женамъ ихъ (слобожанъ) и дѣтямъ изъ дворовъ на улицу вытить не смѣть».

Въ мирное время полки новаго строя стояли подъ ружьемъ не круглый годъ, а собирались только осенью, послѣ окончанія полевыхъ работъ, на нѣсколько недѣль для обученія военному искусству; прочее время солдаты, рейтары и драгуны жили въ своихъ домахъ и занимались своимъ хозяйствомъ. Оставшіеся безъ дѣла офицеры жили преимущественно въ Москвѣ и получали половинное жалованье. Московскіе Выборные полки послѣ осенняго сбора также подлежали роспуску, но часть каждаго полка оставалась въ Москвѣ цѣлый годъ, при чемъ рядовые смѣнялись по очереди. Не отпускали изъ Москвы также тѣхъ солдатъ, которые жили дальше 300 верстъ отъ столицы. Въ отпускъ солдаты отправлялись группами въ сопровожденіи офицеровъ, которые слѣдили за своими подчиненными, чтобы они дорогой воровствомъ не занимались, не озорничали, кормовъ даромъ не брали. Оставшіеся въ Москвѣ солдаты ежедневно дважды, утромъ и вечеромъ, обучались подъ руководствомъ своихъ офицеровъ. Царь Алексѣй Михаиловичъ очень интересовался войсками новаго строя, дѣлалъ имъ смотры и инспектировалъ стрѣльбу.

Въ мирное время служба солдатъ была значительно легче и покойнѣе, чѣмъ служба стрѣльцовъ; поэтому, когда бояринъ Милославскій задумалъ изъ 500 солдатъ Выборнаго полка составить стрѣлецкій приказъ, то значительная часть этихъ солдатъ скрылась бѣгствомъ. Но во время войны положеніе солдатъ было опаснѣе положенія стрѣльцовъ, потому что войска новаго строя прежде другихъ отправлялись на театръ военныхъ дѣйствій и несли болѣе отвѣтственную службу. Солдаты Выборныхъ полковъ очень неохотно покидали Москву, отправляясь на войну или въ пограничные гарнизоны. Бѣжало изъ полковъ такъ много, что приходилось отправлять для поимки дезертировъ особыхъ сыщиковъ. Изъ роты Шепелевскаго полка, посланнаго на западную границу, бѣжали 43 человѣка, «а съ собою свели государевы лошади съ сѣдлы и съ уздами и ружье, мушкеты и банделеры и шпаги снесли». Можетъ быть, указанный случай былъ единственнымъ по количеству бѣжавшихъ, но во всякомъ случаѣ дезертировъ было такъ много, что изъ пойманныхъ былъ составленъ цѣлый полкъ. Бѣглецы, забирая съ собой казенное имущество, не щадили и своихъ начальниковъ: такъ, у Гордона убѣжалъ солдатъ его полка и увелъ съ собою лучшую лошадь своего командира.

Взаимное отношеніе между иностранцами и русскими, связанными военной службой въ полкахъ новаго строя, въ общемъ, было въ достаточной мѣрѣ благожелательное, но взаимное недовѣріе долго не могло сгладиться. П. Гордонъ разсказываетъ, какъ русскіе старались его обмануть, пользовались его незнаніемъ русскаго языка и давали подписывать такія бумаги, которыя причиняли ему немало хлопотъ, напр. несвоевременный отпускъ солдатъ. Но, съ другой стороны, тотъ же иностранецъ не всегда скрываетъ своего пренебрежительнаго отношенія къ русскимъ и дозволяетъ себѣ такія дѣйствія, отъ которыхъ онъ воздержался бы въ обществѣ иностранцевъ. Подчиненный ему капитанъ Спиридоновъ своими самовольными поступками надъ солдатами навлекъ на себя неудовольствіе своего непосредственнаго начальника, Гордона, и тотъ рѣшилъ его проучить. Онъ

Верхнія одежды мужчинъ и женщинъ.

Изъ книги Адама Олеарія—«Путешествіе въ Московію».

Вооруженіе русскихъ всадниковъ.

Изъ нѣмецкаго изданія «Московіи» Герберштейна, 1575 года.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ

пригласилъ къ себѣ капитана и безъ свидѣтелей жестоко избилъ его дубовой палкой. Когда Спиридоновъ сталъ жаловаться, то Гордонъ отъ всего отрекся и за отсутствіемъ уликъ былъ оправданъ. Дьяка, который явился, чтобы передать приказъ о переводѣ Гордона на другую квартиру, солдаты по примѣру, поданному самимъ Гордономъ, такъ избили, что тотъ бѣжалъ со своими провожатыми и въ суматохѣ лишился шапки, унизанной жемчугомъ, и шейной ленты изъ жемчуга, стоимостью въ 60 рублей. Съ теченіемъ времени отношенія между русскими и иностранцами все улучшались; тѣ и другіе привыкли понимать и цѣнить другъ друга.

Русская артиллерія имѣетъ за собой очень почтенную давность. Еще при Дмитріи Донскомъ были привезены изъ-за границы первыя желѣзныя орудія—«арматы». При сынѣ Донского Василіи I въ Москвѣ изготовляли свой порохъ. Василій Темный имѣлъ уже такъ много пушекъ иностраннаго дѣла, что ими были вооружены московскіе валы и стѣны. Иванъ III приказалъ отливать пушки въ Москвѣ и устроилъ для этой цѣли Пушечный дворъ. Руководители этого дѣла были иностранцы, среди которыхъ выдѣлялся знаменитый Альберти Фіоравенти, но ученики ихъ, русскіе люди, оказались настолько способными, что скоро пушечно-литейное дѣло находилось всецѣло въ рукахъ русскихъ мастеровъ, которые съ успѣхомъ завѣдывали Пушечнымъ дворомъ, расположеннымъ на берегу рѣчки Неглинной, въ приходѣ св. Софіи-Премудрости. Они быстро усваивали новѣйшія изобрѣтенія иностранцевъ и дѣлали попытки примѣнять ихъ въ Московскихъ мастерскихъ. Фальконеты были изобрѣтены итальянцами въ 1536 г., а черезъ 9 лѣтъ на нашемъ Пушечномъ дворѣ были уже отлиты 16 пуд. «валконейки». При царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ появилась цѣлая плеяда дѣятельныхъ пушечныхъ мастеровъ, С. Дубининъ, А. Чоховъ и др. Чоховъ отлилъ въ 1586 г. Царь-Пушку, калибромъ въ 35 дюймовъ и вѣсомъ въ 2400 пудовъ, которая до сихъ поръ стоитъ въ Московскомъ Кремлѣ. Стрѣлять изъ этой пушки нельзя; она имѣла больше декоративное значеніе и должна была внушить ожидавшимся тогда крымскимъ посламъ высокое понятіе о русской силѣ. Впослѣдствіи, по словамъ иностранцевъ, въ дуло пушки забирались любители поиграть въ карты.

Въ теченіе XII вѣка артиллерійское дѣло все развивается, число орудій достигаетъ 2000. Артиллерія была разнаго типа, полевая, крѣпостная и осадная. Когда Шеинъ двинулся въ свой несчастный походъ подъ Смоленскъ, то съ нимъ была отпущена осадная пушка «Инрогъ», которую везли при помощи 74 подводъ. Пушки были самаго разнообразнаго калибра, каждый мастеръ по-своему опредѣлялъ длину орудія, толщину стѣнокъ, наружныя украшенія и пр. До нашего времени сохранились двѣ пушки, стрѣлявшія одинаковыми снарядами въ 3 фунта; одна изъ нихъ вѣсомъ въ 6 пудовъ 2 фунта, другая 33 пуда 10 фунтовъ; разница въ длинѣ достигаетъ аршина. Свобода дѣйствій, предоставленная пушечнымъ мастерамъ, имѣла ту хорошую сторону, что каждый изъ нихъ могъ по своему разумѣнію улучшать типъ орудія, и нарѣзныя пушки появились у насъ значительно раньше, чѣмъ въ Западной Европѣ. Каждая пушка имѣла свое имя: Собака, Соловей, Барсъ, Ахиллесъ, Хвастуша и пр.

Значительная часть артиллеріи, или какъ тогда называли наряда, находилась въ Москвѣ и тамъ распредѣлялась по полкамъ. На Красной площади на двухъ помостахъ, «раскатахъ», у храма Василія Блаженнаго и у Казанскаго собора изстари лежало по двѣ пушки большого размѣра. Предпріимчивые москвичи утилизировали эти раскаты, расположенные на самомъ бойкомъ мѣстѣ Москвы, и подъ пушками устроили лавки и погреба. Въ 1688 г. Гостинной сотни Дмитрій Даниловъ получилъ разрѣшеніе, вмѣсто подгнившаго деревяннаго, соорудить на свои средства новый каменный раскатъ для пушекъ противъ Казанскаго собора, построить тамъ лавки и погреба и торговать безпошлинно въ теченіе десяти лѣтъ въ этихъ лавкахъ яблоками, сапогами, ножами, свѣчами, овощами, харчемъ, хлѣбомъ, калачами и ветошнымъ товаромъ, а въ погребахъ—уксусомъ, яблочнымъ квасомъ и краснымъ питьемъ. Помѣщавшіяся на раскатѣ пушки носили названія Кашпирова и Ехидна.

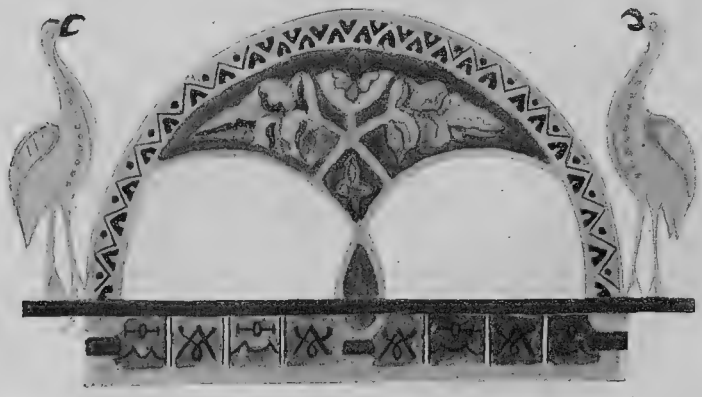
Артиллеріей завѣдывалъ Пушкарскій приказъ, начальникъ котораго имѣлъ въ своемъ распоряженіи многочисленныхъ пушкарей, затинщиковъ, служившихъ при особенно большихъ пищаляхъ, воротниковъ, защищавшихъ городскія ворота, гранатчиковъ, кузнецовъ и плотниковъ, необходимыхъ для починки орудій и лафетовъ. Всѣ эти разряды служилыхъ людей имѣли своихъ головъ, старостъ и десятскихъ, жили особыми слободами, память о которыхъ сохранилась въ Московскихъ мѣстныхъ названіяхъ: о Пушкарской слободѣ напоминаетъ намъ церковь Сергія въ Пушкаряхъ, въ переулкѣ близъ Срѣтенки; названіе улицы Кузнецкій мостъ показываетъ, что тутъ, близъ Пушечнаго двора, жили кузнецы; за Москвой рѣкой имѣется Кузнецкая улица, у Никитскихъ воротъ — Гранатный переулокъ, между Тверской и Дмитровкой—Воротниковскій переулокъ, на Арбатѣ—церковь Никола въ Плотникахъ. Самой обширной слободой была Пушкарская, въ ней жило со своими семьями отъ 480 до 600 пушкарей. Во главѣ пушкарей стоялъ голова, исполнявшій въ слободѣ тѣ же обязанности, какія несли въ черныхъ слободахъ объѣзжіе головы: онъ назначалъ десятскихъ и сторожей, слѣдилъ, чтобы въ слободѣ не проживалъ никто изъ постороннихъ, чтобы пушкари не пьянствовали, не озорничали, никакимъ воровствомъ не занимались, не топили печей въ пожарное время, держали въ исправности противопожарныя снасти. Мѣры противъ пожаровъ сильно заботили Пушкарскій приказъ, особенно для тѣхъ мѣстностей, гдѣ находилась пороховая мельница и гранатный дворъ. Приказъ объявлялъ: «будетъ чьимъ небреженіемъ учинится пожаръ, и тѣмъ быти казненнымъ смертью».

Артиллерійская служба была пожизненной и наслѣдственной. Если Московскихъ пушкарей оказывалось не достаточно, то приказъ дѣлалъ выборъ среди провинціальныхъ пушкарей, служба которыхъ была не такъ почетна и менѣе оплачивалась. Въ Москву приглашали тѣхъ, которые «люди добрые, животами прожиточны, и семьянисты, и нестары, и неувѣчны, и съ Московскую пушкарскую службу и съ пушечную стрѣльбу ихъ будетъ». Послѣднее условіе показываетъ, что съ Московскихъ пушкарей требовалась большая опытность въ артиллерійскомъ дѣлѣ, чѣмъ съ

городовыхъ. Новый пушкарь представлялъ поручную, подписанную старыми пушкарями, что онъ со службы не сбѣжитъ, не будетъ красть, знаться съ ворами, играть въ зернь, заниматься корчемствомъ и не причинитъ казнѣ никакого матеріальнаго ущерба. Заниматься ремеслами и торговлей пушкарямъ разрѣшалось, и этимъ разрѣшеніемъ они широко пользовались. По пушкарѣ Иванѣ Ивановѣ поручилось 20 Московскихъ пушкарей и при каждомъ обозначено его ремесло: портной, красильщикъ, шапочникъ, рыбникъ, свѣчникъ и пр. Всѣ поручители оказались неграмотными, и за нихъ расписался пушкарь Елисей Умниковъ. Каждый пушкарь, затинщикъ, кузнецъ и пр. получалъ въ соотвѣтствующей слободѣ дворовое мѣсто. Кузнецы жаловались царю: «Дворовыя мѣста у насъ впредь непрочно: покамѣста служимъ твою государеву службу, потамѣста тѣми дворовыми мѣстами и владѣемъ; а кого отставятъ или не станетъ, и послѣ насъ женишкамъ нашимъ и дѣтишкамъ тѣми мѣстами владѣть не даютъ, а тѣмъ кузнецамъ, кто на мѣсто станетъ». Царь приказалъ оставлять семьи кузнецовъ въ ихъ дворахъ. Кромѣ дворового мѣста, Пушкарскій приказъ давалъ своимъ служащимъ ежегодное жалованье деньгами и хлѣбомъ. При Грозномъ пушкари получали по 2 рубля съ гривною, а при Алексѣѣ Михаиловичѣ по 5 рублей и по сукну въ 2 рубля.

Внѣшній видъ орудій и Московскихъ пушкарей, болѣе опытныхъ въ своемъ дѣлѣ и лучше одѣтыхъ, чѣмъ городовые, производилъ на иностранцевъ благопріятное впечатлѣніе. Вотъ отзывъ одного изъ пріѣхавшихъ по посольскимъ дѣламъ въ Москву иностранцевъ: «Мы увидѣли около 20 желѣзныхъ орудій, которыя, какъ намъ сказали, всѣ были выкованы, а не отлиты, нѣкоторыя изъ нихъ были совершенно гладки и въ различныхъ мѣстахъ позолочены; лежали они на роскошно расписанныхъ и позолоченныхъ лафетахъ. У каждаго орудія стояли 2 пушкаря съ позолоченными бляхами на груди, украшенными гербами его царскаго величества. Въ рукахъ у нихъ были полумѣсяцы (бердыши) и фитили, на которыхъ былъ гербъ его царскаго величества». Московскіе цари положили много заботъ объ устройствѣ артиллеріи и слѣдили за развитіемъ этого дѣла. Грозный иногда выѣзжалъ за городъ, чтобы устроить артиллерійское ученіе: два крѣпкихъ сруба наполняли землей и затѣмъ разстрѣливали изъ пушекъ. Царь Алексѣй Михаиловичъ тоже любилъ это дѣло и иногда «изволилъ тѣшиться, стрѣлять изъ пушекъ и изъ гранатовъ». Онъ любилъ показывать свою артиллерію иностранцамъ, отзывы которыхъ докладывались царю. Въ 1673 г. датскій резидентъ Магнусъ Гей вмѣстѣ съ послами персидскимъ и мунгальскимъ и съ донскими казаками осматривалъ въ Ваганьковѣ артиллерію и говорилъ, «что порохъ доброй» и что «такія великія стрѣльбы изъ гранатовъ не единожды не видалъ; а если бы изъ тѣхъ гранатъ и изъ пушекъ была стрѣльба ночью, далече бы лучи показались». Сопровождавшіе резидента русскіе чиновники съ гордостью сообщили, что прежде гранаты дѣлали нѣмцы, а теперь русскіе, и что новыя гранаты лучше прежнихъ. Казаки заявили: «такой стрѣльбы, какъ и родились, и до нынѣ не слыхали».

Таково было устройство Московскихъ войскъ. Изъ предыдущаго изложенія можно видѣть, что техническая сторона военнаго дѣла была поставлена въ Россіи удовлетворительно; правительство не жалѣло матеріальныхъ средствъ, чтобы ввести съ помощью иностранныхъ инструкторовъ новый строй, снабдить войско хорошимъ оружіемъ; безъ сожалѣнія разставалось съ дешево стоившей дворянской конницей, въ составъ которой входили люди, мѣтко охарактеризованные крестьяниномъ-патріотомъ И. Посошковымъ: «сосѣдямъ своимъ страшенъ, яко левъ, а на службѣ хуже козла». Но и въ лучше устроенныхъ стрѣлецкихъ и солдатскихъ полкахъ не хватало одного качества, подмѣченнаго Котошихинымъ: «Россійскаго государства люди породою своею спѣсивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ». Недостаточно улучшать типы пушекъ и вводить усовершенствованныя ружья, надо подумать объ умственномъ развитіи личнаго состава войскъ, начиная отъ рядового и кончая генераломъ. Петръ Великій, заставившій своихъ солдатъ учиться наукамъ, далъ потомкамъ священный завѣтъ, раскрылъ имъ тайну, какъ достигнуть военной мощи: надо заводить школы.



Изъ Псалтыря, писаннаго въ 1500 г.

Положеніе низшихъ классовъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. [1]).

В. Я. Уланова.

I.

XVI и XVII вв. представляются одной изъ самыхъ критическихъ эпохъ въ Русской исторіи. Въ это время окончательно ликвидируются удѣльныя переживанья; объединенная подъ властью единаго государя вокругъ Москвы великорусская народность въ тяжелыхъ мукахъ создаетъ новый государственный строй; вырождается династія Рюриковичей, развязывая внутренне еще несросшіяся части Московскаго государства, которое переживаетъ страшный кризисъ—Смутное время; послѣ него активно участвующій въ возстановленіи устоевъ жизни и порядка народъ приноситъ величайшую жертву будущему Россіи, кристаллизируясь по сословіямъ, взвалившимъ на себя тяжелое бремя военной службы въ верхнихъ и крѣпостного тягла въ нижнихъ слояхъ. Главная тяжесть всего этого сложнаго и труднаго процесса легла на нижніе слои, въ частности—крестьянство, которое, когда-то свободное, подъ давленіемъ государственныхъ повинностей и нуждъ опершагося на крестьянство служилаго сословія и церкви, было вытѣснено изъ сферы свободнаго гражданскаго состоянія, постепенно слившись съ безправной массой холопства.

Чтобъ понять эту легшую въ фундаментъ Московскаго государства соціальную смѣсь въ ея бытовыхъ чертахъ, нельзя обойтись хотя бы безъ самаго краткаго описанія гражданскаго и соціальнаго положенія составляющихъ ее крайнихъ элементовъ, до ихъ сліянія.

Холопство на Руси, вообще говоря, представляло совершенно безправный институтъ, хотя въ разсматриваемое время въ его состояніи наблюдались замѣтныя измѣненія. Различались холопы полные отъ кабальныхъ.

---

[1]) О положеніи «посадскихъ людей» см. въ статьѣ Ю. В. Готье въ III вып. настоящаго изданія.

Полный холопъ отъ временъ Русской Правды—рабъ, вещь въ рукахъ господина. Психологически да развѣ еще въ силу церковныхъ предписаній рабовладѣлецъ различалъ холопа отъ вещи и животнаго; юридически же господинъ могъ продать холопа, отнять у него имущество, пріобрѣтенное его промысломъ, даже убить его «по винѣ». Только къ серединѣ XVII в. законодательство пытается защитить бѣглаго холопа, «накрѣпко приказывая, чтобы господинъ того своего человѣка до смерти не убилъ, и не изувѣчилъ, и голодомъ не уморилъ». Но практика, какъ увидимъ, далека была отъ этихъ пожеланій законодательства.

Съ противоположной въ правовомъ отношеніи позиціи началось закрѣпощеніе крестьянъ, конечнымъ этапомъ котораго было холопское гражданское безправіе.

Вообще говоря, крестьяне въ удѣльный періодъ, да и въ началѣ разсматриваемаго времени, были свободнымъ классомъ. Они имѣли право переходить не только изъ помѣстья въ помѣстье частныхъ собственниковъ одного и того же княжества, но и кочевать изъ одного княжества въ другое, если ихъ не удерживали гражданскія добровольныя обязательства по отношенію къ землевладѣльцу. Но въ XVI и XVII вв. по разнымъ причинамъ политическаго и хозяйственнаго характера (открытіе новыхъ мѣстъ колонизаціи по завоеваніи Казани, ссуды для устройства на новыхъ мѣстахъ и т. д.) усиливается задолженность крестьянъ у частныхъ собственниковъ. Крестьянинъ, садившійся на землю помѣщика или монастыря, письменно обязывался заплатить землевладѣльцу: 1) оброкъ (натуральный взносъ продуктами своего хозяйства), 2) издѣліе (работа на помѣщика), 3) пожилое (за пользованіе строеніями), 4) повозъ (плату съ каждаго вывозимаго воза пожитковъ, при переходѣ къ другому землевладѣльцу), наконецъ, 5) государевы подати и повинности. Все это составляло большіе расходы, заставлявшіе крестьянина входить въ неоплатные долги къ землевладѣльцу, который охотно давалъ крестьянину ссуду подъ большіе проценты (20%), при обязательствѣ послѣдняго не уходить съ земли, пока долгъ не будетъ выплаченъ, и чѣмъ больше крестьянинъ жилъ на землѣ даннаго владѣльца, тѣмъ труднѣе для него было выплатить все болѣе нароставшіе долги: оставалось или бѣжать, или новымъ займомъ погасить старый долгъ, чтобы попасть въ руки къ новому кредитору. Такимъ образомъ гражданское долговое обязательство легло въ основу прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Въ дальнѣйшемъ необходимость обезпечить экономически военно-служилый классъ, который съ заселенныхъ земель несъ свою службу, а также желаніе обезпечить исправный взносъ податей съ волостныхъ, вольныхъ отъ помѣщиковъ государевыхъ земель побудили правительство издать рядъ распоряженій, постепенно прикрѣплявшихъ крестьянъ. Сначала установлены были сроки выхода крестьянъ, затѣмъ сроки давности возвращенія бѣглыхъ, не уплатившихъ долговъ, наконецъ, совсѣмъ запрещенъ былъ выходъ съ тѣхъ земель, на которыхъ застало крестьянъ внесеніе ихъ въ писцовыя книги, и крестьяне были отданы помѣщикамъ-землевладѣльцамъ, какъ статья дохода, уступленная государствомъ въ качествѣ вознагражденія военно-служилому классу за службу.

Правда, въ разсматриваемое время крестьянинъ еще не потерялъ своихъ гражданскихъ правъ, государственная власть еще ограждала его отъ жестокихъ насилій, непосильныхъ вымогательствъ и произвола помѣщика; но съ другой стороны, то же законодательство стало смѣшивать имущество крестьянина съ собственностью помѣщика, обращая взысканія съ несостоятельнаго землевладѣльца на имущество его крестьянъ; личностью крестьянина расплачивалось оно за убійство и убытки его помѣщика, вручало помѣщику судебную власть надъ крестьяниномъ и обязанность защищать его на судѣ...

Вмѣстѣ съ юридическимъ происходило и психологическое сліяніе крестьянъ съ холопами въ глазахъ землевладѣльцевъ, чему содѣйствовало какъ то обстоятельство, что теперь нуждающіеся въ рабочихъ рукахъ помѣщики сажали на крестьянское тягло холоповъ, такъ и то, что разорившіеся, вчера свободные, крестьяне вынуждаемы были продаваться въ холопство.

Установились, кромѣ того, промежуточныя переходныя формы, которыя не отнимали у потерявшаго свободу надежды возвратить ее. Это такъ называемые кабальные холопы. Вначалѣ это были «кабальные люди», работавшіе у кредитора за проценты съ занятаго капитала и всегда юридически имѣвшіе возможность прекратить право кредитора на свой трудъ уплатой долга; къ концу XVI в. и они подъ именемъ «кабальныхъ холоповъ» превращены въ холоповъ своего кредитора до смерти послѣдняго, послѣ которой получали свободу.

Рядомъ съ ними существовали или, лучше сказать, доживали свои послѣдніе дни добровольные слуги, вольнонаемные рабочіе изъ отпущенныхъ на волю холоповъ или свободныхъ людей. Нѣкоторые набожно-настроенные люди предпочитали пользоваться услугами подобныхъ лицъ и призывали (какъ, напр., попъ Сильвестръ) и другихъ къ тому же, но ихъ призывъ былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ — въ государствѣ, въ которомъ практически привыкли приводить населеніе къ двумъ знаменателямъ—военно служилымъ холопамъ государя и тяглымъ холопамъ помѣщика, монастыря и общины (на волостныхъ земляхъ). При такомъ образѣ мышленія вольный слуга былъ бѣльмомъ на глазу у общества и государства, которое издаетъ указы, то не признающіе законности сдѣлки господина съ свободнымъ слугою на свободныя услуги, то прямо разрѣшающіе обращать въ кабальнаго холопа вольнаго слугу, прожившаго полгода у хозяина по добровольному найму.

Такъ, въ XVI—XVII вв. сливались юридически низшіе классы русскаго народа въ одноцвѣтную безправную массу съ едва замѣтными тѣневыми полосами, говорившими скорѣе о разницѣ ихъ правового положенія въ прошломъ, чѣмъ о фактически-существенномъ различіи бытового положенія ихъ въ настоящемъ.

Неудивительно поэтому, что русскіе источники и особенно иностранцы, наблюдавшіе жизнь Московскаго государства въ XVI—XVII вв., находятъ возможнымъ говорить о бытѣ только двухъ слоевъ русскаго общества — высшихъ—благородныхъ и низшихъ — холоповъ и мужиковъ, разсматривая послѣднихъ, какъ однородную въ бытовомъ отношеніи массу.

II.

Для иностранцевъ, наблюдавшихъ русскую дѣйствительность въ XVI—XVII вв., весь строй русской жизни сверху донизу представлялся проникнутымъ духомъ рабства и связанныхъ съ нимъ пороковъ.—«Правленіе у нихъ чисто тираническое,—писалъ Флетчеръ:—всѣ его дѣйствія клонятся къ пользѣ и выгодамъ одного царя... самымъ явнымъ и варварскимъ образомъ. Это видно изъ... угнетенія дворянства и простого народа, равно какъ изъ податей и налоговъ, въ коихъ они не соблюдаютъ ни малѣйшей справедливости, не обращая никакого вниманія какъ на высшее сословіе, такъ и на простолюдиновъ. Впрочемъ, дворянству дана несправедливая и неограниченная свобода повелѣвать простымъ или низшимъ классомъ народа и угнетать его во всемъ государствѣ, куда бы лица этого сословія ни пришли, но въ особенности тамъ, гдѣ они имѣютъ свои помѣстья или гдѣ опредѣлены царемъ для управленія». Въ частности, особенно въ жалкомъ и рабскомъ состояніи находится низшій классъ народа въ Россіи. Вдумчивый наблюдатель пытается объяснить источникъ этого состоянія. «О свободѣ низшихъ классовъ, въ какой мѣрѣ они ею пользуются,—пишетъ Флетчеръ,—можно судить потому, что они не причастны ни къ какому разряду (?) и не имѣютъ ни голоса, ни мѣста на соборѣ, гдѣ утверждаются законы и публичныя постановленія, ибо остальные два класса, т. е. дворянство и духовенство, довольствуются тѣмъ, чтобы все бремя лежало на простолюдинахъ и что могутъ облегчить сами себя, сваливая все на нихъ».

Флетчеръ, какъ сынъ свободнаго народа, нѣсколько сгустилъ краски, такъ какъ и крестьяне («уѣздные люди» и крестьяне дворцовыхъ селъ) посылали своихъ выборныхъ на нѣкоторые соборы (правда, въ XVII в.) а, съ другой стороны, и дворяне съ духовенствомъ не были законодателями, какъ не былъ парламентомъ земскій соборъ, но общая тенденція фактическаго порабощенія низшихъ классовъ властью и служилымъ элементомъ отмѣчена имъ вѣрно. Тотъ же рабскій духъ, проникшій во всѣ слои русскаго общества, единогласно и ярко выдвигаютъ и другіе иностранцы—Герберштейнъ (сред. XVI в.) и Олеарій (сред. XVII в.). Послѣдній рисуетъ основную черту русскаго общества, а въ частности низшихъ его слоевъ въ такихъ живыхъ и мрачныхъ краскахъ: «Такъ какъ русскіе по природѣ своей грубы и какъ бы рождены для рабства, то ихъ и держатъ всегда въ суровомъ и строгомъ подчиненіи и покорности, и даже на работу сгоняютъ ихъ палками или плетью, къ каковому обращенію они довольно терпѣливы, потому что его требуетъ нравственное ихъ состояніе, и они привыкли къ этому... Всѣ русскіе суть рабы и крѣпостные (Leibeigene). У нихъ уже такой обычай и образъ унижаться передъ другими: когда имѣютъ дѣло съ какимъ-нибудь знатнымъ господиномъ, они привѣтствуютъ его земнымъ поклономъ, наклоняютъ низко голову, касаясь ею даже до земли, а иногда и просто валяются у него въ ногахъ, и такимъ образомъ благодарятъ даже за побои и наказанія, которымъ онъ подвергалъ ихъ.

Gravüre Mezzotinto Brückmann München.

Крестный ходъ

Изъ кн. „Избраніе на царство Михаила Федоровича Романова“.

Красная площадь въ XVIII столѣтіи.

Съ современной гравюры.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

Подобно тому, какъ всѣ подданные, высшаго и низшаго состоянія, считаются холопами, рабами и крѣпостными царя, такъ и бояре русскіе и знатные ихъ люди, въ свою очередь, имѣютъ своихъ рабовъ, крѣпостныхъ слугъ и крестьянъ.... Великіе бояре за преступленія свои подвергаются такимъ же варварскимъ наказаніямъ, какимъ подвергаютъ они своихъ собственныхъ рабовъ».

Въ этой характеристикѣ невѣрно развѣ то, что Олеарій выводитъ рабскій духъ, покорность и униженія русскихъ изъ особыхъ свойствъ «природы русскихъ, которые точно рождены для рабства»: горделивое сознаніе превосходства германской расы надъ славянской (Sclaven) затемнило въ глазахъ автора тѣ экономическіе и государственные процессы, которые являются всюду и вездѣ основными факторами нравовъ, измѣняющими «природу» націй, съ силою могучаго потока смывающими одни и наносящими другіе пласты.

Въ атмосферѣ московской дѣйствительности и нѣмцы превращались въ рабовъ, и это извѣстно Олеарію, который разсказываетъ про нѣмца-врача, ползавшаго на четвереньках предъ Борисомъ Годуновымъ.

Этотъ процессъ нами былъ отмѣченъ въ первой главѣ; не ускользнулъ онъ и отъ наблюдательнаго глаза иностранныхъ и русскихъ писателей разсматриваемаго времени. Не потому «русскихъ сгоняли палками и плетью на работу, что того требовали ихъ нравственное состояніе и привычка, а потому у нихъ выработалось такое состояніе и привычка, что ихъ сгоняли палками и плетью на работу»—въ такой формулѣ можно было бы обобщить взгляды бытописателей русской жизни на причины развитія рабскаго духа въ русскомъ народѣ.

Права народа не были обезпечены государственной властью ни противъ произвола властей, ни противъ насилія высшихъ классовъ. «Что касается до земель, движимаго имущества и другой собственности простого народа, — говоритъ Флетчеръ — то все это принадлежитъ ему только по названію, а на самомъ дѣлѣ нисколько не ограждено отъ хищничества какъ высшихъ властей, такъ даже и простыхъ дворянъ, чиновниковъ и солдатъ. Кромѣ податей, пошлинъ, конфискацій и другихъ публичныхъ взысканій, налагаемыхъ царемъ, простой народъ подверженъ такому грабежу и такимъ поборамъ отъ дворянъ, разныхъ властей и царскихъ посыльныхъ по дѣламъ общественнымъ, что случается видѣть многіе деревни и города, въ полмили или въ цѣлую милю длины, совершенно пустые, народъ весь разбѣжался по другимъ мѣстамъ отъ дурного съ ними обращенія и насилій». Съ флетчеровскимъ описаніемъ «явнаго и варварскаго образа» взиманія податей и повинностей вполнѣ согласуется свидѣтельство другихъ источниковъ. Герберштейнъ пишетъ: «Поселяне работаютъ на своего господина шесть дней (?) въ недѣлю, седьмой же день предоставленъ имъ на собственную работу [1]). Они имѣютъ нѣсколько своихъ полей и луговъ, которые даетъ имъ господинъ и отъ которыхъ они кормятся. Впрочемъ, положеніе ихъ самое жалкое, потому что ихъ имущество

[1]) Едва ли здѣсь имѣются въ виду свободные крестьяне: вѣроятно, такою работою были обременены холопы и кабальные люди, жившіе на поляхъ владѣльцевъ.

подвержено грабежу благородныхъ и воиновъ, у которыхъ они называются крестьянами въ презрительномъ смыслѣ или черными людишками».

Въ живой картинѣ обрисовываетъ наблюдатель тотъ страхъ и безпокойство, которые были постоянными спутниками снискиванія въ потѣ лица хлѣба низшими классами. — «Если у кого есть какая собственность, то старается онъ скрыть ее, сколько можетъ, иногда отдавая въ монастырь, а иногда зарывая въ землю и въ лѣсу, какъ обыкновенно дѣлаютъ при нашествіи непріятельскомъ. Этотъ страхъ простирается, напр., у торговцевъ до того, что весьма часто можно замѣтить, какъ они пугаются, когда кто изъ бояръ или дворянъ узнаетъ о товарѣ, который они намѣрены продать. Я нерѣдко видалъ, какъ они, разложа товаръ свой, все оглядывались и смотрѣли на двери, какъ люди, которые боятся, чтобы ихъ не настигъ и не захватилъ какой-нибудь непріятель. Когда я спросилъ ихъ, для чего они это дѣлали, то узналъ, что они сомнѣвались, не было ли въ числѣ посѣтителей кого-нибудь изъ царскихъ дворянъ, или какого сына боярскаго, и чтобъ они не пришли со своими сообщниками и не взяли у нихъ насильно весь товаръ»...

Еще больше, чѣмъ отсутствіе вещной неприкосновенности, принижало личность и создавало «рабскую природу» въ низшихъ классахъ русскаго общества то неуваженіе къ личности, которымъ проникались и власть и близкіе къ ней служилые люди по отношенію къ тяглому и рабочему люду.

Домострой, этотъ сборникъ благочестивыхъ желаній настолько же, насколько—зеркало московской дѣйствительности, при всей осторожности его автора, допускаетъ «учити слугъ добромъ и лихомъ; не имѣть (не воздѣйствуетъ) слово — ино ударитъ... а не кается о грѣхѣ своемъ и о винѣ, то уже наказаніе жестоко надобеть». Разрѣшалось для высшаго порядка «пользовать страхомъ» и невинныхъ слугъ. «Если людямъ твоимъ случится съ кѣмъ брань гдѣ-нибудь; а кручиновато дѣло, и ты и ударь, хотя и твой правъ: тѣмъ брань утолиши»... Нѣкто Соловцовъ въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи проситъ разрѣшить его за то, что онъ погрѣшилъ противъ слугъ своихъ «во своей кручинѣ—боемъ по винѣ и не по винѣ, насиліемъ женъ и дѣвственнымъ растленіемъ и преданіемъ иныхъ смерти»... Съ этимъ признаніемъ совпадаютъ наблюденія Флетчера: «когда кто убьетъ своего человѣка, то весьма мало за него отвѣчаетъ, или вовсе не считается виновнымъ по той же причинѣ, что слуга признается холопомъ или крѣпостнымъ, надъ жизнью котораго господинъ имѣетъ полную власть».

Подобное отношеніе къ рабамъ переносилось и на свободныхъ. Герберштейнъ, говоря о ничтожной заработной платѣ ремесленниковъ, замѣчаетъ: «если ихъ не прибить хорошенько, они не будутъ прилежно работать. Я слышалъ, что иногда слуги жаловались, что господа недостаточно бьютъ ихъ. Они думаютъ, что господа ими недовольны, и что если ихъ не бьютъ, то это знакъ немилости». Характерно и замѣчаніе Олеарія, будто «простолюдины привѣтствуютъ знатнаго господина земными поклонами, а иногда и просто валяются у него въ ногахъ, и такимъ образомъ благодарятъ даже за побои и наказанія, которымъ онъ подвергалъ ихъ».

Гражданской и нравственной приниженности простого народа вполнѣ отвѣчало и внѣшнее его убожество. При неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ едва ли у простолюдина было влеченіе къ домовитости. Котошихинъ прямо подтверждаетъ эту мысль: «ежели торговый человѣкъ и крестьянинъ построится добрымъ самымъ обычаемъ, и на него положатъ на всякой годъ податей больше. И отъ того Московскаго государства люди домами своими живутъ негораздо устроенными, и города и слободы безъ устроенія жъ».

Прочность и пригодность крестьянскихъ построекъ, по крайней мѣрѣ на частновладѣльческихъ земляхъ, по оффиціальнымъ даннымъ, не превышала четырехъ лѣтъ: объ этомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, можно заключать изъ вносимаго крестьянами владѣльцу за пользованіе жилищемъ «пожилого въ полѣ — рубль, а въ лесѣхъ полтина». Плата эта разлагалась на четыре года. Пожившій во дворѣ одинъ годъ платилъ $^1/_4$ пожилого; три года—$^3/_4$ и т. д. «Предполагалось, что къ исходу четвертаго года крестьянинъ долженъ сдѣлать свой дворъ негоднымъ къ употребленію, а потому за четыре года съ него и беруть всю цѣну двора». (В. Сергѣевичъ, Юрид. Древн.). Эта догадка подтверждается наблюденіями современниковъ. Олеарій говоритъ: «Вообще русскіе живутъ плохо, и на домашнее обзаведеніе ихъ требуется весьма немного. Большая часть русскихъ, особенно изъ простонародія, расходуетъ на свое житье-бытье весьма мало. Какъ жилища ихъ плохи и бѣдны, точно такъ и запасы, и домашняя утварь, находящаяся въ этихъ жилищахъ, крайне ничтожны и не обильны, хотя и достаточны для нихъ. У большей части хозяевъ найдется 3—4 глиняныхъ горшка и столько же глиняныхъ или деревянныхъ блюдъ. Русскіе не привыкли держать чище свою посуду или полировать ее... ни въ одномъ домѣ, ни у богатыхъ, ни у бѣдныхъ, посуда не разставляется, какъ украшеніе, и видны однѣ голыя стѣны. Пуховики изъ перьевъ рѣдко у кого бываютъ, большинство же не употребляетъ никакихъ перинъ и спитъ на подушкахъ, на соломѣ, рогожѣ, или на своей одеждѣ. Мѣста для спанья у нихъ обыкновенно лавки, а зимою—печи; въ нихъ они готовятъ себѣ кушанье, а вверху устраиваютъ гладкія площадки, на которыхъ и спятъ всѣ повалкой: мужъ, жена, дѣти, слуги и дѣвицы. Подъ печью и лавками, по селеніямъ, видали мы въ нѣкоторыхъ избахъ свиней и куръ». «Сѣни у домовъ довольно просторны и высоки, двери же въ жилищахъ низки, такъ что желающій войти долженъ присѣдать и наклоняться» (Герберштейнъ).

Одежда низшихъ классовъ скорѣе соотвѣтствовала ихъ бѣдности, чѣмъ климату. «Люди на рынкахъ и на улицахъ въ городахъ испытываютъ надъ собою дѣйствіе мороза: одни совсѣмъ замерзаютъ, другіе падаютъ на улицахъ; многихъ привозятъ въ города сидящими въ саняхъ и замерзшими въ такомъ положеніи!» (Флетчеръ). Едва ли въ данномъ случаѣ дѣло въ одномъ климатѣ. Тотъ же писатель говоритъ: «Простолюдины одѣваются очень бѣдно: мужчина ходитъ въ однорядкѣ или широкомъ платьѣ, которое спускается до самыхъ пятъ и подпоясано кушакомъ, изъ грубаго бѣлаго или синяго сукна. Съ надѣтою подъ ними шубою, въ мѣховой

шапкѣ и сапогахъ. Лѣтомъ обыкновенно не носятъ они ничего, кромѣ рубахи на тѣлѣ, штановъ и сапогъ на ногахъ» (Флетчеръ). «Штаны носятъ они вверху широкіе, собранные на тесьмѣ, на которой они распускаютъ ихъ шире или стягиваютъ уже, смотря по надобности. Поверхъ рубашки они носятъ узкіе кафтаны, длинные, до колѣнъ.

Рукава въ этихъ кафтанахъ такой же почти длины, какъ и самые кафтаны, но чрезвычайно узки; при надѣваніи рукава эти собираются на руки во множество складокъ такъ, что едва возможно бываетъ высунуть изъ нихъ руки наружу; иногда въ ходьбѣ рукава эти распускаются съ руки во всю ихъ длину и висятъ гораздо длиннѣе рукъ. Холопы и мошенники въ такихъ рукавахъ нерѣдко скрываютъ камни или дубины, съ которыми нападаютъ, особенно ночью, на проходящихъ и убиваютъ ихъ». (Олеарій).

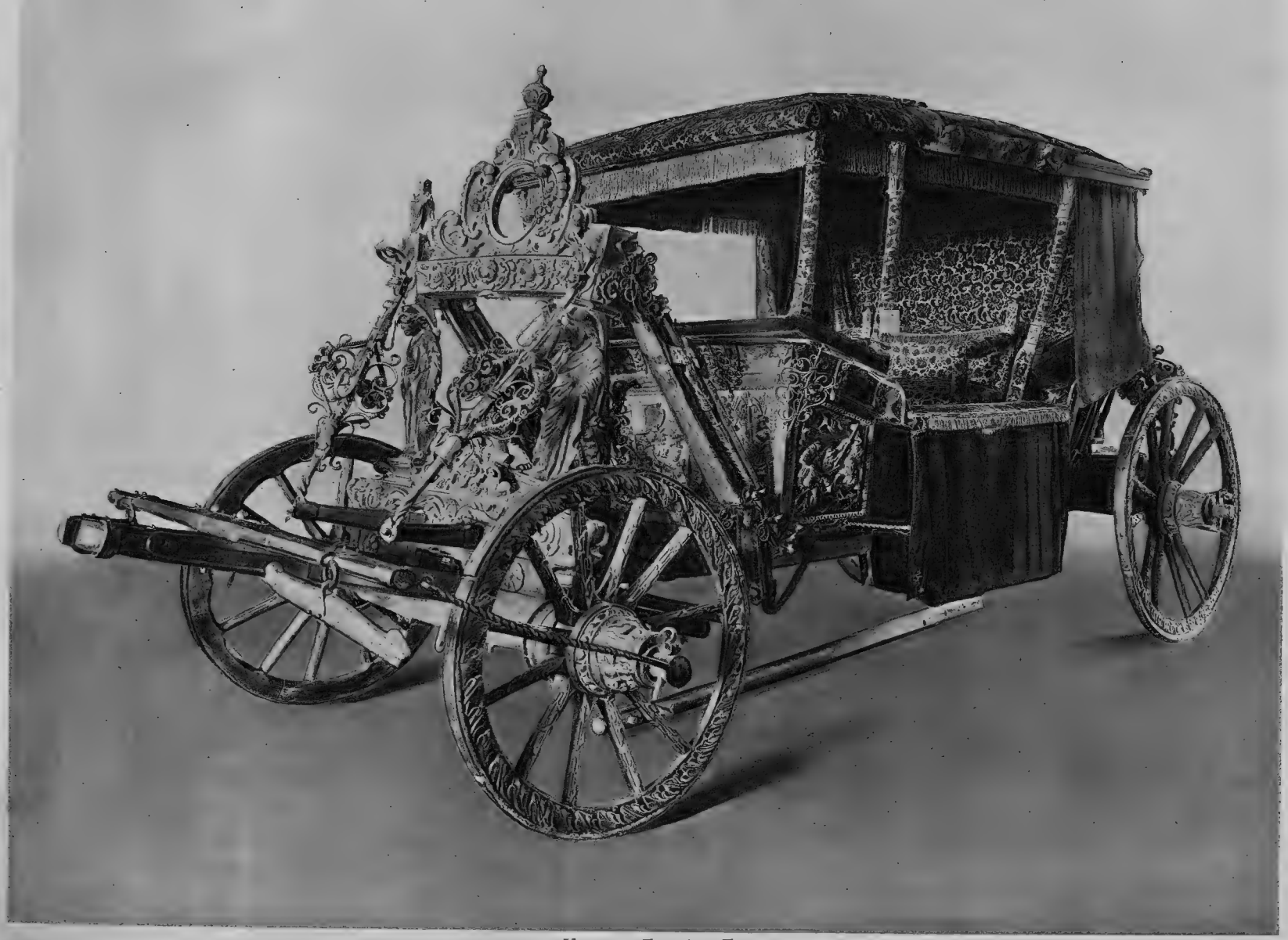
«Женщина, когда она хочетъ нарядиться, надѣваетъ красное или синее платье, и подъ нимъ (?) теплую мѣховую шубу зимою, а лѣтомъ только двѣ рубахи, одну на другую, и дома, и выходя со двора. На головѣ носятъ шапки изъ какой-нибудь цвѣтной матеріи, но большею частью — повязки.

Безъ серегъ серебряныхъ или изъ другого металла и безъ креста на шеѣ вы не увидите ни одной русской женщины, ни замужней, ни дѣвицы» (Флетчеръ). Дворовые слуги, которыхъ бояре держали въ большомъ количествѣ, получали платье, какое прилучится отъ своихъ господъ (Котошихинъ). Домострой, до подозрительности настоятельно рекомендующій господамъ «одѣвать» своихъ слугъ, въ то же время указываетъ, какъ стѣснены были слуги въ пользованіи этой одеждой. «А который человѣкъ глупъ и грубъ, и невѣжда, и не брежетъ, а *есть у него платенко* (одежда), государьское жалованье или своими трудами сдѣлано, да беречь не умѣетъ, ино государю, или кому приказано, у такихъ нечувственниковъ платье берегутъ у себя лучшее; дадутъ коли на время надѣть, да опять снемше у себя блюдутъ. А всѣмъ дворовымъ людямъ наказъ: всегда што дѣлаютъ — въ ветшаномъ платьѣ, а какъ предъ государемъ и при людяхъ — въ чистомъ повседневномъ платьицѣ... а беречи отъ грязи и отъ дожжа и отъ снѣгу. И пришедъ, да снявъ платьице высушить и вымыть и вытереть и выпахать, хорошенько укласть и упрятать.

Ино и себѣ мило, и государю споро, и служкамъ прочно, и *всегда вновь*».

Не менѣе рабскому воздержанію долженъ былъ подчиниться простолюдинъ и въ пищѣ: свободный вслѣдствіе бѣдности, слуга отъ домостроевской расчетливости господина.

Едва ли много оставалось крестьянину продуктовъ его сельскаго хозяйства по уплатѣ лежавшихъ на немъ повинностей; заработная же плата свободныхъ слугъ и ремесленниковъ была очень незначительна: «тѣ, которые живутъ трудами рукъ своихъ,—говоритъ Герберштейнъ, нанимаются въ работу, получая плату за одинъ день полторы деньги; ремесленникъ получаетъ двѣ деньги». При такихъ условіяхъ объ обильной, питательной и прихотливой пищѣ говорить не приходится. Флетчеръ, отмѣчая вялость и недѣятельность русскаго народа, объясняетъ эти черты «частью холодами... частью пищей, которая состоитъ преимущественно изъ кореньевъ,



Карета Бориса Годунова.

Находится въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ.

лука, чеснока, капусты и подобныхъ произрастаній, производящихъ дурные соки; они ѣдятъ ихъ и безъ всего и съ другими кушаньями». Другой наблюдатель говоритъ: «Русскіе привыкли къ грубой и дурной пищѣ, и мяса употребляютъ сравнительно мало (чему отчасти содѣйствуютъ посты). Ежедневная пища ихъ состоитъ изъ каши, рѣпы, капусты, свѣжихъ и соленыхъ огурцовъ, а въ Москвѣ изъ крупной, большей частью, соленой рыбы, которая иногда... очень воняетъ, но которую тѣмъ не менѣе они охотно ѣдятъ. Главный напитокъ людей побѣднѣе—вода и квасъ»...

Въ особо тяжеломъ положеніи въ смыслѣ пропитанья были холопы и вообще дворовые слуги.

Котошихинъ даетъ довольно обстоятельный очеркъ матеріальной зависимости этихъ слугъ отъ произвола господъ. «Бояре, думные и ближніе люди въ домѣхъ своихъ держатъ людей, мужского пола и женскаго, человѣкъ по 100 и по 200 и по 300 и по 500 и по 1000, сколько кому мочно, смотря по своей чести и по животамъ (достатку); и даютъ тѣмъ людямъ жалованье, погодное, женатымъ рубли по 2 и по 3, и по 5, и по 10, смотря по человѣку и по службѣ ихъ, да имъ же... хлѣбъ и всякій харчъ помѣсячно; а живутъ они своими покоями на томъ же боярскомъ дворѣ или на иныхъ. Изъ нихъ женатыхъ добрыхъ людей посылаютъ бояре въ вотчины свои, въ села и деревни, по приказомъ, по перемѣнамъ, и укажутъ имъ съ крестьянъ своихъ имати жалованье и всякіе поборы, чѣмъ бы имъ поживиться. А холостымъ людямъ большихъ статей даютъ жалованье денежное непобольшому, а меньшей статьи жалованья не дается, да имъ же холостымъ дается всякое платье, и шапки, и рубашки, и сапоги; и живутъ тѣ холостые люди большихъ статей въ нижнихъ дальнихъ покояхъ, а меньшой статьи живутъ въ верхнихъ покояхъ, и пьютъ и ѣдятъ съ боярской поварни; да имъ же въ праздничные дни всѣмъ дается по двѣ чарки вина. А женскій полъ, вдовы, живутъ въ своихъ мужнихъ домѣхъ, и даетца имъ годовое жалованье и мѣсячный кормъ; а иные вдовы и дѣвицы живутъ у женъ ихъ боярскихъ и у дочерей въ покояхъ, и даютъ имъ платье, и ѣдятъ, и пьютъ съ боярской же поварни»..

Такое благополучіе холопскаго житія едва ли было удѣломъ большинства вольныхъ и невольныхъ слугъ московскаго боярства. Котошихинъ имѣлъ въ виду крупныхъ и богатыхъ «бояръ, думныхъ и ближнихъ», которые имѣли громадные доходы съ своихъ вотчинъ, присылавшихъ имъ натурою продукты сельскаго хозяйства и производства, которые и потреблялись многочисленной дворней.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже Домострой сурово обличаетъ современниковъ, которые людей держатъ у себя не по силѣ, и не по добыткамъ, и не довольствуютъ ихъ ѣствою и питьемъ... Олеарій считаетъ получаемыя холопами на прокормъ деньги столь ничтожными, что «на нихъ они едва могутъ поддержать свое существованіе». Въ прямую зависимость отъ этого безправнаго, безличнаго, полуголоднаго и холоднаго существованія ставятъ и наши, и иностранные бытописатели XVI и XVII вв. развитіе ужасающихъ пороковъ, жестокости и безпорядка въ общественной и государственной жизни Москвы.

Неудовлетвореннымъ «ни ѣствою и питіемъ и одеждою» тѣмъ слугамъ, «мужику или женки или дѣвки у неволи, заплакавъ, и лгать и красть и блясть; а мужикомъ и разбивать и красть; и въ корчмѣ пити; и всякое зло чинити». Воровство и грабежи сдѣлались какъ бы подсобнымъ и общепризнаннымъ промысломъ для московскихъ холоповъ. «Во время нашего пребыванія въ Москвѣ,—разсказываетъ Олеарій,—не проходило почти ни одной ночи, чтобы воры не проникли въ дома нашихъ людей и не утащили чего-нибудь... При дворахъ знатныхъ господъ приставляется особая стража, которая ночью должна постукивать въ повѣшенную доску палкою съ набалдашникомъ и бить часы. Но такъ какъ нерѣдко случалось, что такая стража не столько оберегала господъ, сколько воровъ, указывая имъ болѣе безопасные пути къ воровству и помогая воровать, а затѣмъ скрывалась, то теперь постановлено, что никто не можетъ быть взятъ въ караульные или слуги... безъ ручательства за себя какого-нибудь извѣстнаго и почтеннаго гражданина. Сказанные выше рабы дѣлаютъ самыя улицы въ Москвѣ, особенно по ночамъ, небезопасными, такъ что безъ хорошаго оружія, или безъ проводниковъ, того и гляди, что подвергнешься нападенію, какъ это и случилось съ нами... Въ августѣ мѣсяцѣ во время сѣнокосовъ (?), дорога по сю (западную?) сторону Москвы на цѣлыя двадцать миль чрезвычайно опасна, по причинѣ сказанныхъ рабовъ; ибо бояре, имѣющіе въ этихъ мѣстахъ свои луга, высылаютъ всю эту челядь сюда на работу. Тамъ есть гора, съ которой издалека еще можно высматривать путниковъ, которыхъ весьма часто грабятъ и даже убиваютъ и зарываютъ въ песокъ. Если *на этихъ воровъ и разбойниковъ возникаетъ жалоба, то господа ихъ, дающіе имъ ничтожное содержаніе, на которое едва можно прикрыть только тѣло, смотрятъ сквозь пальцы на такія жалобы*». Даже нѣкоторые господа, кажется, не прочь были воспользоваться добычею подобнаго промысла своихъ холоповъ, если буквально понять запрещеніе Домостроя въ главѣ XXII «Каковы люди держать»,—«чтобы отнюдь не вмѣщалося въ домъ ни отъ насилія, ни отъ грабленія, ни отъ всякаго мшелоимства». По крайней мѣрѣ, рабовладѣльчество другихъ странъ допускало подобную практику.

Жестокія условія существованія, естественно, озлобляли угнетаемыхъ и развивали въ народѣ невѣроятную грубость, жестокость и безчувственность.

По словамъ Флетчера, рабство и лишенія «налагаютъ особый отпечатокъ на самый характеръ жителей. Видя грубые и жестокіе поступки съ ними всѣхъ главныхъ должностныхъ лицъ и другихъ начальниковъ, они также безчеловѣчно поступаютъ другъ съ другомъ, такъ что самый низкій и убогій крестьянинъ (какъ они называютъ простолюдина), унижающійся и ползающій передъ дворяниномъ, какъ собака, и облизывающій пыль у ногъ его, дѣлается несноснымъ тираномъ, какъ скоро получаетъ надъ кѣмъ-либо верхъ! Отъ этого... жизнь человѣка считается ни по чемъ».

«Вообще русскіе,—говоритъ другой иностранецъ, — народъ пресварливый, обзываютъ другъ друга самыми грубыми и неприличными словами. На улицахъ постоянно слышишь такую перебранку между ними, даже старыя бабы грызутся часто одна съ другою съ такимъ ожесточеніемъ,

что не привыкшій къ этимъ выходкамъ подумаетъ, что онѣ тотчасъ же вцѣпятся другъ другу въ волосы. Но до драки рѣдко у нихъ доходитъ; а если и дойдетъ, то дерутся просто кулаками, которыми они колотятъ другъ друга изо всей силы по бокамъ и подъ брюхо...

Выражая свой гнѣвъ и ругательство, они не употребляютъ общеупотребительныхъ у насъ бранныхъ проклятій и пожеланій, каковы, напр.: будь проклятъ, убирайся къ чорту, шельма и проч., но вмѣсто того прибираютъ весьма поносныя и отвратительныя слова и срамныя выраженія, которыми я не рѣшился бы оскорблять ухо читателя, еслибъ не требовала отъ меня того обязанность историка. У нихъ постоянно на языкѣ: б... сынъ, с... сынъ, собака и другія м... и сквернословныя брани и выраженія, которыми бранятся не одни только взрослые, но и малыя дѣти, знающія эти слова прежде, чѣмъ они узнаютъ названія Бога, отца и матери, и такая срамная брань одинаково употребляется какъ родителями, противъ дѣтей, такъ и дѣтьми противъ родителей.

Съ недавняго времени, впрочемъ, брани и ругательства строго воспрещены и виновныхъ въ нихъ при всѣхъ строго наказываютъ кнутомъ или розгами, что вначалѣ въ точности исполнялось: по улицамъ и на рынкахъ расхаживаютъ тайно между народомъ нарочно назначаемые для того люди, которые съ помощью приставленныхъ къ нимъ стрѣльцовъ и палачей хватаютъ на мѣстѣ виновныхъ, и тутъ же въ примѣръ прочимъ наказываютъ всенародно. Но усвоенная съ давнихъ лѣтъ привычка требовала гораздо большаго надзора, чѣмъ сколько было его назначено, и причинила надзирателямъ, судьямъ и палачамъ такую невыносимую работу, что имъ уже самимъ надоѣло и было не подъ силу безпрестанно задерживать и наказывать виновныхъ». Олеарій, видимо, стоялъ на точкѣ зрѣнія русскихъ современниковъ, полагая, что дурные нравы можно излѣчить палкой. Англичанинъ Флетчеръ глубже смотрѣлъ на вещи, видѣлъ корень зла въ рабствѣ и безправіи, на почвѣ которыхъ развивались и грубые нравы, и пьянство, и праздность.

«Чрезвычайныя притѣсненія,—говоритъ онъ,—которымъ подвержены бѣдные простолюдины, лишаютъ ихъ вовсе бодрости заниматься своими промыслами, ибо чѣмъ кто изъ нихъ зажиточнѣе, тѣмъ въ большей находится опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни... Вотъ почему народъ (хотя вообще способный переносить всякіе труды) предается лѣни и пьянству, не заботясь ни о чемъ болѣе, кромѣ дневного пропитанія». Другому иностранцу бросалась въ глаза вялость въ движеніяхъ простолюдина, его привычка уклоняться отъ дѣла, безцѣльно толкаться въ праздной толпѣ ему подобныхъ. «Ежедневно,—говоритъ Олеарій, можно видѣть толпы, а мѣстами цѣлыя сотни праздношатающагося народа на рынкахъ и у Кремля». Слѣдуетъ только вспомнить про сотни и тысячи дворового люда, ютившагося въ боярскихъ хоромахъ не столько для дѣла, сколько для подчеркиванія боярской «чести и мочности», и намъ понятна будетъ и эта праздная толпа, и та атмосфера сплетенъ и пересудовъ, противъ которой тщетно прописываетъ Домострой рецепты и для рабовъ, рекомендуя имъ добродѣтели безмолвія и трудолюбія, и для

хозяйки, совѣтуя ей личный контроль за хозяйствомъ и строгую взыскательность по отношенію къ домочадцамъ. Крупнымъ рабовладѣльцамъ были не по плечу мелкохозяйственные рецепты попа Сильвестра и ему подобныхъ. Сытая сонливость мѣшала. «Русскіе всѣ какъ высшаго, такъ и низшаго сословія,—пишетъ Олеарій,—имѣютъ обыкновеніе отдыхать и спать въ полдень, послѣ обѣда; поэтому въ это время и запирается большая часть лучшихъ лавокъ, и самые лавочники и мальчики ихъ спятъ просто предъ дверьми. Въ это время нельзя добиться свиданія или переговоровъ съ кѣмъ-либо изъ знатныхъ бояръ или купцовъ, потому что они отдыхаютъ послѣ обѣда»...

Въ то время, когда рабовладѣльцы имѣли слишкомъ много законнаго права на отдыхъ, за ихъ рабами и крѣпостными, равно какъ за свободными, кровавымъ потомъ расплачивающимися за призракъ права на свой свободный трудъ, не признавалось права на опредѣленный отдыхъ. Эта аномалія бросилась въ глаза Герберштейну, который писалъ: «Знатные люди чтятъ праздники тѣмъ, что послѣ обѣдни бражничаютъ и надѣваютъ пышную одежду; простой народъ, слуги и рабы большею частью работаютъ, говоря, что праздновать и пользоваться досугомъ—дѣло господъ.

Горожане и ремесленники бываютъ у обѣдни, а послѣ нея возвращаются къ работѣ, думая, что честнѣе заниматься трудомъ, чѣмъ попусту терять достатокъ и время въ пьянствѣ, игрѣ и подобныхъ вещахъ».

Дѣло тутъ, конечно, не въ чести, и не о ней думалъ свободный работникъ, когда отказывалъ себѣ въ праздничномъ отдыхѣ, а о заработкѣ хлѣба насущнаго и временномъ устраненіи опасности попасть въ кабалу; не могъ быть праздднымъ тотъ, кто цѣнилъ еще свободу, такъ какъ задолжать на языкѣ того времени, значило стать временнымъ или вѣчнымъ холопомъ. Насколько трудно было потерявшему свободу вновь ее пріобрѣсти даже при счастливомъ случаѣ, видно изъ слѣдующаго замѣчанія Олеарія: «Если господскіе рабы или крѣпостные люди отпускаются на волю по смерти своихъ господъ (кабальные холопы) или по добротѣ этихъ послѣднихъ, то отпущенники эти скорехонько снова продаютъ себя въ крѣпость. У нихъ обыкновенно не бываетъ ничего, чѣмъ бы они могли жить, и потому они нисколько не дорожатъ свободой и даже не знаютъ, какъ ею пользоваться»

Быть свободнымъ означало идти противъ «воздуха, который дѣлалъ рабомъ», идти противъ историческаго процесса, который съ непреодолимой силой сметалъ на своемъ пути все, осмѣливавшееся противостоять ему, и какъ когда-то свободные суверены русской земли—удѣльные и великіе князья и ихъ свободные слуги, этимъ процессомъ были приведены къ выгодной необходимости перемѣнить свой владѣльческій тронъ на холопскіе пороги дворца московскаго великаго князя, такъ и свободные труженики изучаемаго времени видѣли въ перспективѣ упорной борьбы за свободное существованіе единственную надежду отдохнуть въ «холопскихъ покояхъ... на боярскомъ дворѣ». Опускались руки у сильныхъ предъ этой перспективой, и боецъ за жалкую свободу шелъ въ «царево кружало», гдѣ были всѣ равны—«рабъ и свободъ».

Gravüre Mezzotinto Brückmann München.

Царевна Софья въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Съ карт. Рѣпина. Третьяковская галлерея въ Москвѣ.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

Иностранцы поражались русскому «пьянственному питью безмѣрному». По утвержденію видавшаго многіе виды Олеарія, «русскіе преданы пьянству болѣе всякаго другого народа въ мірѣ. Порокъ этотъ распространенъ въ русскомъ народѣ одинаково во всѣхъ состояніяхъ, между духовными и свѣтскими, высшими и низшими сословіями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми до такой степени, что если видишь по улицамъ пьяныхъ, тамъ и сямъ валяющихся въ грязи, то не обращаешь на нихъ вниманія, какъ на явленіе самое обычное. Попадетъ извозчикъ на такого пьянаго, ему знакомаго, то взвалитъ его на телѣгу и отвезетъ домой, гдѣ получаетъ плату за благополучную доставку.

«Русскіе считаютъ за великую честь, если кто въ гостяхъ и собраніяхъ поднесетъ имъ чарку или болѣе водки, а простой народъ, холопы и крестьяне, такъ цѣнитъ такую честь, что если какой-нибудь знатный бояринъ поднесетъ имъ изъ собственныхъ рукъ 3, 4 и т. д. чарокъ, то они все будутъ пить изъ опасенія оскорбить отказомъ, до тѣхъ поръ, пока не свалятся на мѣстѣ, при чемъ иногда отдаютъ тутъ и душу Богу.

«Въ бытность нашу въ Москвѣ тамъ вездѣ находились открытые питейные дома, или кабаки, въ которые всякій желающій имѣлъ входъ и пилъ за свои деньги водку; при такомъ удобствѣ простой народъ все, что зарабатывалъ, пропивалъ въ кабакѣ, и такъ крѣпко засиживался тамъ, что, пропивши заработокъ, снималъ съ себя платье, даже рубашку, и оставлялъ ее продавцу за водку, а затѣмъ нагой, какъ родился, возвращался домой»...

Зло сознавалось русскими людьми, и были попытки бороться съ нимъ. Иванъ Грозный на Стоглавомъ соборѣ просилъ отцовъ «Бога ради разсудити о пьянственномъ питіи безмѣрномъ, како мирянъ спасти и наказати (предохранить) отъ всякихъ золъ». Но что могли подѣлать отцы, дѣти своего времени и народа, которые съ грустью сознавались въ своей слабости, говоря: «аще имѣемъ питіе пьянственное, не можемъ воздержатися, но піемъ до пьянства, а еже повелѣваютъ святіи отцы пити по единой чашѣ, или по двѣ, или по три, сего мы и слышати не хощемъ, ни мѣру чашъ онѣхъ, но сицева наша мѣра есть: егда піяни будемъ, якоже себя не познати и не помнити, даже и до блеванія, и тогда престанемъ пити»...

Соборъ постановилъ: «такового ради обычая и погибельнаго нрава грѣховнаго навыкновенія не подобаетъ во обители имѣти питія пьянственнаго, яко да не въ конечную погибель и блудный ровъ впадемъ». Но постановленіе не имѣло силы, и «погибельный нравъ грѣховнаго навыкновенія» одолѣлъ велѣнія собора. Олеарій говоритъ: «хотя въ монастыряхъ не держится водки, вина и крѣпкаго пива, но монахи пользуются свободою въ этомъ случаѣ, когда выходятъ изъ монастыря и посѣщаютъ своихъ добрыхъ пріятелей, при чемъ не ограничиваются тѣмъ, что сильно вышиваютъ въ гостяхъ, но требуютъ также, чтобы напитки отпускали съ ними и домой».

Пыталась и свѣтская власть «бороться» съ пьянствомъ, при чемъ буквально тѣми же мѣрами и съ тѣми же послѣдствіями, какія были испытаны въ наше время министерствомъ гр. Витте. «Съ недавняго времени,—

пишетъ Олеарій,—всѣ кабаки, принадлежавшіе частью царю, частью боярамъ, уничтожены, подъ тѣмъ предлогомъ, что они отвлекаютъ народъ отъ работы и способствуютъ ему пропивать въ нихъ послѣднюю заработанную имъ копейку, и теперь уже никто не можетъ получить водки въ розницу на двѣ, на три копейки; вмѣсто кабаковъ теперь одинъ лишь царь отъ себя устраиваетъ или содержитъ въ каждомъ городѣ такъ называемый у нихъ кружечный дворъ, изъ котораго отпускается водка только цѣлыми штофами, и для продажи въ немъ водки приставлены особые присяжные люди, которые ежегодно доставляютъ въ царскую казну неимовѣрное число денегъ отъ такой продажи вина. Но отъ этой мѣры пьянство мало уменьшилось, ибо нѣсколько сосѣдей складываются вмѣстѣ, покупаютъ себѣ штофъ и болѣе водки и не разстаются, пока не опорожнятъ посуды, при чемъ часто тутъ же и свалятся другъ подлѣ друга. Нѣкоторые же покупаютъ водку разомъ по большому количеству и тайно распродаютъ ее по чаркамъ». Эта картинка, какъ бы списанная съ современной русской дѣйствительности, подтверждается и Флетчеромъ.

Мы разсмотрѣли бытовыя черты, которыя стоятъ въ прямой связи съ политическимъ безправіемъ и общественнымъ угнетеніемъ низшихъ слоевъ русскаго общества въ XVI—XVII вв. Мрачность впечатлѣнія не разсѣивается отъ мысли, что въ разсматриваемое время низшіе классы русскаго народа не были изолированы отъ воспитательнаго вліянія благотворныхъ факторовъ народной жизни, каковыми является семья, эстетическія развлеченія, судъ, просвѣщеніе, религія и благотворительныя учрежденія. Всѣхъ этихъ воспитательныхъ средствъ не былъ лишенъ русскій народъ, но всѣ они были проникнуты тлетворнымъ духомъ рабства настолько, что изъ благотворнаго цѣлительнаго средства превращались въ источники заразы и разложенія. Это не значитъ, что жизнь оставила ихъ: она проявлялась въ яркихъ, судорожныхъ протестахъ и конвульсіяхъ,—тѣмъ болѣе яркихъ, чѣмъ мрачнѣе было вокругъ, но это значитъ, что основныя теченія жизни были враждебны благотворному проявленію этихъ воспитательныхъ факторовъ и въ лучшемъ случаѣ обезсиливали ихъ.

Въ семьѣ процвѣтало такое же беззавѣтное принижающее господство сильнаго надъ слабымъ, какъ въ обществѣ и государствѣ. Домострой, этотъ сборникъ идеаловъ между прочимъ семейной жизни зажиточнаго, а, стало быть, не столь озлобленнаго нуждой человѣка, рекомендуетъ родителямъ дѣтей своихъ «страхомъ спасати, уча и наказуя, раны возлагати..., душу его избавляти отъ смерти, неослабно бія его жезломъ по тѣлу; и не давать ему власти во юности, но сокрушить ему ребра, донележе растетъ», иначе «выросши неповиненъ будетъ». Едва ли дѣйствительность далека была въ низшихъ слояхъ народа отъ этихъ воспитательныхъ идеаловъ Домостроя. Да и въ отношеніяхъ мужа къ женѣ было не больше теплоты. Здѣсь суровость «пользованія страхомъ» Домострой рекомендуетъ смягчать своеобразною любовью, «пожалованіемъ и осторожностью» въ средствахъ кулачнаго воздѣйствія. «Мужу жену свою наказывати и пользовати страхомъ наединѣ и, понаказавъ, пожаловати... и на жену не гнѣватися, а женѣ на мужа»; при этомъ Домострой рекомендуетъ въ нѣкоторыхъ

случаяхъ смягчать обычную практику воздѣйствія на строптивую жену: «А про всякую вину по уху, ни по виденью (лицу) не бити, ни подъ сердце кулакомъ, ни шинкомъ; ни посохомъ ни колоть; никакимъ желѣзнымъ и деревяннымъ не бить; хто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ,—*многи притчи отъ того бываютъ*: слѣпота, и глухота, и руку и ногу вывихнутъ, и перстъ; и главоболіе, и зубная боль; а у беременныхъ женъ и дѣтемъ поврежденіе бываетъ во утробѣ; а плетью съ наставленіемъ, бережно бити: *и разумно, и больно, и страшно, и здорово*»,—любуется своимъ рецептомъ авторъ Домостроя, добавляя, что только если «великая вина и кручиновато дѣло, и за великое и за страшное ослушаніе и небреженіе, соимя рубашку, плеткою вѣжлевенько побить, за руки держа, а гнѣва бы не было»... Здѣсь трагичнѣе всего совѣтъ «не гнѣваться и быть вѣжливымъ» при совершеніи порки и битья. Рукоприкладство признается не какъ необходимое зло въ запальчивости, а какъ раціональное, обдуманное средство воспитанія слабаго сильнымъ. Иностранцы описываютъ семейныя отношенія согласно съ Домостроемъ. По словамъ, Олеарія, «жены не очень то обижаются, если мужья порядкомъ поучатъ ихъ плеткой или кнутомъ, ибо чувствуютъ, что сами виноваты, и притомъ видятъ, что и съ сосѣдками ихъ и пріятельницами случается то же самое... Несогласія между супругами и даже побои происходятъ у русскихъ оттого, что жены поносятъ мужей своихъ неприличными и бранными словами, на что онѣ всегда бываютъ готовы, или отъ того, что жены пьянствуютъ чаще мужей, или же, наконецъ, отъ того, что жены своимъ ласковымъ и черезчуръ дружескимъ обращеніемъ со стороннимъ мужчиною возбуждаютъ ревность въ мужьяхъ своихъ. Эти три причины часто встрѣчаются въ русскихъ женщинахъ въ одно время». По наблюденію Герберштейна, «положеніе русскихъ женщинъ самое жалкое... У бѣднѣйшихъ жены исправляютъ домашнія работы и стряпаютъ. Впрочемъ, желая въ отсутствіи мужей зарѣзать курицу, онѣ выходятъ за ворота, держа курицу или другое животное и ножъ, и упрашиваютъ проходящихъ мужчинъ, чтобы они убили сами. Весьма рѣдко пускаютъ ихъ въ церковь и еще рѣже въ общество друзей, развѣ только онѣ очень стары, и уже нѣтъ мѣста никакому подозрѣнію»... «Женщины вообще у русскихъ считаются не столь чистыми, какъ мужчины; поэтому онѣ какъ бы не вполнѣ допускаются въ церковь, но помѣщаются въ ней обыкновенно въ мѣстахъ, ближайшихъ къ дверямъ». (Герберш.) Эта атмосфера семейнаго неравенства, грубости и засилья, поддерживавшаяся въ низшихъ слояхъ озлобленіемъ кормильца, срывавшаго свои обиды на беззащитныхъ домочадцахъ, въ отношеніяхъ мужа къ женѣ питалась еще обычаемъ выбора родителями суженой для сына часто безъ его вѣдома и согласія. Пѣсня до сихъ поръ оплакиваетъ долю дѣвушки, выданной за «немилаго». Семейную жизнь невольныхъ слугъ рѣшали ихъ господа. Котошихинъ пишетъ: «А какъ дѣвицы будутъ въ великомъ возрастѣ и тѣхъ дѣвицъ и вдовъ выдаютъ они, бояре, замужъ, съ надѣлкомъ за своихъ дворовыхъ слугъ, кого кто излюбитъ, временемъ бываетъ—*выдаютъ чрезъ неволю*; а на сторону въ иные дворы дѣвицъ и вдовъ замужъ не выдаютъ, для того, что тѣ люди у нихъ, мужской и женскій полъ,

вѣчные и кабальные (холопы)». По сообщенію Олеарія, при довольно легкомъ отношеніи супруговъ къ обѣту вѣрности, нарушеніе таковой не вело къ разводу между супругами. «Если жена впадаетъ въ развратную жизнь, и на то поступитъ отъ мужа жалоба, и преступленіе будетъ доказано, то ее наказываютъ плетью и выдерживаютъ нѣсколько дней на хлѣбѣ и на водѣ; затѣмъ она возвращается въ домъ мужа, гдѣ получаетъ новое наказаніе плетью за запущенное хозяйство». Впрочемъ, у супруговъ всегда было средство разорвать брачную цѣпь.

По сообщенію того же автора, «если супруги не могутъ жить вмѣстѣ и выносить одинъ другого, то есть средство разойтись, именно, одинъ изъ супруговъ можетъ пойти въ монастырь; если это дѣлаетъ мужъ, оставляя ради посвященія себя Богу жену, жена эта выходитъ за другого мужа, а первый можетъ, если пожелаетъ, быть посвященъ въ попы, хотя бы онъ былъ башмачникомъ или портнымъ»...

Очерченныя формы семейныхъ отношеній едва ли могли смягчить душу простолюдина и очистить ее отъ тѣхъ язвъ, которыми заражала ее государственная и общественная жизнь: семейныя отношенія были воспроизведеніемъ государственныхъ съ тою разницей, что рабъ послѣднихъ превращался въ господина первыхъ.

Конечно, даже тяжелая, безотрадная жизнь низшихъ классовъ не была лишена своихъ радостей и развлеченій.

Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести семейное веселье съ его сложными обрядами. «Если затѣютъ свадьбу простолюдины или горожане, то женихъ обыкновенно за день до свадьбы посылаетъ своей невѣстѣ новое платье, шапочку и пару сапогъ, а также ящичекъ съ румянами, гребнемъ и зеркаломъ. На другой день, когда должна совершиться свадьба, приходитъ попъ съ серебрянымъ крестомъ, въ сопровожденіи двухъ мальчиковъ, несущихъ зажженныя восковыя свѣчи; онъ благословляетъ прежде мальчиковъ, потомъ и гостей. Затѣмъ женихъ и невѣста садятся за столъ, и между ними протягиваютъ кусокъ тафты. Когда сваха уберетъ невѣсту, она заставляетъ молодыхъ приблизиться лицами другъ къ другу. Между тѣмъ другія свахи обсыпаютъ молодыхъ и гостей хмелемъ. Послѣ этого отправляются въ церковь для вѣнчанія» (Олеарій). При этомъ въ XVI в. свадьба сопровождалась языческими обрядами. Стоглавъ, зарегистровавшій съ цѣлью искорененія множество бытовыхъ чертъ русскаго народа, говоритъ между прочимъ: «въ мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы, арганники, гусельники и смѣхотворцы и бѣсовскія пѣсни поютъ. И какъ въ церковь вѣнчатися поѣдутъ, священникъ со крестомъ будетъ, а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рищутъ, а священницы имъ о томъ не возбраняютъ и не запрещаютъ».

Самый пиръ, какъ онъ описывается въ Домостроѣ, представлялъ грубое и шумное веселье, которое совершалось съ надрывомъ ввиду враждебнаго отношенія церкви къ веселью вообще, а къ увеселеніямъ простолюдиновъ въ частности.

«Если начнутъ на пиру смрадныя скаредныя рѣчи, и блудные срамословіе и смѣхотвореніе, и всякое глумленіе, или гусли и всякое гуденіе,

и плесаніе, и скаканіе, и всякіе игры и пѣсни бѣсовскія, тогда—смущалъ авторъ Домостроя любителей веселья—отыдутъ ангелы отъ тоя трапезы и возрадуются бѣсы... да также безчинствуютъ и зернью, и шахматы, и всякими играми бѣсовскими тѣшатся; ѣству и питіе и всякее овощи въ поруганіе помѣщутъ (бросаютъ) и проливаютъ, другъ друга шибаютъ и обливаютъ: всячески поругаются дару Божію»...

Наши источники описываютъ также общественныя праздничныя увеселенія простолюдиновъ. По словамъ Герберштейна, «въ извѣстные дни, посвященные веселью, мужья позволяютъ женамъ и дочерямъ сходиться для забавы на пріятныхъ лугахъ: тамъ, сидя на какомъ то колесѣ, на подобіе колеса Фортуны, онѣ то поднимаются вверхъ, то опускаются внизъ (вертикальные карусели); или по другому, вѣшаютъ веревку, садятся на нее, ихъ подталкиваютъ, и онѣ качаются взадъ и впередъ (качели); или забавляются нѣкоторыми извѣстными пѣснями, ударяя въ ладоши»... Въ нѣкоторые праздники простолюдины совершали игры, связанныя со старинными языческими обрядами. Стоглавъ говоритъ: «Еще же мнози—простая чадь дѣти православныхъ христіанъ отъ неразумія въ городѣхъ и въ селѣхъ творятъ еллинское (языческое) бѣснованіе, различныя игры и плясанія въ навечеріи праздника Рождества Хр. и подъ праздники Рождества Іоанна Предтечи въ нощи и въ праздникъ весь день мужи, и жены, и дѣти въ домѣхъ по улицамъ отходя и по водамъ глумы творятъ всякими играми и пѣсньми сатанинскими и многими виды скаредными, никѣмъ невозбраняемы, ни обличаеми, ни наказаеми ни отъ священниковъ, ни отъ судей устрашаеми»...

Были въ это время спеціалисты по увеселенію, своего рода кочевыя труппы артистовъ-скомороховъ, которыхъ скоро стали гнать и законодатели, и церковь, но которые, видимо, встрѣчали сочувствіе и поддержку у сельскаго населенія, хотя послѣднему и круто приходилось отъ голодныхъ весельчаковъ. «По дальнымъ странамъ,—говорится въ Стоглавѣ,—ходятъ скомрахи ватагами многими, по шестидесяти и по семидесяти человѣкъ и по сту, и по деревнямъ у крестьянъ сильно ѣдятъ и пьютъ, и изъ клетей животы имущество грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ». Не особенно эстетически замысловатымъ репертуаромъ расплачивались «скомрахи» со своими зрителями за радушный пріемъ. Иностранцевъ коробило отъ ихъ представленій, какъ и отъ способа веселиться у русскихъ вообще: «сквернословить и отпускать самыя неприличныя шутки, сопровождаемыя непристойными тѣлодвиженіями, считается у нихъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ въ обществѣ. Случается, что странствующіе комедіанты въ пляскахъ своихъ обнажаютъ и другія части тѣла, какъ, напр., угостили однажды такими непристойными плясками Датскаго посланника Якоба» (Олеарій).—Очень распространенной праздничной забавой были кулачные бои. Видѣвшій ихъ Герберштейнъ такъ о нихъ разсказываетъ: «Въ праздничные дни молодые люди и мальчики обыкновенно сбираются въ городѣ на обширное и извѣстное всѣмъ мѣсто, чтобы всѣ ихъ могли видѣть и слышать. Ихъ сзываютъ, подавая сигналъ свистомъ. Начинается бой кулаками, и вскорѣ съ большою яростью колотятъ руками и ногами лицо,

животъ, шею, грудь и дѣтородныя части; или, споря между собою о побѣдѣ, стараются какимъ бы то ни было образомъ повалить другъ друга, такъ что часто уносятъ нѣкоторыхъ оттуда мертвыми. Кто побѣждаетъ большее число противниковъ, дольше остается на мѣстѣ и мужественнѣе переноситъ удары, того хвалятъ предъ другими, и онъ считается славнымъ побѣдителемъ». По мнѣнію автора, «этотъ родъ борьбы установленъ для того, чтобы юноши привыкли сносить побои и переносить терпѣливо всякіе удары»...

Наконецъ, были любители и азартныхъ игръ. О нихъ мы узнаемъ изъ Стоглава: «дѣти боярскіе и *люди боярскіе* и всякіе бражники зернью (въ кости) играютъ и пропиваются, службы не служатъ, ни промышляютъ и отъ нихъ всякое зло чинится,—крадутъ, и разбиваютъ, и души губятъ»...

Все это, какъ видимъ, развлеченія и удовольствія, въ лучшемъ случаѣ безразличныя, въ большинствѣ — вредныя, скорѣе опошляющія и огрубляющія душу, чѣмъ эстетически и облагораживающе на нее дѣйствующія. Не даромъ иностранцы объясняютъ существованіе кулачныхъ боевъ «потребностью» рабскихъ натуръ «пріобрѣсть къ вынесенію побоевъ привычку, эту вторую природу, и чрезъ то легче сносить тѣлесныя наказанія, которымъ они могутъ впослѣдствіи подвергнуться» (Олеарій).

Судъ признается однимъ изъ могучихъ воспитательныхъ факторовъ, прививающихъ уваженіе къ личности ближняго и увѣренность въ своей безопасности, если только онъ для всѣхъ равенъ, справедливъ, милостивъ и зиждется на законѣ. Но московскій судъ описываемаго времени не удовлетворялъ этимъ требованіямъ. Своими острыми сторонами онъ какъ разъ былъ направленъ противъ низшихъ слоевъ общества, страшной волокитой и несправедливостью. По словамъ Флетчера, «судъ имѣлъ дѣло скорѣе съ кошелькомъ, нежели съ противозаконнымъ дѣйствіемъ... Если кто изъ дворянъ окрадетъ или убьетъ бѣднаго мужика, то ихъ легко наказываютъ или вовсе не призываютъ къ отвѣту. Причина та, что простолюдиновъ считаютъ ихъ холопами или крѣпостными рабами»... Не наблюдалось равенства и въ отношеніи довѣрія къ свидѣтельскимъ показаніямъ. «Свидѣтельство одного человѣка изъ благороднаго сословія значитъ болѣе, чѣмъ свидѣтельство многихъ людей низкаго состоянія» (Герберш.).

Да и самые способы выясненія виновности скорѣе пріучали вѣрить въ право силы, чѣмъ въ силу права. Недовольный свидѣтельскими показаніями могъ потребовать «поля и поединка». Какія чувства возбуждало это средство выясненія справедливости, живо представляется изъ описанія поединка Герберштейномъ.

По его словамъ, «каждый изъ тяжущихся можетъ поставить на поединокъ вмѣсто себя кого-нибудь другого; также каждый можетъ взять себѣ какое угодно оружіе, исключая щита и лука. Обыкновенно же они имѣютъ продолговатые панцыри, иногда двойные, латы, поручи, шлемъ, пику, топоръ и въ рукѣ какое то желѣзо, въ родѣ кинжала, но острое съ обоихъ концовъ... Обѣ стороны имѣютъ много друзей и доброжелателей, которые смотрятъ на поединокъ, не имѣя при себѣ никакого оружія, кромѣ дубинъ, которыми они отъ времени до времени пользуются.

Ибо, если доброжелатели одного изъ бойцовъ увидятъ, что ему дѣлается какая-нибудь обида, то тотчасъ бѣгутъ для отраженія этой обиды; то же дѣлаетъ и другая сторона,—и такимъ образомъ между ними происходитъ схватка, интересная для зрителей, потому что дерутся въ потасовку, кулаками, батогами и дубинами съ обожженнымъ концомъ». Еще болѣе, чѣмъ это поле суда, притупляла человѣческія чувства жестокость публичнаго наказанія. По словамъ Флетчера, «различные виды употребляемой у нихъ смертной казни суть: повѣшеніе, обезглавливанье, умерщвленіе ударомъ въ голову, утопленіе, погруженіе зимою подъ ледъ, сажаніе на колъ и т. д. Но большею частью преступниковъ, приговоренныхъ къ смерти лѣтомъ, не казнятъ до зимы: тогда убиваютъ ихъ ударомъ въ голову и пускаютъ подъ ледъ. Это разумѣется о простолюдинахъ»..

О воспитательномъ значеніи просвѣщенія и говорить нечего, потому что въ разсматриваемое время о русскихъ школахъ сохранились только одни воспоминанія. Въ Стоглавѣ мы находимъ любопытныя тому доказательства. «Святители истязаютъ (спрашиваютъ)» кандидатовъ въ священство, «почему они мало умѣютъ грамотѣ, и они отвѣты чинятъ: «мы де учимся у своихъ отцовъ, или у своихъ мастеровъ, а индѣ де намъ учитися негдѣ, колько отцы наши и мастеры умѣютъ, по тому и насъ учатъ». «А отцы ихъ и мастеры,—поясняетъ Стоглавъ—сами потому же мало умѣютъ и силы въ божественнемъ писаніи не знаютъ, да учиться имъ негдѣ. А прежде сего, вспоминаетъ авторъ Стоглава,—*училища бывали* въ Россійскомъ царствіи на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ, и по инымъ градомъ многое грамотѣ писати и пѣти, и чести учили, потому тогда и грамотѣ *гораздыхъ* (искусныхъ) было много, но писцы, и пѣвцы и чѣтцы были по всей земли и до днесь славны»...

Писавшій лѣтъ сорокъ спустя послѣ Стоглаваго собора Флетчеръ разсказываетъ объ экзаменѣ, который онъ произвелъ одному русскому епископу. Изъ разсказа этого мы узнаемъ, что даже самые образованные люди того времени не шли дальше «чтенія безъ разумѣнія». «Въ Вологдѣ,—разсказываетъ Флетчеръ,—я далъ епископу св. Писаніе на русскомъ языкѣ, открывъ первую главу Евангелія отъ св. Матѳія. Онъ принялся читать весьма хорошо. Тутъ спросилъ я его прежде всего, какую часть св. Писанія онъ прочелъ теперь. Онъ сказалъ, что не можетъ сказать навѣрное.—Сколько было евангелистовъ въ Новомъ Завѣтѣ?—Онъ сказалъ, что не знаетъ. Сколько было апостоловъ?—По его мнѣнію, 12 и т. д.»

Подобное просвѣщеніе, конечно, не могло очищать душу отъ выше описанныхъ язвъ, еслибы даже мы допустили, что народныя массы были причастны такому просвѣщенію. Но тамъ, гдѣ царь «не умѣлъ грамотѣ» (Борисъ Годуновъ), едва ли она была доступна рабамъ.

Церковь въ XVI—XVII вв., несмотря на замѣтныя исканія среди нѣкоторыхъ ея чадъ, недовольныхъ «поисшатавшимися обычаями», мало содержала въ себѣ живыхъ и творческихъ силъ, которыя могли бы въ огнѣ вѣры, въ горячемъ порывѣ къ высшему началу любви, отрицающему рабское угнетеніе, отвлечь и очистить душу раба отъ разлагающаго вліянія соціально-политической дѣйствительности, какъ это было въ первые вѣка

христіанства. Стоглавый Соборъ, начавшій укрѣплять «поисшатавшіеся обычаи» урегулированіемъ звона колокольнаго, уничтоженіемъ «пьянственнаго безмѣрнаго питія» чрезъ установленіе «мѣры въ три чаши», безпощаднымъ гоненіемъ противъ «поганыхъ латынскихъ и еретическихъ преданій — брити брады и усы пристригати», обнаружилъ полную несостоятельность и безсиліе въ церковномъ творчествѣ.

«Учительный классъ» тогда не умѣлъ да и не хотѣлъ «глаголомъ жечь сердца людей», когда можно было «инако вѣрующихъ» сжечь на кострѣ. По словамъ Флетчера, «обыкновенно только два раза въ годъ, перваго сентября (новый годъ) и въ день св. Іоанна Крестителя каждый епископъ въ своей соборной церкви говоритъ народу рѣчь почти такого содержанія: «если кто имѣетъ злобу на своего ближняго, то долженъ ее оставить; если кто замышляетъ заговоръ противъ своего государя, то да остережется, если кто не соблюдалъ постовъ, то да исправится»... Объ учительности заурядныхъ священниковъ и говорить нечего. Ихъ обязанность состояла только «въ отправленіи литургіи, въ совершеніи таинствъ по принятымъ обрядамъ, въ храненіи и украшеніи образовъ»...

Да и въ обрядовой сторонѣ богослуженія не было умиляющаго и растворяющаго душу «благолѣпіемъ» формъ элемента: «Попы по своимъ церквамъ поютъ безчинно, въ двое и въ трое, а миряне въ тѣ же поры промежъ себя глумленіе творятъ и всякіе рѣчи говорятъ праздные, и оно для обоихъ погибельно: и пастыріе и овцы вкупѣ заблудиша и погибоша, а попы и церковные причетники въ церкви всегда пьяни и безъ страха стоятъ и бранятся, попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя, а въ монастыряхъ также творятъ» (Стоглавъ). Можетъ быть, больше пищи для удовлетворенія своихъ мистическихъ запросовъ находилъ народъ внѣ церкви—въ суевѣріяхъ и языческихъ обрядахъ, но пища эта была нездоровая. «По погостамъ и по селамъ ходятъ лживые пророки, мужики и женки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются и сказываютъ, что имъ являются святыя Пятница и Настасія и велятъ имъ заповѣдати христіанамъ въ среду и въ пятокъ ручного дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти и каменія (печи) не разжигати, а иные заповѣдуютъ богомерзкія дѣла творити... Да христіане тяжутся неправдою... и на полѣ біются и кровь проливаютъ, и въ тѣ поры волхвы и чародѣи отъ бѣсовскихъ наученій пособіе творятъ кудесбою, и во аристотелевы врата и въ рафлеи смотрятъ, и по звѣздамъ, и по планидамъ глядаютъ... и на тѣ чарованія надѣяся поклепца и ябедникъ не мирится, и крестъ цѣлуетъ, и на полѣ бьются и убиваютъ»...

Всего любопытнѣе, что само духовенство поддерживало подобныя суевѣрія: «А въ великій четвертокъ солому палятъ и кличутъ мертвыхъ, нѣцыи же невѣгласи (невѣжды) попы въ великій четвергъ соль подъ престолъ кладутъ... и ту соль даютъ на врачеваніе людемъ и скотомъ»...

Подобная воспитательная атмосфера выработала въ русскомъ народѣ нравственное притупленіе и наивный цинизмъ. Стоглавъ констатируетъ, что «въ баняхъ моются мужи и жены и черницы въ одномъ мѣстѣ безъ за-

Gravüre Mezzotinto Brückmann München.

С. Ивановъ.

Холопы Боярскіе.

С. Ивановъ.

Пріѣздъ Воеводы.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

зора... а по священнымъ правиламъ, *доказываетъ* Стоглавъ, не подобаетъ въ баняхъ въ единомъ мѣстѣ мужемъ съ женами мытися, также и инокомъ и инокинямъ возбраниша въ баню ходити»... Но разъясненіе собора осталось тщетнымъ: путешествовавшій въ XVII в. по Россіи Олеарій подтверждаетъ этотъ обычай, очевидцемъ котораго онъ былъ самъ. Отъ этого нравственнаго безразличія и притупленія, при отсутствіи сдерживающихъ началъ, переходъ къ разврату не представлялся труднымъ, и русскіе источники, какъ и иностранцы, рисуютъ ужасающія явленія этого порядка. Стоглавъ нѣсколько разъ громитъ грѣхи «блуда любодѣйнаго прелюбодѣйства» и особенно «содомства»», посвящая послѣднему цѣлую грозную главу (гл. 33). Въ Стоглавѣ встрѣчаются очень недвусмысленные намеки на то, что проводникомъ этого грѣха были не столько миряне, сколько иноки; предписывается, напр., «архимандритамъ, и игуменамъ, и строителямъ, и соборнымъ старцамъ и всей братіи по кельямъ молодыхъ ребятъ-голоусовъ не держати»... и «по келіямъ женкамъ и дѣвкамъ небрежно не приходити»...

Мы немного добавимъ къ этой безотрадной картинѣ, если отмѣтимъ здѣсь вполнѣ понятное въ описанной обстановкѣ жалкое и безысходное положеніе тѣхъ, кого болѣзни, голодъ, старость выбросили изъ рядовъ сравнительно сытыхъ холоповъ и полуголодныхъ работниковъ.

«Нищіе, клосные и гнилые и престарѣвшіе въ убожествѣ гладъ и мразъ и зной и наготу и всякую скорбь терпятъ, не имѣютъ, гдѣ главы подклонити, по миру скитаются, вездѣ ихъ гнушаются, и въ недозорѣ умираютъ и безъ покаянія, никѣмъ не брегомы» (Стоглав.). «Бродягъ и нищенствующихъ у нихъ—говоритъ Флетчеръ,—неисчетное число: голодъ и крайняя нужда до того ихъ изнуряютъ, что они просятъ милостыню самымъ ужаснымъ, отчаяннымъ образомъ, говоря: «подай и зарѣжь меня, подай и убей меня»... Мы были бы не справедливы къ эпохѣ, еслибы не отвѣтили, что лучшіе люди времени не были равнодушны къ этимъ дѣйствіямъ. Еще Грозный говорилъ на Стоглавомъ соборѣ: «Милостыня и кормъ годовой, хлѣбъ и соль, и деньги, и одежда *по богадѣльнымъ избамъ*, и по всѣмъ городамъ даютъ изъ нашей казны, и христолюбцы милостыню даютъ же...» Олеарій отмѣчаетъ подобную же благотворительность царей династіи Романовыхъ; но эта «милостыня и кормъ» были «пятью хлѣбами» на 7 тысячъ голодныхъ, и едва ли могли замѣтно сгладить бѣдствія нищенства.

Тяжелая картина... Хотѣлось бы смягчить мрачность ея красокъ, но единогласныя свидѣтельства современниковъ—русскихъ и иностранцевъ—не даютъ матеріала для болѣе свѣтлыхъ и радостныхъ тоновъ, и это тѣмъ болѣе, что фономъ для нея является тяжелый процессъ закрѣпощенія сословій и стихійныя бѣдствія Смутнаго времени. Безотрадности и мрачности матеріала для этой картины содѣйствовали особыя свойства нашихъ источниковъ. Иностранцы преломляли русскій бытъ сквозь призму своихъ далеко ушедшихъ впередъ культурныхъ нравовъ и привычекъ, и тѣмъ болѣе неприглядною казалась имъ русская дѣйствительность по сравненію

съ западнымъ бытомъ. Котошихинъ, писавшій въ Швеціи о Россіи, также исходилъ изъ сравненія западно-европейской жизни съ русскою, и къ невыгоднымъ результатамъ сравненія часто примѣшивалось чувство обиды изгнанника. Наконецъ, Стоглавъ, этотъ спеціальный указатель «поисшатавшихся обычаевъ», также можетъ считаться одностороннимъ отраженіемъ духовнаго облика московскаго общества. Но, несмотря на эту тенденціозность и однобокость отмѣченныхъ источниковъ, общій тонъ русской жизни и особенно быта низшихъ классовъ едва ли чрезмѣрно преувеличенъ, даже по сравненію съ такимъ объективнымъ сборникомъ московскихъ идеаловъ, какимъ является Домострой. Послѣдній—не говорю про обличительную его часть — даже въ лучшихъ его пожеланіяхъ пропитанъ духомъ особой кротости и смиренія,—рабской философіей и рабовладѣльческой моралью...

Домашній бытъ московскихъ патріарховъ.

В. И. Пичета.

I. Патріаршая власть.

При царѣ Ѳеодорѣ русская церковь, управляемая до сихъ поръ митрополитами, съ половины 15-го вѣка независимыми отъ константинопольскаго патріархата, получила изъ рукъ царской власти—собственнаго патріарха. Учрежденіе въ Москвѣ «превысочайшаго престола патріаршаго» логически вытекало изъ того положенія, которое занялъ великій князь послѣ паденія Византіи. Разъ московскій князь, согласно ученію московскихъ книжниковъ, занялъ мѣсто византійскаго императора, опиравшагося въ своемъ званіи на высшій духовный авторитетъ патріарха, слѣдовательно, владыка «третьяго Рима» въ своемъ новомъ значеніи не могъ обойтись безъ собственнаго патріарха въ «царствующемъ градѣ». По существу, положеніе новыхъ патріарховъ ничѣмъ не отличалось отъ положенія прежнихъ первосвятителей, «митрополитовъ московскихъ и всея Россіи».

Но на дѣлѣ великому господину «святѣйшему патріарху московскому» удалось вскорѣ занять нѣсколько иное положеніе въ сравненіи съ московскими архипастырями. Достаточно вспомнить о дѣятельности патріарха Гермогена, которому въ безгосударственное время пришлось стать во главѣ государства и быть нѣкоторое время звеномъ, связующимъ отдѣльныя государства «россійскаго царствія».

Еще болѣе поднялось политическое положеніе русскихъ патріарховъ при первыхъ царяхъ новой династіи. Власть Филарета была равноцѣнна царской. Историки находятъ возможнымъ говорить о времени царя Михаила, какъ періодѣ двоевластія, когда дѣла докладывались двумъ великимъ государямъ, рѣшались обоими; иностранные послы представлялись обоимъ вмѣстѣ, подавались двойныя граматы, подносились двойные дары. Можно съ увѣренностью сказать, что энергичный Филаретъ закрылъ собою тщедушную фигуру царя, оттѣснивъ его на задній планъ.

Такого же рода двоевластіе имѣло мѣсто и при Никонѣ. Убѣжденный въ превосходствѣ «священства надъ царствомъ», Никонъ мечталъ объ осво-

божденіи церкви въ лицѣ патріарха и подчиненіи ему, какъ духовному владыкѣ, блюстителю и охранителю вѣчныхъ незыблемыхъ божественныхъ законовъ всей государственной и общественной жизни. Никону нетрудно было достигнуть нѣкоторыхъ успѣховъ въ этомъ направленіи. Своеобразная мягкость и отчасти сантиментальность царя Алексѣя Михайловича, соединенныя съ его искренней религіозностью и высокимъ представленіемъ о высшемъ духовномъ санѣ патріарха, оказали Никону большую услугу въ достиженіи намѣченной теократической программы.

Правда, Никону не удалось всего выполнить, но въ періодъ его патріаршества царская власть была связана тѣсными узами съ патріаршеской, такъ что и время Никона можно назвать двоевластіемъ.

Всѣ граматы писались отъ лица «великихъ государей»—«указалъ государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ вся Руссіи и мы, великій государь-патріархъ». Можно сказать, что соправительство свѣтской и духовной власти на дѣлѣ сводилось къ полному подчиненію «власти царевой»—патріарху. И правъ былъ одинъ изъ оппонентовъ Никона—Нероновъ, говоря: «дивлюсь—царевы власти не слыхать—твои посланники пуще царскихъ всѣмъ страшны, никто съ ними не смѣетъ говорить, затвержено у нихъ—знаете ли патріарха». Иностранцы, подчасъ тонкіе наблюдатели русской жизни, называютъ первосвятителя не иначе, какъ «всемогущимъ». Но при нормальномъ отношеніи двухъ властей патріархъ только первый чинъ въ государствѣ послѣ царя, и по Соборному Уложенію 1649 года онъ пользуется особымъ покровительствомъ закона и охраняется нѣсколько повышенной системой наказаній. Сообразно такой роли и вліянію патріарховъ и складывался ихъ домашній бытъ, принявшій опредѣленную окраску только во второй половинѣ 17-го вѣка.

Связь между чиномъ и бытовымъ укладомъ была уже давно отмѣчена умнымъ Котошихинымъ. Рисуя рядъ бытовыхъ картинокъ «царскаго и боярскаго житья», наблюдательный подъячій замѣчаетъ: «а въ домѣхъ они своихъ живутъ, противъ того, кто какой чести и чиномъ. И самымъ меньшимъ чинамъ домовъ своихъ построить добрыхъ не мочно, потому что уразумѣютъ о нихъ богатство многое имѣютъ и обжегутъ царю и многія кривды учинятъ, что будто онъ былъ посульникъ и злоиматель и царскія казны не берегъ». Опредѣленіе домашняго уклада «чиномъ» находится въ тѣсной связи съ мѣстничествомъ въ эпоху его расцвѣта. Но патріархъ стоялъ внѣ спора «о мѣстахъ». Понятно, что весь домашній обиходъ патріарховъ, какъ первыхъ сановниковъ въ государствѣ, складывался по-иному, чѣмъ бытъ другихъ чиновъ, а близость къ престолу, стремленіе занять подчасъ равное мѣсто съ нимъ сильно вліяли на характеръ домашней жизни патріарха. Можно считать вполнѣ нормальными заботы святителей о домашнемъ своемъ бытѣ, устроеніи двора возможно болѣе богато и пышно, такъ какъ все это являлось во многомъ подражаніемъ домашнему быту царей. Такъ, при Филаретѣ патріаршій придворный штатъ по своему блеску вполнѣ соотвѣтствовалъ штату царскаго дворца. Великіе «молитвенники» были къ тому же богатѣйшими землевладѣльцами, и обычнаго дохода съ имѣній было вполнѣ достаточно для осуществленія при-

Gravüre Mezzotinto Brückmann München.

Патріаршая карета

Находится въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ.

личнаго ихъ положенію уклада жизни. Погоня за внѣшнимъ блескомъ и мірской суетой не была чужда первосвятителямъ, забывавшимъ, что это противорѣчитъ взгляду на патріарха, какъ «лучшаго носителя и выразителя религіозно-нравственнаго сознанія». Вся жизнь патріарха была подчинена извѣстному ритуалу. «Нижайшіе послушники» строго его соблюдали и не церемонились съ его нарушителями, подражая въ этомъ отношеніи царской власти. Внѣшнее убранство патріаршаго дома отличалось большой пышностью, и въ стремленіи придать возможно больше блеска своему дому патріархи не брезговали никакими предметами, хотя бы даже послѣдніе были вывезены изъ Европы. Боясь идейнаго вліянія Запада и ведя неустанно борьбу съ нимъ, патріархи тѣмъ не менѣе набрасывались на заморскія вещи, скупая и помѣщая ихъ въ своихъ палатахъ и келіяхъ, превращавшихся въ своего рода музеи европейскихъ предметовъ. Такъ и палаты ревнителей «православія и благочестивой старины» не избѣгли вліянія еретическаго Запада.

II. Патріаршій дворъ.

Патріархи жили на особомъ дворѣ недалеко отъ царя. Сейчасъ трудно прослѣдить его исторію, но можно съ увѣренностью сказать, что до Никона дворъ находился въ другомъ мѣстѣ. Первоначальное его мѣстоположеніе опредѣлить очень трудно. Изслѣдователи расходятся по этому вопросу, но едва ли можно согласиться съ И. Е. Забѣлинымъ, предполагавшимъ его мѣстоположеніе въ сѣверной сторонѣ Успенскаго Собора, гдѣ условія мѣстности позволяли выстроить обширныя хоромы съ необходимыми строеніями. Скорѣе патріаршій дворъ былъ въ западной сторонѣ собора, огибая его своей оградой съ воротами съ сѣверо-западной стороны по направленію къ церкви Положенія Ризы Пресвятой Богородицы, находящейся за западнымъ выходомъ въ Успенскій соборъ.

Впрочемъ, трудно придти къ окончательному выводу, такъ какъ лѣтописныя извѣстія ничего не сообщаютъ относительно мѣстоположенія патріаршаго двора.

Вѣроятно, сначала патріаршій дворъ не отмѣчался внѣшнимъ блескомъ. Недаромъ такой цѣнитель внѣшняго величія, какъ патріархъ Никонъ, не пожелалъ жить въ келліяхъ своихъ предшественниковъ по каѳедрѣ. Возлюбивъ, по словамъ одной челобитной, «стоять высоко и ѣздить широко», Никонъ принялся за перенесеніе патріаршаго дома въ другое мѣсто, выстроивъ его по своему вкусу, да и обстоятельства складывались удачно для первосвятителя. Царь Алексѣй въ 1652 году подарилъ своему другу мѣсто, находящееся теперь между Синодальнымъ домомъ и Кремлевскими казармами. Располагая большими средствами, Никонъ и задумалъ построить новый дворъ, такъ какъ старый сильно пострадалъ отъ пожара, бывшаго въ 1650 году. Мѣстоположеніе новаго двора описано въ запискахъ извѣстнаго Павла Алеппскаго: «противъ сѣверной двери Успенскаго собора находятся палаты и дворецъ патріарха, выстроенные имъ въ настоящее время». Съ восточной стороны эти палаты оканчивались цер-

ковью 12 апостоловъ, существующей и понынѣ, а съ западной стороны примыкали къ церкви Ризъ Положенія. Въ этомъ дворѣ жилъ и умеръ послѣдній патріархъ—Адріанъ. Патріаршій дворецъ представлялъ изъ себя большое зданіе въ три этажа. Средній этажъ былъ собственно патріаршими хоромами; тутъ были «большая крестовая палата», «большая столовая палата»; кромѣ того, еще двѣ келліи: передняя и задняя, называвшіяся иначе «брусяными хоромами» и предназначавшіяся для постояннаго пребыванія патріарха. Передъ келліями находились обычныя сѣни—большія передъ переднею, малыя передъ заднею. Для удобства большія и малыя сѣни примыкали другъ къ другу и покрыты были «особой кровлею палатной». Внизу, подъ келліями, въ подклѣтяхъ, составлявшихъ нижній этажъ, помѣщались слуги патріаршаго штата. Тутъ жили и патріаршіе подъячіе, и пѣвчіе дьяки съ чашниками и дѣтьми боярскими. Здѣсь же находились и «погребы каменные». Къ нижнему этажу святительскаго дома примыкали сѣни, называвшіяся «исподними». Верхній этажъ не былъ предназначенъ для постояннаго пребыванія патріарха. Судя по дошедшимъ матеріаламъ, на третьемъ этажѣ находились помѣщенія для лицъ, не принадлежавшихъ къ придворному штату патріарха. Такъ, здѣсь была палата, «гдѣ старецъ Сильверстъ живетъ», палата, «гдѣ Ризположенскій попъ Гедеонъ». Патріаршіе покои соединялись съ другими зданіями, напр., царскимъ дворцомъ, переходами. Впослѣдствіи такими же переходами былъ соединенъ дворецъ патріарха съ Чудовымъ монастыремъ.

При святительскомъ домѣ было нѣсколько церквей, служившихъ для удовлетворенія религіозныхъ потребностей патріарха и почти недоступныхъ для постороннихъ, подобно царскимъ домовымъ церквамъ.

Въ патріаршемъ дворѣ, кромѣ дворца, находилось немало различныхъ хозяйственныхъ построекъ и жилыхъ помѣщеній въ зависимости отъ обычнаго уклада жизни патріарховъ. Отмѣтимъ палату для храненія «домовой казны», «кормовой дворецъ» съ входящими въ его составъ: поварней патріаршей и братской и расхожей поварней для дворовыхъ. Цѣлый рядъ разнообразныхъ построекъ принадлежалъ къ хлѣбному и сытному дворцамъ съ ихъ хлѣбопекарней, хлѣбораздаванной палатой, пивоварней и квасоварней. Краткое перечисленіе содержимаго въ этихъ дворахъ можетъ дать представленіе о размѣрахъ хозяйственныхъ запасовъ для нуждъ патріаршаго дворца. Въ ихъ погребахъ хранились: 753 бѣлуги; 921 осетръ, 170 тешъ бѣлужьихъ, 117 языковъ съ башками (отрѣзанная голова у всякой большой рыбы), 41 пудъ семги, 6 пошевовъ икры зернистой... двѣ бочки сельдей нѣмецкихъ; полторы бочки сельдей соловецкихъ и т. д.

Были тутъ же и различныя кладовыя, необходимыя во всякомъ хозяйствѣ. Тутъ и ледники, и молочный, и рыбный, и капустные погреба; палата, гдѣ медъ стоитъ, и гдѣ вино поставлено.

Упоминается также въ расходныхъ книгахъ и отдѣленіе житнаго дворца, находившагося подъ Москвой, у Новинскаго монастыря, а также и другія помѣщенія. Было бы утомительно заниматься ихъ перечисленіемъ, а для полноты описанія помѣщеній двора укажемъ на келью казначея,

палату портныхъ мастеровъ, больницу, палату, гдѣ учатъ пѣнію, иконописную и мн. др. Можно указать также на постройки, обусловленныя положеніемъ патріаховъ, какъ «первосвятителей церкви и носителей религіозныхъ и нравственныхъ началъ». Къ такого рода помѣщеніямъ можно отнести палату, гдѣ живутъ новокрещены; гдѣ писцы пишутъ книги съ переводу греческихъ книгъ; гдѣ живутъ нищіе. Наконецъ, въ распоряженіи патріарха былъ «большой кремлевскій конюшенный дворъ» съ конюшнями для лошадей, помѣщеніями для конюховъ и «конюшеннаго старца».

При патріаршемъ домѣ было два сада. Первый, «верхній», находился на крышѣ какого то зданія, на искусно сдѣланномъ бревенчатомъ высмоленномъ мостѣ, гдѣ была устроена «палатка» или бесѣдка; онъ предназначался для отдыха патріарха. Только послѣ Никона былъ устроенъ нижній садъ «съ чардакомъ деревяннымъ на столбикахъ точеныхъ съ подзорінами рѣзными и четырьмя точеными яблоками, обитыми желѣзомъ», т. е. бесѣдка. Въ садахъ были разведены цвѣтники, посажены фруктовыя деревья и разнообразныя огородныя растенія. Въ садахъ росли яблони, груши, вишни, кусты малины и красной и черной смородины; культивировались тюльпаны, гвоздика, макъ, романъ турскій... Огородныя овощи— бобы, салатъ, имѣли, какъ кажется, декоративное значеніе, такъ какъ у патріарха были свои спеціальные огороды на Прѣснѣ за Мясницкими и Спасскими воротами и на своемъ дворѣ.

Расходы по устройству и содержанію сада составляли немалую сумму въ патріаршемъ расходномъ бюджетѣ. Особенно дорого стоили цвѣтники, луковицы для которыхъ выписывались изъ-за границы. У патріарха были и собственные рыбные ловы въ «садахъ на рѣкѣ Москвѣ», а потомъ появляются и пруды, выкопанные уже при Іоакимѣ въ его собственной слободѣ Козихѣ, при устьѣ Прѣсни, и за Петровскими воротами на рѣчкѣ Неглинной.

Но патріархи не всегда жили въ Москвѣ. Они любили ѣздить по своимъ вотчинамъ, и вездѣ были выстроены въ селахъ патріаршія палаты, напр., въ Пушкинѣ, Вельяминовѣ, Владыкинѣ, Тайнинскомъ.

Таковы хозяйственныя и жилыя помѣщенія патріарховъ.

Архитектура патріаршаго дома напоминаетъ собою царскія постройки. Патріаршій дворецъ, выстроенный при Никонѣ, неоднократно ремонтировался при его преемникахъ, отчасти перестраивался въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ, напр., пожара; но, въ общемъ, внѣшній его видъ, расположеніе внутри помѣщеній оставалось тѣми же, какъ и при Никонѣ, вплоть до уничтоженія патріаршества. По-прежнему выше всѣхъ домовъ поднимались великолѣпныя каменныя палаты патріарха, называемыя Павломъ Алепскимъ «рѣдкоснымъ сооруженіемъ, которое поражаетъ умъ удивленіемъ, такъ что, быть можетъ, нѣтъ ему подобнаго и въ царскомъ дворцѣ».

III.

Патріархи много заботились о «хоромномъ нарядѣ», и убранство нѣкоторыхъ ихъ комнатъ отличалось большею роскошью, рѣзко бросавшеюся въ глаза.

Въ особенности этому убранству придавалъ огромное значеніе Никонъ, стремившійся внѣшнимъ блескомъ и роскошью затмить дворецъ своего друга, «великаго государя».

Какъ въ убранствѣ внутреннихъ покоевъ царскаго дворца можно было отмѣтить вліяніе иностранцевъ, такъ и въ патріаршихъ хоромахъ рядомъ со старинной древне-русской обстановкой попадались предметы иноземнаго происхожденія, и патріархъ не только не избѣгалъ ихъ, а скорѣе, наоборотъ, скупалъ ихъ, храня въ своихъ палатахъ. Такъ и патріаршій дворецъ отразилъ на себѣ переломъ въ русской жизни 17-го вѣка. Рядомъ съ простыми лавками и скамьями, разставленными по стѣнамъ, кое-гдѣ стояли одиноко кресла, стулья, обитые бархатомъ, серебряные, позолоченные. Стѣны комнатъ были украшены сукнами разныхъ цвѣтовъ, а иногда кожей, «золотной и яловичной красной», а въ исключительно-торжественныхъ случаяхъ и болѣе дорогими матеріями, напр., червоннымъ бархатомъ. Кромѣ того, многія комнаты были украшены «стѣннымъ и подволочнымъ письмомъ», преимущественно на религіозные сюжеты иконографическаго и нравственно-назидательнаго характера: образъ Іисуса Христа, Недреманное око, Знаменіе Пресвятой Богородицы, Іосифъ обрученный и Елизавета, Богородица съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и Апостолы; иногда стѣны украшались «фряжскими листами», эстампами, гравированными на мѣди и деревѣ, и въ казнѣ Никона числилось около 200 листовъ фряжскихъ, а по образцу послѣднихъ уже въ XVII вѣкѣ стали печататься и у насъ такіе листы на деревѣ, на лубу, откуда и пошли такъ называемыя лубочныя картинки.

Въ стѣнахъ дѣлались окна; въ оконныя отверзтія вставлялись вставни или «оконничные станки», обитые для тепла войлокомъ, желѣзомъ, епанчей. Переднее окошко въ крестовой палатѣ, около котораго садился патріархъ, обивалось краснымъ сукномъ. Въ оконничныхъ станкахъ укрѣплялись оконницы въ родѣ рамъ, довольно прихотливой формы. Въ эти оконницы и вставлялась слюда, но уже при Никонѣ, несмотря на дороговизну стекла, употреблялось и стекло. Такъ, въ крестовой палатѣ было уже «семь окончинъ большихъ стекольныхъ». Иногда съ наружной стороны къ окнамъ придѣлывались желѣзныя рѣшотки; иногда оконницы, слюда и стекло расписывались красками и золотомъ. Рисунки изображали травы, цвѣты, животныхъ и птицъ. Во время торжественныхъ пріемовъ на подоконникахъ постилались сукна, турецкій атласъ и др.

Двери въ патріаршихъ хоромахъ обивались также епанчей, сукномъ, кожей, а иногда расписывались и «разными травами». Двери были деревянныя, но въ крестовой палатѣ при Никонѣ была одна стеклянная дверь, соединявшая палату съ другими святительскими помѣщеніями. При постройкѣ патріаршаго дома обращалось много вниманія на поддержаніе въ немъ тепла въ суровое зимнее время. Нагрѣвались палаты разнымъ способомъ. Верхніе этажи получали тепло отъ подклѣтныхъ печей посредствомъ «проводныхъ трубъ», откуда согрѣтый воздухъ выходилъ черезъ душники, а иногда устраивались и печи, но такъ, что въ комнату выходила только ея задняя часть. Печные изразцы расписывались красками въ

Работа художн. Афанасьева

Царская карета XVIII в.

Находится въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ.

видѣ какихъ-либо травъ и другихъ рисунковъ, а трубныя заслонки у печей часто опушивали полетью, войлокомъ и сукномъ.

IV. Патріаршія палаты.

По сообщенію Павла Алеппскаго, съ особеннымъ великолѣпіемъ была убрана Крестовая палата. Большая часть ея передней стѣны была занята иконостасомъ изъ нѣсколькихъ ярусовъ. Иконы иконостаса были украшены золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями.

Передъ иконами теплился постоянный огонь въ лампадахъ или въ особо устроенныхъ подсвѣчникахъ, такъ называемыхъ водолеяхъ, куда на ночь вставлялись сальныя свѣчи. Въ центрѣ Крестовой палаты, у стѣны находилось патріаршее мѣсто на небольшомъ возвышеніи, обитомъ яловичной кожей и, сверхъ того, покрытомъ сукномъ или бархатомъ. Патріархъ возсѣдалъ на немъ только въ особо торжественныхъ случаяхъ, а въ обыковенное время пользовался лавкой или скамьей. Для занятій патріарха стоялъ дубовый столъ на рѣзныхъ и точеныхъ ножкахъ, раскрашенный разными красками и покрытый какимъ-либо сукномъ или ковромъ. На столѣ была поставлена оловянная чернильница съ песочницей и лебежьими перьями для письма.

Въ оффиціальной жизни патріарховъ Крестовая палата имѣла особенное значеніе. Въ ней происходили всѣ торжественные пріемы патріарха, царя и другихъ лицъ, собирались члены церковнаго собора, происходило нареченіе въ санъ епископа избранныхъ соборомъ лицъ; происходили совѣты объ избраніи лица на вакантный патріаршій престолъ; происходили патріаршія празднества. Главнымъ патріаршимъ праздникомъ былъ день 15 августа—каѳедральный праздникъ московскихъ святителей. Наканунѣ патріархъ бывалъ у царя съ приглашеніемъ къ церковнымъ службамъ и потомъ откушать хлѣба въ Крестовой палатѣ. Собиралось обыкновенно много свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ; тутъ бывали: высшіе духовные и свѣтскіе чины, соборяне, городскіе чины, стрѣлецкіе головы. Всѣхъ угощали на славу, такъ что и на другой день пѣвчіе «прохладны» бывали и забывали, какъ пѣть надобно. Подавали икру зернистую, разныя яства, количество которыхъ зависѣло отъ «чина», и запивалось разными винами и медами. Присутствовавшіе на праздникѣ надѣлялись подарками: такъ, въ 1666 г. государь получилъ въ подарокъ образъ Успенія и аксамитъ золотой; патріархъ Паисій Александрійскій—образъ Пресвятой Богородицы съ четырьми святителями, кубокъ серебряный, 10 аршинъ бархата турецкаго золотого, бархатъ гладкій зеленый, атласъ лазоревый съ зеленью.

Такой же торжественный столъ происходилъ 21 декабря въ день памяти митрополита Петра, а также въ Вербное воскресенье послѣ окончанія торжественнаго шествія на осляти. Тутъ же происходило прощеніе патріарха съ государемъ въ воскресенье Сырнаго заговѣнія, послѣ чего обрядъ прощенія патріархъ справлялъ съ духовными властями для своихъ приказныхъ и дворовыхъ людей. Обрядъ прощенія, по описанію И. Е. За-

бѣлина, совершался слѣдующимъ образомъ. Государь, послѣ совершенія обряда прощенія въ Успенскомъ соборѣ, шелъ къ патріарху въ сопровожденіи бояръ и прочихъ чиновъ. У патріарха къ этому времени собирались всѣ духовныя власти. Патріархъ встрѣчалъ государя на лѣстницѣ и благословлялъ. Затѣмъ патріархъ произносилъ «Достойно» и молитву «приходную», и опять государь съ боярами получали благословеніе. Затѣмъ всѣ садились по лавкамъ. Государь и патріархъ сидѣли на креслахъ другъ противъ друга, а бояре напротивъ государя; высшее духовенство размѣщалось противъ патріарха. Въ сѣняхъ крестовой палаты былъ поставленъ особый поставецъ съ разными фряжскими винами: романеею, ренскимъ, бастромъ; русскими медами краснымъ и бѣлымъ, и съ овощами. Затѣмъ, по указу государя, думный дворянинъ, сидѣвшій за поставцемъ, накладывалъ по три кубка романеи да ренскаго, да бастры и давалъ ихъ стольникамъ, которые, чинно входя, подносили ихъ патріарху. Принявъ кубки, патріархъ отливалъ для себя изъ каждаго и потомъ подносилъ государю всѣхъ питей по три кубка. Государь пробовалъ и отдавалъ кубки стольникамъ. Такимъ же порядкомъ получали кубки и бояре. Во второй разъ съ той же церемоніей подносили красный медъ въ золотыхъ ковшахъ, а потомъ «тѣмъ же обычаемъ» бѣлый медъ въ серебряныхъ ковшахъ. Когда оканчивались прощальныя чаши, государь съ патріархомъ садились на свои мѣста, а бояре и всѣ находившіеся уходили изъ палаты. Государь и патріархъ оставались одни съ полчаса. Потомъ снова входили бояре, патріархъ вставалъ съ мѣста, говорилъ: «Достойно есть» и «прощеніе». Государь съ боярами уходилъ, а патріархъ съ духовными властями провожали его до того мѣста, гдѣ встрѣчали. Такимъ образомъ въ крестовой палатѣ происходили пріемы, на которыхъ выступалъ патріархъ, какъ первый сановникъ государства и духовный отецъ русскаго народа.

Не менѣе важное значеніе въ бытѣ «великихъ богомольцевъ» имѣла столовая палата, уступавшая по размѣрамъ и убранству крестовой палатѣ, хотя характеръ убранства оставался такимъ же. И въ столовой палатѣ происходили торжественные пріемы и празднества, во время которыхъ патріархъ кормилъ въ ней «всякихъ чиновъ людей».

Собственно, домашними комнатами патріарха были моленная, или малая крестовая, въ которой патріархи совершали домашнія молитвы и церковныя правила, комнатка для занятій патріарха, малая столовая и спаленка. И эти комнаты обильно украшались, по обычаю, иконами, поставленными въ кіотѣ. Въ частности въ моленной стоялъ налой для богослужебныхъ книгъ и лежали ризы, сдѣланныя изъ шелковой или атласной матеріи; при отправленіи обычнаго молитвословія въ нихъ облачался патріархъ.

Въ кабинетѣ патріархъ проводилъ большую часть дня. Сидя на креслѣ, обитомъ бахромой либо какой-нибудь дорогой матеріей, за столомъ, покрытымъ сукномъ, патріархъ занимался текущими дѣлами, писалъ соотвѣтствующія резолюціи, отдавалъ приказанія «домочадцамъ».

На столѣ находились серебряная чернильница, наполненная «добрыми чернилами», лежали для письма гусиныя и лебяжьи перья, песочница, писчая бумага для писанія «верховыхъ писемъ», ножницы для рѣзанія бу-

маги въ формѣ столбцовъ, клей для ихъ склеиванія и, наконецъ, патріаршая печать. Въ кабинетѣ находились часы съ расписаннымъ золотомъ часовымъ кругомъ и маленькая библіотечка съ книгами.

Книги—исключительно церковнаго характера; тутъ были: кормчая, псалтырь учебная и толковая, десять тетрадей изъ Св. Отецъ о святительскомъ судѣ. Въ общемъ, обстановка кабинета отличалась простотой XVII вѣка, если не считать поставленныхъ тамъ «стеклянныхъ стакановъ; кувшиновъ хрустальныхъ; стклянки небольшого нѣмецкаго дѣла»— все это было тогда предметомъ роскоши. Наконецъ, и попугай проникаетъ въ патріаршія палаты.

Въ малой столовой патріархъ обыкновенно обѣдалъ. Комната была очень просто убрана: липовый столъ да скамейки—вотъ и вся незатѣйливая обстановка. Столъ покрывался скатертью, «на чемъ св. патріарху кушать». Патріаршій столъ былъ монашескій, а потому и въ скоромные дни подавалась рыбная и растительная пища. И патріархи любили покушать. Павелъ Алеппскій удивляется способности русскихъ поваровъ приготовлять рыбный столъ. «Вкусъ иной рыбы иногда не отличишь отъ мяса молодого ягненка», сообщаетъ вышеупомянутый наблюдатель, неоднократно кушавшій совмѣстно съ патріархомъ. Обѣдали рано. Начинали съ холодныхъ закусокъ: зернистой икры и вязиги съ хрѣномъ. Подавалось часто холодное изъ стерляди, щуки, леща, язя. Затѣмъ шла горячая уха: щучья, стерляжья, линевая, судачья, карасевая, венгерская, при чемъ къ каждой ухѣ подавались особые пироги: росольные, кислые, косые, долгіе, съ молоками, караси, разныхъ сортовъ жареная рыба. Обѣдъ заканчивался сладкимъ: изюмомъ, фруктами, компотами. За обѣдомъ подавались меды съ прозваніями: вишневый, малиновый, черничный. Въ патріаршемъ домовомъ обиходѣ были въ ходу и вина: церковное и ренское.

Въ большіе посты столъ патріарха былъ болѣе простъ, а въ первые недѣли Великаго поста «кушанія не было и яствы не держали». Патріархъ питался капустой, а по средамъ и пятницамъ—«взваръ со пшеномъ сорочинскимъ, да съ шефраномъ, да съ перцемъ, да съ медами, яды миндальные, хрѣнъ, орѣхи грецкіе»; словомъ, употреблялись большею частію сласти, не занимавшія виднаго мѣста въ другіе дни въ патріаршемъ столовомъ обиходѣ.

Наконецъ, спаленка служила патріаршей опочивальней.

Собственно кровати у патріарха не было; по русскому обычаю, кровать устраивалась на широкой лавкѣ у келейной стѣны. На лавку клался тюфякъ, набивавшійся гусинымъ пухомъ, оленьею шерстью и покрывавшійся «тафтой лазоревой, камкой алой индѣйской». На тюфякъ клался пуховикъ, на который постилалась простыня изъ тонкаго полотна. Подушки были набиты гусинымъ пухомъ. У патріарховъ были очень богатыя одѣяла, смотря по сезону—зимнія и лѣтнія. У патріарха Адріана было зимнее одѣяло «на лисьемъ мѣху» съ собольею опушкою, крытое вишневымъ атласомъ съ заголовьемъ или передникомъ изъ зеленаго атласа.

На полъ у кровати постилались мѣха. Въ спаленкѣ находился рукомойникъ, сдѣланный изъ мѣди или олова, съ подставнымъ тазомъ и

«кунчанъ»—кувшинъ. При умываніи употреблялось простое мыло, костромское, а иногда душистое «составное съ разными травами». Полотенца дѣлались изъ льняного полотна или тонкаго холста. До XVII вѣка были въ употребленіи ручныя зеркала: «зеркало хрустальное, станокъ костяной, врѣзаны раковины, во влагалищѣ въ суконномъ». Съ половины XVII вѣка въ большомъ ходу стѣнныя зеркала: въ концѣ вѣка для патріаршихъ хоромъ было куплено стѣнное зеркало «въ рамѣ стеклянной», мѣрою съ рамой—въ вышину $1^1/_4$ аршина, въ ширину 1 аршинъ, на рамѣ 4 наугольника стеклянныхъ травчатыхъ, между угольниковъ 4 штучки травчатыя жъ стеклянныя. Наконецъ, въ спаленкѣ имѣлись гребенки, какъ необходимая принадлежность спальнаго обихода патріарховъ.

V. Патріаршій придворный штатъ.

Сложность и своеобразность патріаршаго уклада жизни отразилась несомнѣнно на увеличеніи придворнаго штата, который былъ уже и у митрополитовъ, имѣвшихъ «люди дворныя митрополичи лутчіа, и слуги пошлыя, сирѣчь лутчіа, митрополичи...—митрополичи бояре...» Количество лицъ, принадлежавшихъ къ придворному штату при Никонѣ, было около 250, и всѣ они получали опредѣленное годовое содержаніе. Казначей и дворецкій среди администраціи занимали первое мѣсто; въ ихъ вѣдѣніи находились приказы: казенный и дворцовый. Управленіе всѣми доходами, поступавшими съ церквей патріаршей области и съ вотчинъ, откуда постоянно привозили натуральные продукты для святительскаго обихода, сосредоточилось въ ихъ рукахъ. Помощниками ихъ было нѣсколько дьяковъ и подъячихъ. Затѣмъ слѣдуютъ ризничій, патріаршій келейникъ, крестовое духовенство — причтъ при каждой патріаршей церкви, иподьяконы, пѣвчіе дьяки и подьяки шести «станицъ», числомъ 40 человѣкъ. Хозяйствомъ патріарха вѣдали различныя лица: тутъ были — сушильный сторожъ съ подъячимъ; поваренный старецъ былъ старшимъ надъ поварами, приспѣшный старецъ съ подъячимъ (хлѣбенный дворъ, сытенный дворъ, конюшенный и т. д.). Среди штата было немало иконописцевъ. Упоминаются также мастера: серебренники, басманники, золотописцы, плотники, портные, свѣчники, воротники, водовозы, дворники, истопники, огородники, садовники. Наконецъ, къ придворному штату принадлежали патріаршіе дворяне и «дѣти боярскія». Часть этихъ лицъ «ходила въ недѣляхъ», т. е. несла понедѣльныя дежурства при дворѣ, а другая часть разсылалась по городамъ и селамъ «для всякихъ своихъ дѣлъ». Общее количество служилыхъ людей замѣтно увеличилось при «великихъ государяхъ» Филаретѣ и Никонѣ—доходило до $2^1/_2$ тысячъ.

Поступленіе въ патріаршій штатъ опредѣлялось указами царя или патріарха. Лица, имѣвшія государственное значеніе,—дворецкій, казначей,—указами царя, а имѣвшіе значеніе при патріархѣ—указами послѣдняго. Желавшій поступить на службу подавалъ челобитную. Кромѣ того, требовалась «поручная запись», какъ ручательство за безупречное служебное

поведеніе челобитчика. Такъ, въ поручной по одномъ лицѣ, просившемся въ истопники, писалось: «ему—за нашею порукою будучи у великаго государя въ патріаршей крестовой палатѣ въ истопникахъ не пить и не бражничать и зернью и карты не играть и съ воровскимъ людомъ не водитца и не знатца... и иные никакіе хитрости и дурны подъ государевою казною не учинить...» Служащіе пользовались опредѣленнымъ содержаніемъ. Придворная свита большею часть была верстана помѣстьями, а иногда получала годовое жалованье, доходившее до 15 руб. Дѣти боярскія получали вознагражденія отъ 2 до 5 руб. Кромѣ денегъ служилый штатъ получалъ жалованіе натурой и необходимыми матеріями, одеждами. Иногда, за услуги, «въ приказъ, а не въ окладъ» назначалась какая-нибудь сверхсмѣтная награда. Наконецъ, патріаршіе иподіаконы получали «еще славленныя деньги», присылаемыя въ Москву отъ всѣхъ русскихъ архіереевъ и большинства монастырей.

VI. Патріаршая одежда.

Высотѣ патріаршаго сана соотвѣтствовали только ему свойственныя одежды. Поверхъ нижней сорочки патріархъ носилъ ряску изъ тафты, камки, атласа, бархата и другихъ шелковыхъ матерій разныхъ цвѣтовъ. Преобладали цвѣта вишневый, багровый, брусничный, малиновый, дымчатый, темно-лиловый. Ряска—это широкій, съ прямой спиной, безъ таліи съ узкими рукавами, кафтанъ; на передней его сторонѣ сверху донизу шелъ продольный разрѣзъ посрединѣ. Края разрѣза завязывались нашивками другого цвѣта, чѣмъ матеріи рясы, или застегивались петлями на пуговицы. Нашивки или петли съ пуговицами шли по всей длинѣ разрѣза отъ воротника до подола. Ряска подпоясывалась такъ называемымъ татауромъ, поясомъ, кожанымъ или шелковымъ. Со временъ грекофильствующаго Никона, патріархи поверхъ ряски стали носить рясу, отчасти похожую на современную; рясы дѣлались изъ дорогихъ матерій: атласа, бархата. Поверхъ рясы надѣвалась мантія или «манатья», составлявшая необходимую принадлежность монашескаго костюма. Безъ мантіи монаху было неприлично показаться въ обществѣ. Въ торжественныхъ случаяхъ патріархи надѣвали парадныя мантіи: бархатныя, атласныя, шелковыя. Въ остальные дни патріархи носили простую мантію изъ черной матеріи.

По обычаю того времени патріархи, какъ и всѣ монахи, носили короткіе волосы. При патр. Филаретѣ былъ какой то старецъ—Ермогенъ, который «понавливалъ» государю-патріарху голову. Кажется, Никонъ, согласно принятому у грековъ обычаю, носилъ длинные волосы. Но послѣ Никона опять вернулись къ старинѣ. Патріархи подстригали волосы, и въ приходо-расходныхъ книгахъ встрѣчаются указанія объ уплатѣ вознагражденія старцу, что онъ «св. патріарха съ головы власы облачилъ».

На головѣ патріархи носили шапочку въ родѣ современной скуфьи, и только при Никонѣ полусферическая шапочка стала замѣняться цилиндрообразной, благодаря извѣстному тяготѣнію Никона къ греческимъ обря-

дамъ. Шапочки перваго рода дѣлались изъ атласа разныхъ цвѣтовъ, подкладывались «киндякомъ», а для тепла пухомъ или какимъ-либо мѣхомъ: куницей, горностаями. Камилавки дѣлались изъ чернаго бархата и подкладывались войлокомъ и дорогой матеріей. На скуфью или камилавку надѣвалась бѣлая камчатая ткань, сверху утверждался крестъ, иногда бриллiантовый. Все это вмѣстѣ и составляло патріаршій клобукъ.

Послѣдніе были «большого наряда, средніе и меньшіе». Такъ, на большомъ клобукѣ Филарета имѣется изображеніе херувима, низанное жемчугомъ, на «воскрыліяхъ» утверждались серебряныя пластинки, на которыхъ чернью наведены изображенія разныхъ святителей. Большой простотой отличались клобуки повседневные или «меньшаго разряда». Они имѣли только изображеніе херувима или Спасителя съ Пресвятой Богородицей и Іоанномъ Крестителемъ, но безъ ликовъ святыхъ на «воскрыліяхъ».

Наконецъ, необходимою принадлежностью патріаршаго наряда были панагія, посохъ и четки. Панагіи дѣлались самой разнообразной формы, изъ золота и серебра и осыпались драгоцѣнными камнями; иногда просто вырѣзывались изъ дерева. Носились онѣ на груди. Священныя изображенія на нихъ разнообразны: изображались Распятіе, Богоматерь, Троица.

Патріаршіе посохи походили на современные архіерейскіе; верхъ ихъ дѣлался иногда немного вогнутымъ внизъ или въ формѣ зміевидныхъ головъ, загнутыхъ кверху. Посохи украшались драгоцѣнными камнями. Четки дѣлались или изъ плетенаго ремня—лестовки или изъ какихъ-нибудь дорогихъ матеріаловъ: коралла, яшмы, хрусталя, рыбьяго зуба. Нанизывались онѣ на шелковый шнурокъ, къ концамъ котораго прикрѣплялись золотыя и серебряныя кисти. Наконецъ, на ногахъ патріархи носили сапожки, башмаки, ботинки изъ кожи разныхъ цвѣтовъ, преимущественно изъ цвѣтного сафьяна. Сапожки дѣлались съ каблучками, къ которымъ прибивались металическія скобочки. Описанная выше одежда употреблялась патріархами дома, во время выходовъ и пріемовъ. Но патріархи не любили сидѣть дома и часто ѣздили далеко. Конечно, домашній костюмъ не годился для поѣздокъ, и патріархъ одѣвалъ особую походную одежду, лѣтнюю или зимнюю, въ зависимости отъ времени года. Необходимой принадлежностью походнаго наряда была кошуля—родъ ряски изъ кошки или киндяка, которая подкладывалась пухомъ и подбивалась мѣхами. Подъ кошулю надѣвались теплые штаны, зимой подбитые мѣхомъ. Поверхъ кошули надѣвалась шуба, украшавшаяся для застегиванія нашивками, а къ послѣднимъ привѣшивались иногда кисти «золотыя Гирейскія». Шуба дѣлалась на мѣху, при чемъ отдѣльныя ея части дѣлались изъ разныхъ мѣховъ. Во время поѣздокъ лѣтомъ патріархъ одѣвалъ шляпу съ широкими полями изъ чернаго сукна, а для зимнихъ употреблялся «треухъ» на подобіе капора съ тремя лопастями для согрѣванія ушей и затылка. Треухъ покрывался дорогой матеріей и подкладывался соболемъ или бобромъ. Поверхъ нашивался крестъ.

Въ лѣтнее время патріархи для защиты отъ солнца пользовались «солнышникомъ» изъ «изорбафной» матеріи, подложенной зеленою тафтой и

укрѣпленной на китовыхъ усахъ; посохъ—изъ китайскаго дерева, а ручка—изъ слоновой кости; наверху утверждался четвероконечный серебряный вызолоченный крестъ. Отъ дождя патріархи пользовались дождевымъ зонтикомъ — «покровомъ отъ дождя»; такъ называлась «палатка суконная, подложенная киндякомъ лазоревымъ, что носятъ надъ святѣйшимъ патріархомъ».

VII. Патріаршіе пріемы.

Патріархъ вставалъ очень рано, какъ и всѣ русскіе люди того времени. Послѣ домашней молитвы въ своей моленной патріархъ занимался дѣлами и пріемами, а часовъ въ 10 отправлялся къ обѣднѣ, если самъ лично гдѣ-нибудь не служилъ. Оффиціальныхъ дѣлъ и пріемовъ у патріарха было множество: доклады по управленію церковію, дѣлавшіеся начальниками патріаршихъ приказовъ, различныя распоряженія чисто домашняго характера, — все это отнимало у патріарха не мало времени. Тутъ же и клались резолюціи въ отвѣтъ на челобитныя о предоставленіи челобитчику того или другого мѣста.

Послѣ обѣдни патріархъ принималъ лицъ, желавшихъ его видѣть. И число такихъ лицъ, желавшихъ увидѣть «свѣтильника на верху горы стоящаго», было немало... Для московскихъ горожанъ патріархъ былъ не только святитель, а скорѣе родной отецъ, указаніе, воля котораго имѣли для нихъ особенное значеніе. Вотъ почему крестовая патріарха была полна народу. Приходили за благословеніемъ лица, получившія какое бы то ни было назначеніе, уѣзжавшія на воеводство и пріѣзжавшія домой, справлявшія новоселье, сговорившія дочь выдать замужъ, желавшія жениться, словомъ, по поводу всякаго событія—большого или маленькаго—приходили брать благословеніе у патріарха, благословлявшаго каждаго просителя иконами и подарками.

Тутъ можно было встрѣтить митрополита, архіерея, архимандрита, поповъ, казаковъ; всѣ приносили, что могли: ширинки, убрусцы, пелены, свѣчи восковыя; нѣкто старецъ Филофей принесъ двухъ бобровъ; Аѳонька Игнатьевъ-новокрещенецъ—«ударилъ челомъ» патріарху «гнѣздомъ лебедей живыхъ»...

Затѣмъ наступала очередь именинниковъ, приносившихъ первосвятителю «именинный пирогъ». Исключеніе не составляли и царскія именины, только пирогъ подносился не лично; впрочемъ, въ 1671 г. царь Алексѣй поднесъ св. патріарху пирогъ лично и «жаловалъ пирогами патріаршихъ бояръ и дьяковъ».

Въ числѣ именинниковъ можно было встрѣтить: протопоповъ, поповъ, дьяконовъ, бояръ, дьяковъ, посадскихъ людей, различныхъ патріаршихъ людей: иконописцевъ, воскобойниковъ и др.

Приходили къ патріарху и новокрещенные мурзы и татары, желавшіе получить его благословеніе.

Если какой-либо монастырь или приходская церковь въ Москвѣ праздновали свой храмовой праздникъ, то священники церкви и администрація

монастыря шли къ патріарху съ праздничной водой и крестомъ. Бывали иногда депутаціи и отъ болѣе отдаленныхъ монастырей подмосковныхъ селъ архіерейскихъ каѳедръ. Обыкновенный составъ ежедневныхъ посѣтителей патріарха нѣсколько разнообразился лѣтомъ, когда созрѣвали фрукты и поспѣвали овощи. Тогда люди различнаго состоянія шли къ патріарху, чтобы получить благословеніе, приносили вмѣстѣ съ тѣмъ ему огурцы, морковь, редиску, арбузы, дыни, яблоки, сливы.

Въ до-обѣденное время патріархъ принималъ лицъ, дѣлавшихъ ему оффиціальные визиты. Патріарха часто посѣщали царь, еще чаще духовенство востока. Въ патріаршихъ палатахъ частыми посѣтителями бывали монашескія депутаціи съ граматами вселенскихъ патріарховъ, иноки Аѳонскаго монастыря, митрополиты, а иногда и патріархи. Всѣ шли къ патріарху за благословеніемъ въ надеждѣ поживиться насчетъ русскаго гостепріимства. Восточные гости встрѣчались съ большею торжественностью, и посѣщеніе ими патріарха было довольно тяжеловато для патріаршихъ финансовъ. Такъ, Антіохійскій патріархъ Макарій получилъ отъ Никона — зеленую мантію изъ франкскаго сукна, сорокъ соболей, позолоченную чашу, два куска камки и атласа. Въ томъ же родѣ одаряли и другихъ высокихъ посѣтителей.

Посѣщали патріарха и знатные иноземцы, приходившіе не съ пустыми руками и, въ свою очередь, получавшіе дары. Такъ, голландскіе гости Карпъ Демулинъ и Яковъ Фрянчиковъ «ударили челомъ» серебрянымъ вызолоченнымъ кубкомъ, золотнымъ турецкимъ и гладкимъ зеленымъ атласомъ; депутація отъ султана — 2 яшмовыя панагіи, обложенныя золотомъ и драгоцѣнными камнями, 2 бархатныхъ завѣса, шелковый коверъ и кисейное полотенце... Было бы утомительно перечислять всѣ эти разнородные подарки, получаемые патріархомъ. Послѣдній также не оставался въ долгу и давалъ имъ всѣмъ «свое государево жалованье».

Въ полдень патріархъ, какъ и всѣ русскіе, обѣдалъ, послѣ обѣда отдыхалъ, а вечернее время уходило на домашнія и вечернія занятія. Патріархи разсматривали челобитныя, читали книги, изучая разные церковные и догматическіе вопросы, такъ какъ патріархамъ, какъ первосвятителямъ церкви, приходилось считаться съ назрѣвавшими и выдвигавшимися жизнью тѣми или иными запросами времени. Иногда подъ ихъ непосредственнымъ наблюденіемъ составлялись цѣлыя книги, въ особенности во время литературной борьбы со старообрядчествомъ. Иногда вечеромъ къ патріарху приходили запросто побесѣдовать наиболѣе приближенныя къ нему лица; заходилъ и царь. Вечерней молитвой заканчивался день св. патріарха, и патріархъ ложился спать. Таковъ былъ обрядъ комнатной жизни патріарха въ обыкновенные дни.

Въ нѣкоторые изъ праздничныхъ дней порядокъ дня былъ нѣсколько иной. Такъ, въ Вербное воскресенье патріархъ принималъ участіе въ шествіи «на осляти», въ прощеное воскресенье происходило въ палатахъ патріарха торжественное прощаніе съ царемъ; 15-го августа торжественно праздновался храмовой праздникъ патріаршей каѳедры; въ недѣлю передъ Рождествомъ въ Успенскомъ соборѣ совершался чинъ «вещного дѣйства»

въ воспоминаніе чудеснаго спасенія трехъ отроковъ изъ Вавилонской пещи; 6-го января былъ послѣ обѣдни торжественный выходъ царя и патріарха для водоосвященія на Москву-рѣку, послѣ чего у патріарха бывалъ большой столъ; въ первый день Пасхи, послѣ заутрени, патріархъ съ властями ходилъ къ царю славить Христа, а потомъ вмѣстѣ съ государемъ шелъ къ царицѣ.

Святитель и государь поздравляли государыню, подносили ей иконы, цѣлуя у ней руку. Послѣ обѣдни происходило перенесеніе артоса изъ собора въ патріаршую Крестовую церковь, а затѣмъ у патріарха бывало «разговѣніе» для властей; по окончаніи его артосъ снова переносился въ соборъ. Въ четвергъ на Пятидесятницѣ патріархъ съ царемъ и царицей отправлялся за городъ на кладбище «для раздачи милостыни и совершенія службъ и поминокъ по всѣмъ умершимъ, утонувшимъ въ водѣ, убитымъ и по пришельцамъ».

VIII. Патріаршіе выходы.

Бытъ патріарховъ не укладывался въ рамки исключительно «комнатнаго обихода». Патріархи и въ обыкновенные дни нарушали его посѣщеніемъ царя со всякаго рода поздравленіями и выходами въ Успенскій соборъ для Богослуженія. Часто святитель отправлялся въ другіе храмы и монастыри, по случаю мѣстныхъ праздниковъ или погребенія и поминовенія кого-либо. Въ теченіе года патріархъ неоднократно посѣщалъ монастыри: Новодѣвичій, Чудовъ, Новинскій, Новоспасскій... соборы: Благовѣщенскій, Архангельскій, Покровскій. Бывалъ патріархъ и въ обыкновенныхъ приходскихъ храмахъ. Иногда патріархи посѣщали монастыри съ благочестивой цѣлью «помолиться».

Нѣкоторые изъ патріаршихъ выходовъ обусловливались заботливостью о своемъ хозяйствѣ, ради чего они выѣзжали на свои загородные хозяйственные дворы, находившіеся въ мѣстности Кудрина и Новинскаго монастыря. Такъ, патріархъ Іоакимъ ѣздилъ въ Новинскій монастырь для осмотра его по межѣ земли, а потомъ, спустя нѣсколько дней, выходилъ на Прѣсню и указалъ, гдѣ копать новый прудъ. Въ другой разъ тотъ же патріархъ поѣхалъ «на домовый житный дворъ и на Прѣсенецкій прудъ». Выѣзжали также патріархи на свои дворы «для досмотру каменнаго строенія», «на прудовое мѣсто за Петровскія ворота», гдѣ «велѣно строить домовый прудъ»... Можно отмѣтить патріаршіе выходы и по чисто случайнымъ обстоятельствамъ: такъ, Никонъ выходилъ на Пушечный дворъ «смотрѣть колокольнаго дѣла», патріархъ Іоакимъ «ходилъ за Варварскія ворота на Кулишки, смотрѣть новопостроенныхъ богадѣленъ, да на загородный дворъ за Мясницкія ворота». Выходилъ на Печатный дворъ и въ Богоявленскій монастырь, «въ новопостроенную школу, въ которой учатъ греко-іеромонахи Софроній и Аникій (Лихуды) учениковъ греко-латинскому книжному писанію и въ той школѣ учениковъ слушалъ ученія».

Московскіе выѣзды зимой совершались на саняхъ и въ возкахъ, а лѣтомъ въ каретѣ. Сани, «въ которыхъ на Москвѣ шествіе бываетъ па-

тріарху», обивались сукномъ и галуномъ, по мѣстамъ раскрашивались живописцами. Выѣздная карета тоже отличалась роскошью своей отдѣлки и большею частью была нѣмецкаго производства. Патріаршіе выѣзды съ внѣшней стороны были очень торжественны. Вотъ какъ описываетъ выѣздъ Никона Павелъ Алепскій: «Святитель, по выходѣ изъ монастыря, сѣлъ въ свои сани, обитыя бархатомъ, два митрополита сѣли сзади него справа и слѣва, а бояре поѣхали впереди и позади. Передъ патріарховымъ экипажемъ ѣхалъ или шелъ посошникъ, держа въ рукахъ святительскій посохъ и крестъ, обыкновенно предносившійся патріарху во время каждаго его выхода».

Приходилось патріарху и временно покидать Москву. Патріархъ ѣздилъ въ лѣтнія царскія резиденціи: Коломенское, Преображенское, Воробьево. Такія поѣздки вызывались разными обстоятельствами: именинами, разными событіями въ царской семьѣ. Чаще всего патріархи посѣщали свои патріаршія села, гдѣ они не только «обнощевали», но и жили по нѣсколько дней. Цѣль поѣздокъ не всегда была хозяйственная, хотя послѣдняя, кажется, преобладала. Патріархи выѣзжали въ свои вотчины «для освященія церквей», «для досмотру и благословенія мѣста, гдѣ строить новую каменную церковь»...

Случалось патріархамъ отправляться и въ болѣе отдаленныя путешествія, чѣмъ поѣздки въ патріаршія вотчины. Существуютъ указанія на поѣздки въ далекіе монастыри: Саввинскій, Пафнутьевскій-Боровскій, Троице-Сергіевскій, Иверскій, а также въ города: Тверь, Вязьму, Можайскъ, Владимиръ, Новгородъ.

Цѣль такихъ отдаленныхъ поѣздокъ была различная: патріархи отправлялись или обозрѣвать отдаленныя вотчины, или просто помолиться, иногда согласно данному обѣщанію, а иногда и «для освященія церквей».

Къ дальнему путешествію патріарха усиленно готовились на патріаршемъ дворѣ: починялись экипажи, ремонтировалась или заново шилась походная одежда, покупались всякаго рода необходимыя принадлежности для путешествія... Патріарху было трудновато сняться съ мѣста: ему приходилось брать съ собой необходимую мебель, посуду, бочки съ «медвеными питьями», съѣстные припасы, письменныя принадлежности, священныя облаченія, богослужебныя книги. Съ патріархомъ ѣхала большая свита: тутъ были возницы, конюхи, ухабничіе, приспѣшники, дѣти боярскія, стрѣльцы, пристава съ ружьями и порохомъ на случай нападенія разбойниковъ. Любой выходъ патріарха сопровождался раздачею милостыни нищимъ, ожидавшимъ патріарха на пути или пунктахъ его «становъ». Святители брали деньги съ собой въ возокъ или въ карету; раздавали деньги или лично, или поручали это дѣлать сопровождавшимъ патріарха боярямъ. Въ общемъ, сумма денегъ, раздаваемая патріархами нищимъ, занимала довольно видное мѣсто въ патріаршемъ расходномъ бюджетѣ. Наконецъ, въ кануны праздниковъ патріархъ ходилъ по тюрьмамъ, навѣщая заключенныхъ и разспрашивая о причинахъ заключенія. Посѣщеніе тюремъ непремѣнно сопровождалось раздачею милостыни.

IX. Патріаршія похороны.

Патріархи, предчувствуя свою кончину, обыкновенно прибѣгали къ соборованію масломъ. Такъ поступилъ Филаретъ, который передъ кончиной «святился масломъ», при чемъ духовенство получило не малое денежное вознагражденіе. «Святились масломъ» и другіе патріархи. Такъ, Іоакимъ, какъ только «заскорбѣлъ главной болѣзнью», сейчасъ же «посвятился елеомъ» и приказалъ раздать милостыню, «за спасеніе души своея и ради облегченія отъ болѣзни его—во всѣ монастыри дѣвичьи и женскіе, кромѣ Вознесенскаго и Алексѣевскаго, игуменіямъ и старицамъ, и во всѣ богадѣльни нищимъ мужеска полу и женска, раздать милостыни по 6 денегъ человѣку».

Заунывнымъ похороннымъ звономъ сообщали Москвѣ о смерти ея духовнаго отца. Тѣло патріарха омывали грецкою губкой, а потомъ «облекали» его въ святительскія одежды. Тѣло клалось въ гробъ и затѣмъ переносилось въ одну изъ крестовыхъ церквей, гдѣ и оставалось до выноса въ соборную церковь; передъ выносомъ въ послѣднюю приходили прощаться съ патріархомъ царь, бояре, духовенство. Перенесеніе тѣла въ соборъ обставлялось большою торжественностью. Гробъ несли игумены и архимандриты. Передъ гробомъ шли протопопы, священники, дьяконы со св. иконами и крестами, рипидами, пѣвчіе съ лампадами и свѣчами. Непосредственно передъ тѣломъ несли посохъ св. Петра, а за гробомъ шли царь и власти. Во время переноса тѣла звонили во всѣ колокола. При участіи высшаго духовенства совмѣстно съ сонмомъ духовенства происходило отпѣваніе и погребеніе покойнаго патріарха. Исполненіемъ его послѣдней воли, выраженной въ завѣщаніи, оканчивалась отдача послѣдняго долга умершимъ святителямъ. Обыкновенно похоронные расходы производились частью изъ патріаршей казны, частью изъ царской. Кажется, послѣдняя брала на себя ихъ львиную долю.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКА.

Стр.

А. П. Новицкій. Гражданская архитектура старой Москвы. 5

В. В. Нечаевъ. Иноземскія слободы въ Москвѣ въ XVI и XVII вв. 18

Проф. М. Н. Сперанскій. Идейныя движенія въ старой Москвѣ (до конца XVII в.) 44

С. К. Богоявленскій. Войско въ Москвѣ въ XVI и XVII вв. 62

В. Я. Улановъ. Положеніе низшихъ классовъ въ Московскомъ государствѣ въ XVI и XVII вв. 85

В. И. Пичета. Домашній бытъ Московскихъ патріарховъ . . 107